

**Редакционный совет научного журнала
«Вестник НГУ. Серия: История, филология»**

Председатель совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зуев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

Х. А. Амирханов акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)

Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)

Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)

А. В. Головнёв чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)

А. Е. Демидчик д-р ист. наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

О. Д. Журавель д-р филол. наук, профессор (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Г. Е. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)

А. К. Киклевич д-р филол. наук, профессор (Варминьско-Мазурский университет, Польша)

С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)

В. А. Ламин чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Россия)

Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Япония)

Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Германия)

Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)

П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)

И. В. Силантьев д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)

Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия выпуска «Филология»

Ответственные редакторы

- О. Г. Щеглова канд. филол. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Л. Н. Синякова д-р филол. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь

- М. С. Берендеева канд. филол. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционной коллегии

- Е. И. Дергачева-Скоп д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Н. А. Лукьянова д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Н. Н. Казанский академик РАН, д-р филол. наук, проф. (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия)
- Н. Б. Кошкарева д-р филол. наук, проф. (Институт филологии СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)
- И. А. Мельчук д-р филологии, проф. (Монреальский университет, Канада)
- Л. Г. Панин д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Э. Стергиопулу д-р филологии, проф. (Афинский национальный университет, Греция)
- П. Энгель д-р наук (Европейский центр по консервации книг и бумаги, Хорн, Австрия)

Advisory Board of Academic Journal “Vestnik NSU. Series: History and Philology”

Chief of the Advisory Board

- V. I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

- A. S. Zuev Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

- S. G. Skobelev Candidate of Sciences (History), Docent (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

- Kh. A. Amirzhanov Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
- B. Viola Doctor of Sciences (History), Professor (University of Toronto, Canada)
- E. E. Voytishchik Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- T. Glantz Doctor of Sciences (Philology), Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)
- A. V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)
- A. E. Demidchik Doctor of Sciences (History), Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)
- A. P. Derevianko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- J. Joubert Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)
- O. D. Zhuravel Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- G. E. Imposti Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Bologna, Italy)
- A. K. Kiklevich Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)
- S. M. Kotkin Doctor of Sciences (History), Professor (Princeton University, United States)
- V. A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- Oka Hiroki Doctor of Sciences (History), Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)
- H. Parzinger Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)
- H. Plisson Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)
- Bae Kidong Doctor of Sciences (Archaeology and Anthropology), Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)
- P. Rutland Doctor of Sciences (History), Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)
- I. V. Silantev Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- Tang Chung Doctor of Sciences (History), Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)
- T. Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)
- Yu. V. Shatin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board of the Issue “Philology”

Executive Editors

- O. G. Shcheglova Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- L. N. Sinyakova Doctor of Sciences (Philology), Docent (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary

- M. S. Berendeeva Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Board Members

- E. I. Dergacheva-Skop Doctor of Sciences (Philology), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- N. A. Lukyanova Doctor of Sciences (Philology), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- N. N. Kazanskiy Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Linguistic Studied of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation)
- N. B. Koshkareva Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- I. A. Melchuk Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Montreal, Canada)
- L. G. Panin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- E. Stergiopoulou Doctor of Sciences (Philology), Professor (National University of Athens, Greece)
- P. Engel Doctor of Sciences (European Research Centre for Book and Paper Conservation-Restoration, Horn, Austria)

В Е С Т Н И К Н Г У

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2022. Том 21, № 2: Филология

СОДЕРЖАНИЕ

Языкознание

- Щеглова О. Г., Гончаренко Е. А.* К изучению лексики Стишного Пролога: тематическая группа номинаций артефактов 9
- Лесников С. В.* К составлению словаря раннего переселенческого говора вологодско-вятской группы севернорусского наречия 23
- Хисамитдинова Ф. Г., Валиева М. Р., Ягафарова Г. Н., Муратова Р. Т.* Полисеман-тичность фитотопонимов Южного Урала и Зауралья 35
- Ойноткинова Н. Р.* О мифологизации топонимов в языке и фольклоре алтайцев 48
- Герасимова Л. Н.* Репрезентация концептов *СТАРШИЙ БРАТ / МЛАДШАЯ СЕСТРА* в якутском героическом эпосе 57
- Тэн Хай, Андросова С. В.* Особенности паузации в родной и акцентной спонтанной речи: акустический анализ китайской родной, русской акцентной и русской родной речи 67

Литературоведение

- Фуксон Л. Ю.* Горе от ума в романе «Подросток» 87
- Колесников О. М.* Ренановский интертекст в рассказе А. П. Чехова «Студент» 94
- Крюкова М. И.* «Апокалиптические» экфрасисы (И. Бунин – А. Грин – Б. Юльский) 100
- Ковтун Н. В.* Кто они, героини современной прозы: «Баба-богатырка», «Баба с подушкой» или Бизнес-леди? 108

<i>Колмакова О. А.</i> Интерпретация христианской категории терпения в романе М. Елизарова «Библиотекарь»	118
---	-----

Научная жизнь

<i>Хайруллина Н. Г., Трошкина И. Н.</i> VIII Международная научная конференция «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий», посвященная 300-летию открытия памятников енисейской письменности и Году хакасского эпоса в Республике Хакасия	129
--	-----

Информация для авторов	134
------------------------	-----

V E S T N I K N S U

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2022, vol. 21, no. 2: Philology

CONTENTS

Linguistics

- Shcheglova O. G., Goncharenko E. A.* To the Study of the Stishnoy Prologue Vocabulary: The Thematic Group of Artifact Nominations 9
- Lesnikov S. V.* On Compiling a Dictionary of the Early Migration Dialect of the Vologda-Vyatka Group of the Northern Russian Dialect 23
- Khisamitdinova F. G., Valieva M. R., Yagafarova G. N., Muratova R. T.* Polysemanticity of Phytotoponyms of Southern Urals and Trans-Urals 35
- Oinotkinova N. R.* On the Mythologization of Toponyms in the Language and Folklore of the Altaians 48
- Gerasimova L. N.* Representation of Concepts *BIG BROTHER* / *LITTLE SISTER* in the Yakut Heroic Epic 57
- Teng Hai, Androsova S. V.* Pauses in Native and Foreign-Accented Spontaneous Speech: Acoustic Analysis of Native Chinese, Chinese Learners of Russian, and Native Russian Speech 67

Literature

- Fukson L. Yu.* Woe from Wit in the Novel “The Adolescent” 87
- Kolesnikov O. M.* Intertext of Renan in Chekhov’s Short Story “The Student” 94
- Kriukova M. I.* “Apocalyptic” Ekphrasis (I. Bunin – A. Grin – B. Yulsky) 100
- Kovtun N. V.* Who Are They, The Heroines of Modern Prose: “Baba bogatyrka”, “Baba with a Pillow” or Business-Lady? 108

<i>Kolmakova O. A.</i> Interpreting the Christian Category of Patience in M. Elizarov’s Novel “The Librarian”	118
---	-----

Scientific Life

<i>Khairullina N. G., Troshkina I. N.</i> The 8 th International Scientific Conference “Peoples and Cultures of the Sayan-Altai and Bordering Territories”, Dedicated to the 300 th Anniversary of the Discovery of Sites of the Yenisei Script and to the Year of Khakass Epic in the Republic of Khakassia	129
--	-----

Instructions to Contributors	134
------------------------------	-----

Научная статья

УДК 811.163.1:81'373

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-9-22

К изучению лексики Стишного Пролога: тематическая группа номинаций артефактов

Ольга Георгиевна Щеглова¹

Елизавета Александровна Гончаренко²

^{1,2} Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

¹ scheglova@post.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4358-2680>

² e.goncharenko1@g.nsu.ru

Аннотация

Представлены результаты лексико-семантического анализа наименований артефактов, выявленных в текстах Стишного Пролога – календарного четьего сборника, широко распространенного на Руси в XV–XVII вв. Материалом для исследования послужила рукопись XV в. из собрания Троице-Сергиевой лавры ОР РГБ № 715. Среди 156 наименований артефактов, представленных 1 235 словоупотреблениями, было выделено 23 тематические группы. Наиболее многочисленной является группа наименований оружия и орудий пыток, что объясняется самим содержанием текстов, в которых рассказывается о жизни, мучениях и смерти святых. Авторы пришли к выводу, что наименования артефактов разнообразно представлены в Стишном Прологе, вступают между собой в различные парадигматические отношения. Частотность их употребления, их внутренние семантические связи указывают на принадлежность единиц к активному словарному составу церковнославянского языка XV в.

Ключевые слова

история русского языка, историческая лексикология, тематическая группа, номинации артефактов, памятники церковнославянской письменности, Стишной Пролог

Для цитирования

Щеглова О. Г., Гончаренко Е. А. К изучению лексики Стишного Пролога: тематическая группа номинаций артефактов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 2: Филология. С. 9–22. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-9-22

To the Study of the Stishnoy Prologue Vocabulary: The Thematic Group of Artifact Nominations

O. G. Shcheglova¹, E. A. Goncharenko²

^{1,2} Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

¹ scheglova@post.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4358-2680>

² e.goncharenko1@g.nsu.ru

Abstract

The article examines a significant lexical layer of the Stishnoy Prologue which is the vocabulary of artifact names (i. e. 'objects made by man'). The revealed vocabulary includes 23 thematic groups. Intra-word and inter-word paradigmatic relations were analyzed in the group of artifact nominations. The purpose of our study is a comprehensive analysis of the names of artifacts in the Stishnoy Prologue. An analysis of the functional features of the artifact names showed that the genre of the text presented in the Stishnoy Prologue defines the frequency of use of the analyzed lex-

emes. Analysis of the artifact names in the Stishnoy Prologue reveals that the group of such lexemes is quite diverse and includes not only names of objects of worship and church life and instruments of torture, but also units denoting everyday vocabulary such as names of jewelry, objects of crafts, etc. The frequency of use of such lexemes in the text of the manuscript and their semantic connections within and outside of the group indicate that the units belong to the active vocabulary of the Church Slavonic language of the 15th century.

Keywords

history of the Russian language, historical lexicology, thematic group, artifact names, monuments of Church Slavonic writing, Stishnoy Prologue

For citation

Shcheglova O. G., Goncharenko E. A. To the Study of the Stishnoy Prologue Vocabulary: The Thematic Group of Artifact Nominations. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 2: Philology, pp. 9–22. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-9-22

Введение

История русского языка и формирования его словарного состава еще далеко не написана. По-прежнему актуальной является задача создания академической исторической лексикологии. Основные направления этой дисциплины и методики ее исследования были намечены Ф. П. Филиным в статьях 1980-х гг., уже после его смерти собранных в монографию «Историческая лексикология русского языка» [2008]. В частности, Ф. П. Филин предлагал рассматривать лексику письменного церковнославянского языка русского извода в сопоставлении с лексикой памятников письменности, созданных непосредственной в Древней Руси, анализировать те слова, которые возникли в древнерусском языке под влиянием церковнославянского языка. По мнению ученого, «в Древней Руси вошли в соприкосновение два близкородственных, но самостоятельных языка, отличавшихся друг от друга не только “специальной” терминологией, но и словами всех лексико-семантических групп» [Там же, с. 102]. В этом плане Стишной Пролог как памятник церковнославянской письменности представляет большой интерес с точки зрения исследования лексики в целом и номинаций артефактов в частности.

Актуальность предпринятого исследования определяется тем обстоятельством, что история словарного состава русского языка находится в сфере постоянных интересов исследователей. Памятники письменности являются важнейшим источником материала при изучении истории русского языка и его лексики. Исследование текстов позволяет проследить изменения словарного состава в диахронном аспекте, проанализировать эволюцию отдельных слов и групп лексики. По словам Р. И. Аванесова, «заставив “заговорить” памятник, исследователь может извлечь из него неоценимые по важности данные. <...> Письменные памятники <...> при благоприятных условиях (наличии датировки, локализации) дают весьма важные показания о хронологии языковых явлений: хотя они и не могут давать сведения о времени возникновения языкового явления, они часто позволяют судить о том, когда то или иное языковое явление на той или иной территории уже существовало» [1956, с. 14].

Словарный фонд русского языка формировался из различных источников: лексика народно-разговорного языка, лексика деловой письменности, лексика церковнославянского языка. Поскольку памятники письменности представляют собой уникальные источники языкового материала, изучение их лексики в самых разных аспектах является неоценимым вкладом в исследование истории русского языка. Существуют различные подходы к изучению лексики памятников письменности: рассматривается лексика памятника в целом или исследуются отдельные лексико-семантические или тематические группы в их составе [Баталина, 2005; Долгушина, 2004; Малышева, 1997; Митина, 2000]. Стишной Пролог, будучи репрезентантом церковнославянского языка XV–XVII вв., не только представляет словарный состав самого памятника письменности, но и отражает определенную часть лексического фонда церковнославянского языка.

Новизна работы заключается в обращении к Стишному Прологу как объекту лингвистического исследования и в выборе номинаций артефактов в качестве объекта анализа. Стишной Пролог в языковом и, в частности, лексическом отношении изучен еще явно недостаточно. В основном лексикологическими исследованиями этого памятника письменности занимаются болгарские ученые (П. Кривчев, Л. Тасева, М. Спасова, А. Тихова), в российском же научном сообществе работ, где объектом выступал бы какой-либо лингвистический аспект Стишного Пролога, гораздо меньше. В работах А. Д. Большакова [2013; 2017] были обобщены предшествующие наблюдения над функционированием конкретной лексики на материале четырех рукописей, одной из которых был Стишной Пролог № 717 ф. 304.1 НИОР РГБ. Автором выделен из августовских чтений рукописей массив существительных с конкретным значением, который был разделен на 45 лексико-тематических групп. В результате автор пришел к выводу, что «лексика составляющих Прологи чтений характеризуется системностью, которая обнаруживается в наличии взаимосвязанных лексико-тематических групп, имеющих прогрессивную дифференциацию, хотя некоторые иерархические элементы не всегда оказываются эксплицированы» [Большаков, 2017, с. 7]. Кроме того, А. Д. Большаков отметил, что часть лексико-тематических групп одинаково представлена и в дидактической, и в житийной части Пролога, но в большем количестве конкретная лексика представлена в агиографической части, поскольку здесь даны описание жизни и быта святого, характеристика его окружения, и, конечно, обстоятельства его смерти (как правило, мученической).

В наших работах, посвященных лингвистическому изучению Стишного Пролога, мы рассматривали вопросы синонимии [Щеглова, 2003], а также динамических изменений в языке Стишного Пролога [Щеглова, 2012].

Активизации лингвистических исследований Стишного Пролога способствовала двенадцатитомная публикация проложных текстов Тырновской редакции Стишного Пролога по данным старейших болгарских рукописей середины XIV в., предпринятая болгарскими филологами Г. Петковым и М. Спасовой [2008–2016].

Л. Тасева рассматривала несинонимические разночтения и ошибки перевода стихословий марта, понимаемые в широком смысле как несоответствия между оригиналом и переводом. В ходе анализа исследователь установила, что болгарская и сербская версии стихов в марте имеют независимое происхождение [Тасева, 2009].

М. Спасова в текстах Стишного Пролога выявила и проанализировала небольшое количество редких и устаревших слов. Она пришла к выводу, что в лексике памятника встречается архаичная бытовая и диалектная лексика, которая является ценным источником для исторического словаря болгарского языка [Спасова, 2009]. В другой статье М. Спасова представляет лингвистические факты из Тырновской редакции Стишного Пролога, которые опровергают распространенное мнение, что богослужебные книги сохраняли традиционное написание при создании новых копий. По мнению автора, язык перевода содержит новые черты, которые свидетельствуют о непосредственном влиянии разговорного болгарского языка на язык перевода Стишного Пролога как на грамматическом, так и на лексическом уровне [Спасова, 2011].

П. Кривчев в ходе лексико-семантического анализа дублетных форм имен существительных из Тырновской редакции Стишного Пролога пришел к выводу, что в лексический состав Стишного Пролога включаются не только слова, имеющие отношение к богослужению, но и лексемы, пришедшие из разных сфер жизни. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что Стишной Пролог является ценным источником для изучения словарного состава болгарского языка среднеболгарского периода [Кривчев, 2014].

А. Тихова обобщила свои многолетние исследования [Маринова (Тихова), 2004; 2005; 2006; Тихова, 2007; 2008; 2009; 2011] в монографии «Лексика за назоваване на средства за мъчение в славянския превод на Пролога» [Тихова, 2020]. А. Тихова рассматривает не исследованный ранее пласт староболгарской лексики, а именно семантическое поле «орудия пы-

ток» в Прологе Простом и Стишном Прологе на материале самых древних датированных рукописей и выделяет в нем более мелкие лексические группы, объединенные какой-либо интегральной семой: сема «специализированные орудия», сема «оружие», сема «оказание механического воздействия на тело мученика», сема «лишение мученика возможности двигаться» и др. А. Тихова анализирует происхождение лексем, выделяет исконную славянскую (88 % в Прологе Простом и 85,4 % в Прологе Стишном) и заимствованную для болгарского языка лексику. В четвертой главе монографии исследовательница анализирует сочетаемость лексем с прилагательными, причастиями и глаголами, выделяя устойчивые сочетания (*сплпгы желѣзны, оловьна рѣка, ногѣти желѣзны* и др.). Автор отмечает, что контекст играет важную роль для выявления у существительного значения 'орудие пытки'. Ею выявлены известные лексеммы, у которых в словарях староболгарского языка не отмечено это значение. В результате анализа А. Тихова приходит к выводу, что общие для Стишного и Простого Прологов лексеммы, обозначающие орудия пыток, дают серьезное основание для предположения, что перевод обоих Прологов имеет общее житийное ядро [Там же, с. 177].

Цель нашего исследования – комплексный анализ лексики Стишного Пролога, называемой артефакты. Для этого путем сплошной выборки необходимо выделить в составе лексики Стишного Пролога номинации артефактов, установить тематическую организацию данной лексики, рассмотреть внутри- и междусловные парадигматические отношения, выявить особенности функционирования анализируемых лексем в текстах Стишного Пролога. Источником материала послужила рукопись Стишного Пролога XV в. № 715¹ из собрания Троице-Сергиевой лавры Российской государственной библиотеки. В этой рукописи представлены тексты на март – май: памяти святым и памятным датам, отрывки из житий святых, а также назидательные повести и поучения, слова Отцов Церкви, расположенные в календарном порядке. В результате сплошной выборки по полному тексту рукописи (366 листов) нами выявлено 156 наименований артефактов в 1 235 словоупотреблениях.

Результаты исследования

Исследуемая нами лексическая группа наименований артефактов отражает проявления человеческой деятельности, зафиксированные в языке. Несмотря на то что Стишной Пролог – это агиографический сборник, который большей частью содержит короткие рассказы о жизни святых и назидательные повести, исследуемые номинации представлены в нем в значительном количестве. При проведении классификации мы обращались к полевому методу, т. е. выделяли совокупности лексических единиц из некоторой более общей системы, или поля. Из широкого поля конкретной лексики мы выделили группу существительных, называемых артефакты, на основании интегральной семы «созданное человеком», а затем разделили на более мелкие тематические группы (ТГ), в зависимости от дополнительных сем, которые присоединяются к семе «созданное человеком», например: «служит пищей», «используется в быту», «ранит» и др. Вся выявленная лексика была распределена по 23 тематическим группам, которые отражают фрагменты действительности и являются результатом классифицирующей деятельности нашего сознания.

Тематическая классификация наименований артефактов

Ниже представлена полная классификация наименований, группы расположены в порядке убывания количества составляющих их единиц.

ТГ 1 Номинации орудий пыток (47)²:

¹ Трц-715 – Стишной Пролог, март – май, 1429 г., русский, 366 л., 1⁰: ОР РГБ. Собрание Троице-Сергиевой лавры. Ф. 304/1. № 715. Стишной Пролог, рукопись № 715 / Библиотека Троице-Сергиевой лавры. URL: <http://old.stsl.ru/manuscripts/book.php?col=1&manuscript=715> (дата обращения 16.01.2021).

² В скобках указано количество лексем в тематической группе.

ТГ 1.1 Приспособления для ограничения движения – *Ѹжь, гаремь, Ѹзы, шковы, крѣстѣ* (ЛСВ 1), *колео, бернги, берви, коло, столѣ, клѣда, жѣда, сапогы желѣзны, волѣ медѣанѣ.*

ТГ 1.2 Колюще-режущие орудия – *гвозди, ножь, берпѣ, ноготь, мечь, трезѣбѣ, вѣнецъ* (ЛСВ 1), *крѣпы, стѣла, копѣе, желѣзы, сѣлнца, кронло.*

ТГ 1.3 Приспособления для нанесения ударов – *рожны, солнѣ, жезлѣ, жезлѣе, бичь, млѣтѣ, трѣстѣ* (ЛСВ 1), *пѣлнца, кын, ремень.*

ТГ 1.4 Приспособления для нагревания / сожжения – *чнганѣ, иковрада, икрада, печь, гор-
ннѣ.*

ТГ 1.5 Приспособления для осуществления выстрелов – *пѣлѣ, лѣкъ.*

ТГ 1.6 Родовые наименования – *врѣжѣе, врѣдѣе.*

ТГ 2 Слова, называющие архитектурные сооружения и элементы построек (20).

ТГ 2.1 Бытовые сооружения – *домѣ, жилище, храмнина, столпѣ, клѣтъ.*

ТГ 2.2 Специальные сооружения – *плѣбница, банѣ, темница, болница.*

ТГ 2.3 Культовые сооружения – *монастырь, церковь, храмѣ, лѣра.*

ТГ 2.4 Части построек – *дверн, брага, замкы, капнице, шлѣтарь, жертвенникѣ, прѣстолѣ* (ЛСВ 1).

ТГ 3 Вместилища (16)

ТГ 3.1 Бытовые вместилища – *ларѣ, корыта, икѣделѣ, кошница.*

ТГ 3.2 Огнеупорные вместилища – *конобѣ, волѣ, кадѣ, трѣногы, квѣтѣлѣ.*

ТГ 3.3 Вместилища для еды и напитков – *чѣша, шпанница, стѣкло, езеѣдѣ, стѣклѣница.*

ТГ 3.4 Погребальные вместилища – *грѣбѣ, ковчегѣ.*

ТГ 4 Пища (12)

ТГ 4.1 Видовые наименования – *пѣла, брашно, сочнѣ, гадарѣ, ичѣдѣ, гадѣе.*

ТГ 4.2 Мучная пища: богослужебная и повседневная – *прѣкѣра, прѣкѣра, хлѣбѣ, ковн-
жецѣ.*

ТГ 4.3 Молочные продукты – *сырѣ, млѣко.*

ТГ 5 Одеяния и их элементы (10)

ТГ 5.1 Одеяния – *рѣза, плащѣ, одежда, млѣтѣ, вѣтѣнице, рѣбы, шѣодѣ, млѣотарѣ, ѣтѣварѣ.*

ТГ 5.2 Элементы одеяний – *поѣгѣ.*

ТГ 5.3 Защитные одеяния – *бронѣ.*

ТГ 6 Слова, именующие атрибуты церковной жизни (10) – *икона, шѣраѣ, крѣстѣ* (ЛСВ 2), *нѣдѣ, икрѣлѣ, хорѣѣ, знаменѣе, кадѣлница, кадѣло, мѣро (млѣро)*

ТГ 7 Средства передвижения (5) – *корѣбѣ, нѣнѣло, колѣнница, тѣлега, вѣзѣло.*

ТГ 8 Наименования тканей (5).

ТГ 8.1 Роскошные ткани – *копрѣна, порѣнѣ.*

ТГ 8.2 Ткани простые – *рѣгоѣ, вѣлѣлница.*

ТГ 9 Покровы из ткани (5) – *покрѣвалѣ, покрѣвѣ, прѣстѣнѣ, плащѣлница, понѣва.*

ТГ 10 Украшения (5) – *перѣстѣнѣ, вѣнецъ* (ЛСВ 2), *грѣвѣлѣ, бѣсерѣ, рѣлѣ.*

ТГ 11 Напитки (4) – *пѣво, вѣно, пѣтѣе, зѣлѣ.*

ТГ 12 Слова, называющие книги (4) – кнѣга, харѣта, свѣтокъ, рѣкопѣснѣ.

ТГ 13 Музыкальные инструменты (4) – гѣли, трѣбы, тимпанъ, свирѣль.

ТГ 14 Приспособления (4) – ключевѣ, мерило, печатъ, лѣстѣнцѣ.

ТГ 15 Наименования монет (3) – златиць, злато, сребреникъ.

ТГ 16 Названия веществ, используемых для истязаний (3) – смола, шцѣгъ, сера.

ТГ 17 Предметы освещения (2) – свѣтѣльничъ, свѣща.

ТГ 18 Письменные принадлежности (2) – трѣгъ (ЛСВ 2), чернилѣ.

ТГ 19 Предметы мебели (2) – одръ, постѣла.

ТГ 20 Символы власти (2) – скипетръ, прѣстолъ (ЛСВ 2).

ТГ 21 Обувь – сандалѣ.

ТГ 22 Предметы ремесла – рѣкодѣлѣ.

ТГ 23 Утварь – черпалничъ.

Наиболее многочисленна группа, объединяющая наименования орудий пыток (29 % от общего количества лексем). Выявлено 237 словоупотреблений. В первую очередь такой результат связан со спецификой Стишного Пролога: в сборнике особое внимание уделяется мученичеству и роду смерти святых, подробно описываются казни, пытки и, следовательно, инструменты, которые используются для их осуществления. Мы выделили в группе 6 подгрупп на основе дополнительных сем, которые дифференцируют различные орудия. Наиболее многочисленными оказались подгруппы приспособлений для ограничения движения (14 единиц, 30 % от общего количества наименований орудий пыток) и колюще-режущих орудий (13 единиц, 28 %), которые объединяют наименования прежде всего металлических приспособлений с острым краем или острием: гвозди, ножь, серпъ, ноготь и др., и наименования уз различного рода из различного материала: љзы, вервн, вернги и др.

Именно подгруппа «Колюще-режущие предметы» насчитывает самое большое количество словоупотреблений (179) благодаря включенному в нее слову «мечь», которое встречается в тексте 128 раз. Такая частота связана в первую очередь с тем, что слово «мечь» является элементом устойчивого сочетания «мечемь кончѣмь», входящего в заголовок памяти святого, которое указывает на принятие насильственной смерти вообще и противопоставлено по значению сочетанию «миромь кончѣмь», обозначающему мирную, естественную смерть: «стѣлѣ софѣлѣ <...> мечемь кончѣмь» (Трц-715, л. 277 об.)³. Подробного описания смерти в таком случае в тексте не приводится. Употребляется слово «мечь» и в самих текстах в прямом значении: «посѣче мечь мѡужѣи двѣ десѣтиць» (л. 127) или «перѣбѣи цѣрь мечемь главоу ен штещи повелѣ» (л. 219 об.) и т. д.

Следует отметить, что мы включили в группу орудий пыток некоторые лексемы, которые приобретают необходимое значение в контексте или в сочетании с определенным прилагательным, но вне контекста обозначают предметы быта. В частности, лексема «сапогы» (сапогъ – 1) обувь, 2) твердая кожаная обувь, сапог, башмак (МСДРЯ, 2003, с. 262)) в сочетании с прилагательным «желѣзныъ» образует наименование приспособления для пыток: «подемь в сапогы желѣзныъ гвоздне имѡущее на носѣ его шѡуша» (л. 183), по сути становится синлексемой; также к синлексемам относится сочетание «желѣзныъ ногѣти», которое приобрета-

³ Далее при ссылках на этот источник в круглых скобках указывается номер листа.

ет значение орудия истязания: «желѣзными ноготы дранъ» (л. 51 об). Слово «гвоздь», которое обозначает бытовое приспособление, также используется для обозначения орудия пыток в текстах Стишного Пролога: «пригвоздиша гвоздми платѣ ен» (л. 219). То же относится и к слову «млатъ»: «и желѣзными млаты глезны нхъ кроушиша» (л. 284 об.).

Вторая по численности группа объединяет наименования архитектурных сооружений и их частей – 12 % от общего количества лексем. Поскольку Стишной Пролог является агиографическим четвым сборником, то лексемы, обозначающие храм, употребляются в тексте наиболее часто. В частности, слово «церковь» встречается в тексте 176 раз, слово «монастырь» – 62 раза, слово «храмъ» – 15 раз. Были выявлены наименования некультовых сооружений: домъ, жилище, храмна и др. Слово «темница», которое мы рассматривали как наименование специального сооружения, находим в тексте 86 раз, что вновь связано с особенностями повествования о мученичестве святых, которые часто подвергались заточению: «сего же вьдн в темницѣ» (л. 80 об.). Таким образом, лексемы тематической группы «Архитектурные сооружения и их части» обладают наибольшим показателем частотности: в тексте встретилось 426 словоупотреблений. К этой группе мы отнесли также наименования частей культовых сооружений, а именно: капнице, штарь, жертвенникъ, прѣстолъ.

Наименования вместилищ составляют 10 % от общего количества лексем. Особенностью группы является наличие подгруппы «Огнеупорные вместилища», которая объединяет названия различных сосудов, куда наливались раскаленные жидкости (масло, сера, смола, олово и т. д.). Эти сосуды, в свою очередь, использовались во время пыток святых: «и вь конокъ смолою полнъ вверженъ» (л. 95 об.); «растопиша оубо смолоу и сѣроу вь трн квтлы» (л. 8 об.). Наиболее часто встречаются наименования погребальных вместилищ: слово «гробъ» употреблено в тексте 44 раза: «чѣло же инѣдлемо бывлетъ чребми вь гробѣ» (л. 294).

Группа «Пища» насчитывает 11 лексем, что составляет 7 % от общего количества наименований артефактов. Встречаются родовые наименования пищи, такие как пица, инѣдъ, брашно: «до полудне поститиша члѣкѣ и тогда намытитиша брашна» (л. 55), а также наименования мучных изделий, в частности богослужебного хлеба, просфоры. Лексема «хлѣбъ» встречается в тексте наиболее часто по сравнению с другими единицами: 67 словоупотреблений. В целом единицы данной тематической группы отмечены в тексте Стишного Пролога 147 раз, что говорит о высокой частотности употребления базовых наименований пищи даже в агиографических сборниках.

В группе «Одеяния и их элементы» (6 % от общего количества лексем) преобладающая часть лексем обозначает монашеское или другое церковное облачение. Самым частотным оказалось слово «риза», оно используется в тексте 40 раз. Другие наименования встречаются реже, в целом в группе насчитывается 77 словоупотреблений.

Разнообразие тематической группы «Слова, именующие атрибуты церковной жизни» (4 % от общего количества лексем) объясняется характером анализируемого текста, в котором встречаются различные наименования, связанные с проведением церковных таинств и других религиозных обрядов.

Таким образом, благодаря тематической классификации выделенной лексики мы можем сделать вывод о том, что в тексте Стишного Пролога наиболее полно и разнообразно представлена группа наименований орудий пыток, что связано с особенностями сюжетного содержания рукописи. Кроме наименований орудий пыток в тексте часто встречаются слова религиозной семантики, принадлежащие к различным тематическим группам. Отражена

в тексте и предметно-бытовая лексика, которая является базой словаря любого языка и употребляется в произведениях различных жанров.

Анализ внутрисловных парадигматических отношений

В результате семантического анализа наименований артефактов по материалам Словаря древнерусского языка И. И. Срезневского, Словаря русского языка XI–XVII вв. и Старославянского словаря (по рукописям X–XI вв.) под редакцией Р. М. Цейтлин нами были выявлены многозначные лексемы. Из 156 лексем 115 являются многозначными, что составляет 74 % от общего количества единиц. В связи с этим некоторые слова (*вѣнецъ*, *прѣстолъ*, *тростъ*) были распределены по двум группам, вследствие того что в текстах Стишного Пролога они встретились в разных лексико-семантических вариантах. Так, слово «*трзѣть*» в контексте «*нъ въ своен келіи тростію нъ чернилѣмъ писанію творѣщю*» (л. 40 об.) имеет значение ‘тростниковая палочка для письма’, в другом контексте «*нъ бодомъ бы шѣстрыми тростѣми нъ вервьми възланъ бывъ*» (л. 95) это слово употреблено в значении ‘тростниковая палка, используемая как орудие пытки’. Слово «*вѣнецъ*» встретилось в значении ‘венечное орудие пытки’: «*терновъ же вѣнецъ възложенъ*» (л. 342 об.). В контексте же «*догтонныи вѣнецъ при мѣтъ*» (л. 147 об.) слово «*вѣнецъ*» употреблено в значении ‘украшение’. Слово «*прѣстолъ*» в значении ‘престол, трон’ представлено в контексте «*нъ на прѣстолѣ помѣнѣ*» (л. 164 об.), значение ‘жертвенник’ это слово приобретает в контексте «*нъ прѣстолъ поставѣтъ тамо страшныи*» (л. 297).

В ходе анализа семантической структуры номинаций материальной культуры мы выявили, что некоторые лексемы в контекстах приобретают дополнительное значение ‘орудие пытки или причинения боли’, которое не отражено в исторических словарях:

вервь: *нъ вервьми възланъ бывъ* (л. 95);

коло: *повелѣтъ сътворити коло нъ възложити на нь стѣго* (л. 253 об.);

млатъ: *нъ пакы желѣзными млаты по глезнехъ бнемн* (л. 285);

трзѣть: *нъ бодомъ быша шѣстрыми тростѣми* (л. 95);

колего: *къ двонмъ колемъ привъзанъ бывъ* (л. 240);

гвоздь: *пригвоздиша гвоздьми пѣчѣ ен* (л. 219);

палница: *первѣ палцами бѣенъ* (л. 56);

трзѣвъ: *трзѣвы прѣстроганы быша* (л. 116);

ремень: *на ременное кроеніе кожн его створи спредн нъ ѣздн ременемъ въсацнм* (л. 72);

серпъ: *серпомъ шѣтрѣзанъ бывшюу* (л. 260).

Междусловные парадигматические отношения

Для слов, объединенных в тематическую группу, характерны такие парадигматические отношения, как синонимия. Нами были выявлены 22 синонимических ряда:

пица – *брашно* – *сочиво* – *гддрь* – *снѣдь* – *гденіе* (в значении ‘пища’);

домъ – *храмина* – *жилице* (в значении ‘дом, жилище’);

капнице – *шѣтарь* – *жертвенникъ* (в значении ‘алтарь, жертвенник’);

скрада – *печь* – *горнилъ* (в значении ‘печь’);

кѣтълъ – *конобъ* – *болъ* (в значении ‘металлический сосуд, котел’);

монастырь – мѣра (в значении ‘монастырь’);
 церковь – храмъ (в значении ‘церковь, храм’);
 сковрада – тнганъ (в значении ‘сковорода’);
 постѣла – одръ (в значении ‘ложе’);
 стъкло – стъкланица (в значении ‘кубок, чаша’);
 ковчегъ – гробъ (в значении ‘гроб’);
 златиць – злато (в значении ‘золотая монета’);
 хорѣвь – знамениѣ (в значении ‘знамя’);
 икона – ѡбразъ (в значении ‘икона’);
 кадланица – кадло (в значении ‘кадило, сосуд для курения благовоний’);
 возило – носило (в значении ‘носилки’);
 прокъра – прокъра (в значении ‘богослужебный хлеб’);
 одежда – ѡбодъ (в значении ‘одеяние’);
 покрывалъ – покровъ (в значении ‘покрывало’);
 плащаница – понѣва (в значении ‘погребальный саван’);
 пнѣо – пнтѣѣ (в значении ‘напиток’);
 ѡръжѣѣ – ѡръдѣѣ (в значении ‘оружие’).

Опираясь на контекст и данные словарей, мы можем сделать некоторые выводы о характере выделенных синонимов. Все перечисленные синонимы можно отнести к системным, неградуальным, неэкспрессивным, стилистически нейтральным. Из 22 рядов 6 пар синонимов можно отнести к однокорневым: *ѣдаръ – ѣденѣѣ*, *стъкло – стъкланица*, *златиць – злато*, *кадланица – кадло*, *ѡръжѣѣ – ѡръдѣѣ*, *пнѣо – пнтѣѣ*, *покрывалъ – покровъ*. Полных синонимов в выборке не представлено, так как в каждом ряду или паре хотя бы одна из лексем является полисемантом и обладает одним или несколькими дополнительными значениями.

Второй тип междусловных парадигматических отношений, который можно отметить в группе наименований артефактов, представленных в Стишном Прологе, – это гипонимические отношения. Так, лексема «*ѡръжѣѣ*» является гиперонимом для многочисленных наименований орудий пыток: *гвоздан*, *ножь*, *ѣрпъ*, *ноготъ*, *мечъ*, *трѣзѣвъ*, *бѣнець*, *крепы*, *стрѣла*, *копѣѣ*, *желѣзы*, *ѣлнца*, *кронло*, *рожны*, *солнга*, *пязтъ*, *жѣзлъ*, *бичъ*, *млатъ*, *тръстъ*, *палнца*, *кын*, *ремень*, *пнцалъ*, *лѣкъ*.

Лексема «*одежа*» является гиперонимом для наименований одежаний: *рнза*, *плащъ*, *мантѣѣ*, *брътѣице*, *рѣса*, *рѣбы*, *мночларъ*, *ѣтѣларъ*.

Лексема «*хлѣбъ*» является гиперонимом для наименований видов хлеба: *коврижець*, *прокъра*, *прокъра*.

Лексемы «*пница*», «*бръшно*» являются гиперонимами для наименований видов пищи: *прокъра*, *прокъра*, *хлѣбъ*, *коврижець*, *гыръ*, *млѣко*.

Лексемы «*пнѣо*», «*пнтѣѣ*» являются гиперонимами для наименований напитков: *бнно*, *зѣлѣѣ*, *млѣко*.

Заключение

Анализ функциональных особенностей наименований артефактов показал, что частотность употребления анализируемых лексем варьируется в зависимости от жанра текста, представленного в Стишном Прологе. Как мы уже отметили, рукопись содержит отрывки из житий святых, нравоучительные повести, слова Отцов Церкви и другие образцы назидательной литературы. Так, наибольшее количество анализируемых единиц было выделено из житийной части сборника: 60 % всех лексем встречается именно в памятях святым. Следующий жанр, где исследуемые единицы встречаются в значительном объеме, – это Слово, чаще всего это тоже повествование о жизни святого: 31 % единиц. Тексты других жанров включены в Стишную Пролог в меньшем количестве, в них количество наименований артефактов относительно невелико. Такое распределение связано не только с преобладанием в сборнике памятей святым, но и с сюжетами, которые освещаются в разных жанрах. Если памяти посвящены описанию жизни, благих дел и мученической смерти святого, то назидательные сочинения содержат философские и религиозные рассуждения, указания, размышления. Следовательно, в учительной части сборника преобладают лексемы абстрактной семантики, и наименования конкретных предметов встречаются реже.

Результаты анализа парадигматических отношений подтвердили достоверность тематической классификации исследуемых номинаций и обнаружили тесные связи между составляющими ее единицами. Нами отмечено формирование у анализируемых лексем лексико-семантических вариантов по модели «предмет быта – предмет в функции орудия пытки», выявлено наличие среди номинаций большого количества полисемантов, синонимических рядов, гипонимов и гиперонимов.

Анализ наименований артефактов в Стишном Прологе позволяет сделать вывод о том, что группа таких лексем представлена в тексте рукописи достаточно разнообразно и включает не только наименования предметов богослужения и церковного быта и орудий пыток, но и единицы, обозначающие предметно-бытовую лексику, а также наименования украшений, предметов ремесла и др. Частотность употребления таких лексем в тексте Стишного Пролога, их семантические связи внутри группы и за ее пределами указывают на принадлежность единиц к активному словарному составу церковнославянского языка XV в.

Проведенный комплексный анализ номинаций артефактов показывает, что Стишной Пролог можно рассматривать как значимый лингвистический источник по истории процессов, происходивших в сфере лексики церковнославянского языка периода Древней и средневековой Руси. Перспективой исследования может стать сопоставительный анализ наименований артефактов в текстах Стишного Пролога в различных списках одной редакции, в списках разных редакций, что позволит сделать более достоверными выводы о динамических процессах в лексике церковнославянского языка средневекового периода.

Список литературы

- Аванесов Р. И.** О некоторых вопросах истории языка // Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию: Сб. ст. / [Ред. коллегия: С. Г. Бархударов и др.]; Акад. наук СССР. Отд-ние литературы и языка. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 12–18.
- Баталина К. Е.** Лексика с религиозной семантикой и ее стилистические функции в житийных памятниках XV века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2005. 28 с.
- Большаков А. Д.** Некоторые особенности функционирования конкретных субстантивов в рукописном славянском Прологе XVI в. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6. С. 39–42.
- Большаков А. Д.** Функционирование субстантивов с конкретным значением в агиографической и дидактической частях славянского Пролога (XV–XVII вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2017. 26 с.

- Долгушина Л. В.** Славянский перевод «XIII Слов Григория Богослова»: особенности переводческой техники и словарного состава: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск: НГУ, 2004. 200 с.
- Кривчев П. С.** Наблюдения над некоторыми дублетными формами в системе существительных из Тырновской редакции Стишного пролога // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2014. С. 135–138. URL: <http://jurnal.org/articles/2014/fill13.html> (дата обращения 20.02.2021).
- Малышева И. А.** Памятники деловой письменности XVIII века как объект лингвистического источниковедения / Хабар. гос. пед. ун-т. Хабаровск, 1997. 182 с.
- Митина Ю. В.** Лексика с религиозной семантикой и ее стилистические функции в житийных памятниках XV века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 17 с.
- Филин Ф. П.** Историческая лексикология русского языка. М.: URSS, 2008. 173 с.
- Щеглова О. Г.** К вопросу о синонимии в церковнославянском языке (на материале списков Стишного Пролога XV–XVII веков) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2003. Т. 2, № 1: Филология. С. 72–76.
- Щеглова О. Г.** Динамические процессы в языке Стишного Пролога // Русский язык: функционирование и развитие: Материалы Междунар. науч. конф. (Казань, КФУ, 18–21 апреля 2012 г.). Казань: Изд-во КФУ, 2012. Т. 1. С. 206–211.
- Маринова (Тихова) А.** Видове мъчения, оръдия и средства за мъчение в житията от Обикновения и от Стишния пролог // Преславска книжовна школа (Шумен). 2004. Т. 7. С. 207–231. (на болг. яз.)
- Маринова (Тихова) А.** Специфична употреба на някои съществителни имена от Обикновения пролог като названия на оръдия и средства за мъчение. // Преславска книжовна школа (Шумен). 2005. Т. 8. С. 289–303. (на болг. яз.)
- Маринова (Тихова) А.** За някои названия на средства и оръдия за мъчения в Обикновения и в Стишния пролог // Преславска книжовна школа (Шумен). 2006. Т. 9. С. 316–330. (на болг. яз.)
- Петков Г., Спасова М.** Тырновската редакция на Стишния пролог. Текстовете. Лексикален индекс: В 12 т. Пловдив: Университетско издателство «Паисий Хилендарски», 2008–2016. (на болг. яз.)
- Спасова М.** Няколко редки и диалектни думи в славянския превод на 9. Стишния пролог (върху материал от проложните текстове за месец септември) // Oratio vitae simulacrum. Словото е отражение на живота. Велико Тырново, 2009. С. 298–308. (на болг. яз.)
- Спасова М. А.** Тырновската редакция на Стишния пролог и среднобългарски езикови иновации на граматично и лексикално равнище // Современная славистика и научное наследие С. Б. Бернштейна: Тез. докл. Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося отечественного слависта д. ф. н., проф. С. Б. Бернштейна (15–17 марта 2011 г., Москва). М., 2011. С. 308–309. (на болг. яз.)
- Тасева Л.** Грешки и несинонимни разночетения в българския и сръбския превод на проложните стихове за месец март // Црквене студије (Ниш). 2009. № 6. С. 215–233. (на болг. яз.)
- Тихова А.** Названия на оръдия и средства за мъчение в Стишния пролог с ниска честота на употреба (Към въпроса за езика на славянския превод на Пролога) // Тырновска книжовна школа. Велико Тырново, 2007. Т. 8: Св. Евтимий, патриарх Тырновски, и неговата духовна мисия в Европа. С. 417–443. (на болг. яз.)
- Тихова А.** Лексика за назоваване на оръдия и средства за мъчение в Стишния пролог // Преславска книжовна школа (Шумен). 2008. Т. 10. С. 341–345. (на болг. яз.)
- Тихова А.** Прилагателни имена и причастия, уточняващи значението на лексеми за назоваване на средства за мъчение в Обикновения и в Стишния пролог // Отговорността пред езика (Шумен). 2009. Кн. 3. С. 193–201. (на болг. яз.)

Тихова А. Лексика за назоваване на средства за мъчение в славянския превод на Пролога (Върху материал от Станиславовия пролог в сравнение с Търновската редакция на Стишния пролог): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Шумен, 2011. (на болг. яз.)

Тихова А. Лексика за назоваване на средства за мъчение в славянския превод на Пролога. Шумен, 2020. 198 с. (на болг. яз.)

Список словарей

МСДРЯ – Материалы словаря древнерусского языка: В 3 т. / Сост. И. И. Срезневский. М.: Знак, 2003.

Словарь русского языка XI–XVII вв.: В 30 т. М.: Наука, 1975–2015.

Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Сост. Э. Благова, Р. М. Цейтлин, С. Геродес и др. М.: Рус. яз., 1994.

Список источников

Трц-715 – Стишной Пролог, март – май, 1429 г., русский, 366 л., 10: ОР РГБ. Собрание Троице-Сергиевой лавры. Ф. 304/1. № 715. Стишной Пролог, рукопись № 715 / Библиотека Троице-Сергиевой лавры. URL: <http://old.stsl.ru/manuscripts/book.php?col=1&manuscript=715> (дата обращения 16.03.2019).

References

Avanesov R. I. O nekotorykh voprosakh istorii yazyka [About some questions of the history of the language]. In: Barkhudarov S. G. et al. (eds.). Akademiku Viktoru Vladimirovichu Vinogradovu k ego shestidesyatiletiiyu [Academician Viktor Vladimirovich Vinogradov on his sixtieth birthday]. Collection of articles. Moscow, AS USSR Publ., 1956, pp. 12–18. (in Russ.)

Batalina K. E. Leksika s religioznoi semantikoi i ee stilisticheskie funktsii v zhitiinykh pamyatnikakh XV veka [Vocabulary with religious semantics and its stylistic functions in the hagiographic monuments of the 15th century]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Nizhny Novgorod, 2005, 28 p. (in Russ.)

Bolshakov A. D. Nekotorye osobennosti funktsionirovaniya konkretnykh substantivov v rukopisnom slavyanskom Prologe XVI v. [Some features of the functioning of concrete substances in the handwritten Slavic Prologue of the 16th century]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky], 2013, no. 6, pp. 39–42. (in Russ.)

Bolshakov A. D. Funktsionirovanie substantivov s konkretnym znacheniem v agiograficheskoi i didakticheskoi chastyakh slavyanskogo Prologa (XV–XVII vv.) [Functioning of substantives with a specific meaning in the hagiographic and didactic parts of the Slavic Prologue (15th – 17th centuries)]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Nizhny Novgorod, 2017, 26 p. (in Russ.)

Dolgushina L. V. Slavyanskii perevod “XIII Slova Grigoriya Bogoslova”: osobennosti perevodcheskoi tekhniki i slovarnogo sostava [Slavic translation of “The XIII Words of Gregory the Theologian”: features of translation technique and vocabulary]. Cand. Philol. Sci. Diss. Novosibirsk, NSU Press, 2004, 200 p. (in Russ.)

Filin F. P. Istoricheskaya leksikologiya russkogo yazyka [Historical lexicology of the Russian language]. Moscow, URSS, 2008, 173 p. (in Russ.)

Krivchev P. S. Nablyudeniya nad nekotorymi dubletnymi formami v sisteme sushche-stvitel'nykh iz Tarnovskoi redaktsii Stishnogo prologa [Observations on some doublet forms in the noun system from the Tarnovo edition of the Verse Prologue]. *Zhurnal nauchnykh publikatsii aspirantov i doktorantov* [Journal of Scientific Publications of Aspirants and doctoral students], 2014, pp. 135–138. (in Russ.) URL: <http://jurnal.org/articles/2014/fill13.html> (accessed 20.02.2021).

- Malysheva I. A.** Pamyatniki delovoi pis'mennosti XVIII veka kak ob"ekt lingvisticheskogo istochnikovedeniya [Monuments of business writing of the 18th century as an object of linguistic source studies]. Khabarovsk, KhSPU Press, 1997, 182 p. (in Russ.)
- Marinova (Tikhova) A.** Vidove m"cheniya, or"diya i sredstva za m"chenie v zhiytaya ot Obiknoveniya i ot Stishniya prolog [Types of torture, instruments and means of torture in the life of the Ordinary and Verse Prologue]. *Preslavaska knizhovna shkola* (Shumen) [*Preslav Book School* (Shumen)], 2004, vol. 7, pp. 207–231. (in Bulg.)
- Marinova (Tikhova) A.** Spetsifichna upotreba na nyakoi s"shchestvitelni imena ot Obiknoveniya prolog kato nazvaniya na or"diya i sredstva za m"chenie [The specific use of some nouns from the Ordinary Prologue, such as the names of instruments and instruments of torture]. *Preslavaska knizhovna shkola* (Shumen) [*Preslav Book School* (Shumen)], 2005, vol. 8, pp. 289–303. (in Bulg.)
- Marinova (Tikhova) A.** Za nyakoi nazvaniya na sredstva i or"diya za m"cheniya v Obiknoveniya i v Stishniya prolog [For some names of instruments and instruments of torture in Verse Prologue]. *Preslavaska knizhovna shkola* (Shumen) [*Preslav Book School* (Shumen)], 2006, vol. 9, pp. 316–330. (in Bulg.)
- Mitina Yu. V.** Leksika s religiozni semantiki i ee stilisticheskie funktsii v zhiytaykh pamyatnikakh XV veka [Vocabulary with religious semantics and its stylistic functions in the hagiographic monuments of the 15th century]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2000, 17 p. (in Russ.)
- Petkov G., Spasova M.** T"rnovskata redaktsiya na Stishniya prolog. Tekstove. Leksikalen indeks [Trnovskaya edition of the Verse Prologue. Texts. Lexical index]. In 12 vols. Plovdiv, Paisii Khilendarski Press, 2008–2016. (in Bulg.)
- Shcheglova O. G.** Dinamicheskie protsessy v yazyke Stishnogo Prologa [Dynamic processes in the language of the Verse Prologue]. In: *Russkii yazyk: funktsionirovanie i razvitiye* [Russian language: functioning and development]. Materials of the International Scientific Conference (Kazan, 2012, April 18–21). Kazan, KFU Press, 2012, vol. 1, pp. 206–211. (in Russ.)
- Shcheglova O. G.** K voprosu o sinonimii v tserkovnoslavyanskom yazyke (na materiale spiskov Stishnogo Prologa XV–XVII vekov) [On the question of Synonymy in the Church Slavonic language (based on the material of the Lists of the Verse Prologue of the 15th – 17th centuries)]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2003, vol. 2, no. 1: Philology, pp. 72–76. (in Russ.)
- Spasova M.** Nyakolko redki i dialektni dumi v slavyanskiya prevod na 9. Stishniya prolog (v"rkhu material ot prolozhnite tekstove za mesets septemvri) [A few rare and dialect words in the Slavic translation 9. Verse prologue (based on the material from the laid verses about the month of September)]. In: *Oratio vitae simulacrum. Slovo e otrazhenie na zhivota* [Oratio vitae simulacrum. The word is a reflection of life]. Veliko Tarnovo, 2009, pp. 298–308. (in Bulg.)
- Spasova M. A.** T"rnovskata redaktsiya na Stishniya prolog i srednob"lgarski ezikovi inovatsii na gramatichno i leksikalno ravnishche [The Tarnovo edition of the Verse Prologue and Middle Bulgarian Language Innovations at Grammatical and Lexical Level]. In: *Sovremennaya slavistika i nauchnoe nasledie S. B. Bernshteina: Tezisy dokladov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchenoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydavushchegosya otechestvennogo slavista d. f. n., prof. S. B. Bernshteina (15–17 marta 2011 g. Moskva)*. Moscow, 2011, pp. 308–309. (in Bulg.)
- Taseva L.** Greshki i nesinonimni raznocheteniya v b"lgarskiya i sr"bskiya prevod na prolozhnite stikhove za mesets mart [Errors and non-synonyms of discrepancies between the Bulgarian and Serbian translations lay down poems about the month of March]. *Tsrkvene studije* (Nish) [*Crkvene studije* (Nis)], 2009, no. 6, pp. 215–233. (in Bulg.)
- Tikhova A.** Nazvaniya na or"diya i sredstva za m"chenie v Stishniya prolog s niska chestota na upotreba (K"m v"prosa za ezika na slavyanskiya prevod na Prologa) [Names of instruments and means of torture in a Verse Prologue with a low frequency of use (to the question of the

language of the Slavic translation of the Prologue)]. *T"rnovska knizhovna shkola [Tarnovo Book School]*, 2007, vol. 8, pp. 417–443. (in Bulg.)

Tikhova A. Leksika za nazovavane na or"diya i sredstva za m"chenie v Stishniya prolog [Dictionary for the designation of instruments and means of torture in the Verse prologue]. *Preslavska knizhovna shkola (Shumen) [Preslav Book School (Shumen)]*. 2008, vol. 10, pp. 341–345. (in Bulg.)

Tikhova A. Prilagatelni imena i prichastiya, utochnyavashchi znachenieto na leksemi za nazovavane na sredstva za m"chenie v Obiknoveniya i v Stishniya prolog [Adjectives are names and participles, clarifying the meaning of the word on the lexeme for the name of the means for reading into the Obiknovenii and into the Verses Prologue]. *Otgovornostta pred ezika (Shumen) [Excuses of the preposition (Shumen)]*, 2009, vol. 3, pp. 193–201. (in Bulg.)

Tikhova A. Leksika za nazovavane na sredstva za m"chenie v slavyanskiya prevod na Prologa (V"rkhu material ot Stanislavoviya prolog v sravnenie s T"rnovskata redaktsiya na Stishniya prolog) [Dictionary for the designation of means of torture in the Slavic translation of the Prologue (based on the material of the Stanislavovsky prologue compared with the Tarnovo edition of the Verse Prologue)]. Abstract of Dr. Philol. Sci. Diss. Shumen, 2011. (in Bulg.)

Tikhova A. Leksika za nazovavane na sredstva za m"chenie v slavyanskiya prevod na Prologa [Dictionary for the designation of means of torture in the Slavic translation of the Prologue]. Shumen, 2020, 198 p. (in Bulg.)

List of Dictionaries

Materialy slovarya drevnerusskogo yazyka [Materials of the dictionary of the Old Russian language]. In 3 vols. Comp. by I. I. Sreznevsky. Moscow, Znak, 2003.

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th centuries]. In 30 vols. Moscow, Nauka, 1975–2015.

Staroslavianskii slovar' (po rukopisyam X–XI vekov) [The Old Slavonic Dictionary (based on manuscripts of the 10th – 11th centuries)]. Comp. by E. Blagova, R. M. Tseitlin, S. Gerodes et al. Moscow, Russkii yazyk, 1994.

List of Sources

Stishnoi Prolog, mart-mai, 1429 g., russkii, 366 l., 10: OR RGB. Sobranie Troitse-Sergievoi lavry. F. 304/1. № 715. Stishnoi Prolog, rukopis' № 715 / Biblioteka Troitse-Sergievoi lavry. URL: <http://old.stsl.ru/manuscripts/book.php?col=1&manuscript=715> (accessed: 16.03.2019).

Информация об авторах

Ольга Георгиевна Щеглова, кандидат филологических наук, доцент
Елизавета Александровна Гончаренко, магистр филологии, специалист

Information about Authors

Olga G. Shcheglova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
Elizaveta A. Goncharenko, Master of Philology, Specialist

*Статья поступила в редакцию 12.02.2021;
одобрена после рецензирования 12.07.2021; принята к публикации 15.07.2021
The article was submitted 12.02.2021;
approved after reviewing 12.07.2021; accepted for publication 15.07.2021*

Научная статья

УДК 413.13

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-23-34

К составлению словаря раннего переселенческого говора вологодско-вятской группы севернорусского наречия

Сергей Владимирович Лесников

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия

Институт лингвистических исследований Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия

serg@lsw.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5816-0996>

Аннотация

Приводятся основные рассуждения и предварительные сведения об особенностях раннего переселенческого говора вологодско-вятской группы севернорусского наречия, прежде всего о специфичности лексики русского говора села Лойма Прилузского района Республики Коми, которые нашли отражение в составе и содержании словарных статей создаваемого словаря названного языкового образования. В качестве иллюстрации в данной работе представлены несколько оригинальных словарных статей гизаурской цифровой фреймво-тезаурской версии Лоемского словаря. В статье кратко даны основные особенности и принципиальные отличия лоемского говора от аналогичных; принципы включения диалектных материалов в словарь русского говора села Лойма Прилузского района Республики Коми, что в перспективе представляет возможность включение сведений о лексическом составе территориального (локального, местного) варианта раннего переселенческого русского говора вологодско-вятской группы севернорусского наречия в Диалектологический фонд русского языка и, естественно, в общую структуру базового академического национального словарного фонда русского языка.

Ключевые слова

гизаур, говор, диалект, компьютерная лексикография, наречие, словарь, Словарь русских народных говоров, Лойма

Для цитирования

Лесников С. В. К составлению словаря раннего переселенческого говора вологодско-вятской группы севернорусского наречия // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 2: Филология. С. 23–34. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-23-34

On Compiling a Dictionary of the Early Migration Dialect of the Vologda-Vyatka Group of the Northern Russian Dialect

Sergey V. Lesnikov

Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen
St. Petersburg, Russian Federation

Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation

serg@lsw.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5816-0996>

Abstract

This article presents main arguments and preliminary information concerning features of the early migration dialect of the Vologda-Vyatka group of the Northern Russian dialect, primarily the vocabulary specificity of Loyma village dialect (Priluzsky district of the Komi Republic). The composition and content of the Loyma Dictionary reflect those traits. As an illustration, this paper presents several original dictionary entries of the gizaurs digital frame-thesaurus version of the Loyma Dictionary. The article briefly describes the main features and fundamental differences of the Loyma dialect from similar ones and the principles of including dialect materials in the dictionary. Creating the Dictionary of Loyma village Russian dialect presents the future possibility to include information about the lexical composition of the territorial (local) version of the early resettlement Russian dialect of the Vologda-Vyatka group of the Northern Russian dialect in the Dialectological Fund of the Russian language and in the general structure of the basic academic national dictionary fund of the Russian language.

Keywords

gizaurs, dialect, computer lexicography, dialect dictionary, Dictionary of Russian folk dialects, Loyma

For citation

Lesnikov S. V. On Compiling a Dictionary of the Early Migration Dialect of the Vologda-Vyatka Group of the Northern Russian Dialect. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 2: Philology, pp. 23–34. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-23-34

Рассматриваемый в данной статье русский говор представляет ранний переселенческий говор (XIV–XV вв.) [Баранникова, 1977], относящийся к вологодско-вятской группе севернорусского наречия. Лидия Ивановна Баранникова вологодско-вятскую группу севернорусского наречия считает первой из четырех групп на территории исконного распространения русского языка, где происходило формирование основных диалектов русского языка [Баранникова, 1967, с. 62].

Названный русский говор сформировался в XIV–XV вв. в результате переселения русских крестьян с низовьев реки Лузы и с реки Юг, впадающей в Сухону [Афанасьев, 1996; Лащук, 1972; Жеребцов, 1972; 1982; Матвеев, 1970; Мусанов, 2007; Туркин, 1986; Книга Большому чертежу, 1950, с. 167, 184].

Лоемский говор отличается от других подобных следующим:

- 1) переходом [а] в [е] между мягкими согласными;
- 2) произношением [и] перед мягкими согласными и дифтонга [ие] перед твёрдыми на месте древнего h;
- 3) переходом [е] в [о] в предударном и заударном положении;
- 4) неразличением аффрикат;
- 5) твёрдым произношением долгих шипящих и т. д.

Древние архаические черты, присущие аналогичным русским говорам, отмечаются в данном говоре на всех уровнях:

- 1) фонетическом, например, рефлексy h, типы неразличения аффрикат, наличие губно-губного [w], чередование л//ў в позиции конца слова и перед согласным;

2) грамматическом, например, следы существовавших в русском языке форм двойственного числа, в частности в окончании существительных и местоимений в творительном падеже на *-има*; следы древних перфектных форм в значениях причастий;

3) лексическом, например, слова общеславянского происхождения, унаследованные языком восточных славян из общеславянского языка до IV-V вв. н. э.; слова восточнославянские, возникшие в период бытования древнерусского языка и его диалектов в VI–XIV вв.; общеславянские слова с восточнославянскими полногласными сочетаниями и начальными *ро-*, *ло-* [Загоровская, 1989, с. 19–20; 1990, с. 15–16; Загоровская, Лесников, 1988; 2020; Ануфриева, 1986; 1987; Бунчук, 2014; Ли, 1992].

В ходе диалектологических экспедиций с 1972 г. собирался материал для словаря раннего переселенческого говора вологодско-вятской группы севернорусского наречия [Булыгина и др., 2017; Лесников, Загоровская, 1988; Лесников, 1989; 1995; 1997; 2000; 2004; 2018а; 2018б; 2021], в том числе непосредственно автором настоящей статьи, который и сконструировал гипертекстовую версию описываемого словаря с учётом требований Словаря русских народных говоров [СРНГ, 1965–2019] (сканирование и оцифровку с первого по тридцать девятый выпуски СРНГ и семнадцать томов «Словаря современного русского литературного языка» для ИЛИ РАН осуществил также автор данной статьи [Лесников и др., 2019]¹), а также в соответствии с программами сбора материалов для изучения словарного состава местных говоров (см, например: [Чернышев, 1900; Мельниченко, 1951; 1959; Баранникова и др., 1960]). В описываемый в данной работе диалектный словарь включалась прежде всего (1) местная лексика (например, специфичная по звучанию), имеющая распространение в этом говоре, но отсутствующая в нормативном литературном русском языке, (2) лексика своеобразная (с акцентологическими, лексическими и / или словообразовательными особенностями в сравнении с лексическими единицами нормативного языка или фонематическим составом), (3) лексика, фонетически совпадающая с литературным вариантом, но с другой семантикой, (4) диалектная лексика в составе фразеологических и устойчивых словосочетаний, речений и выражений (например, когда семантика фразеологизма не очевидна из значения слов, входящих в словосочетание), при этом в перспективе в компьютерной форме планируется создание гизаурусного «полного диалектного словаря» с учетом всех зафиксированных лексических единиц в собранных текстах в ходе диалектологических экспедиций.

Тексты записей диалектной речи были получены в результате ежегодных практик и словарных экспедиций в с. Лойма Прилузского района Республики Коми. Часть экспедиций осуществлялись под руководством автора настоящей статьи при финансовой поддержке научных грантов Российского фонда фундаментальных исследований (1996–1998: № 96-06-80691 «Гипертекстовый диалектный словарь русского языка»; 1998: № 97-06-87057 «Опыт информатизации диалектологических исследований»; 2000–2002: № 00-06-80176 «Гипертекстовый генеральный свод лексики русского языка»), Государственного комитета Российской Федерации по высшему образованию (1996: № 84 «Гипертекстовая интеграция региональных словарей русского языка»), Министерства образования Российской Федерации (2000–2001: федеральная целевая программа «Русский язык», проект «Словарь русских словарей»). Наибольшее количество аудиозаписей было совершено Надеждой Николаевной Колеговой.

На основе лоемских материалов О. В. Загоровской создана теоретическая модель Многоаспектного автоматизированного диалектного словаря с. Лойма /МАДС(Л)/ [Загоровская, 1990].

Для иллюстрации приведём некоторые примеры словарных статей:

БОРОНа

= -ы, ж. В сочет. **КУЛИЖНАЯ БОРОНА**. – Борона из сучьев ели, которой боронили подготовленную в лесу новую пашню. – Кул'ижныйе бо'роны д'елао'и из йеловых лап, да има

¹ См.: <https://iling.spb.ru/dictionaries.html.ru>

сар'апап'и. В сочет. **НОВИННАЯ БОРОНА**. – То же, что **КУЛИЖНАЯ БОРОНА**. – Нов'и'найна борона' из йо'лок, суч'йа св'а'жут н'ескол'ко штук, суч'йам'и и борон'а'т. В сочет. **С СОХИ НА БОРОНУ**. См. **СОХА**. – Чо йа раска'зывает, с сох'и на борону'.

ГОЛОВИЦА

= -ы. 1. Кочан капусты. – *Капуста бол'шайа была', по во'сем' к'илограм одна' голо'в'ича. Кочан голо'в'и'ч'ей-то зов'о'м. Капу'сту зава'ривал'и ра'н'ше в бо'чках, на ч'етыр'е ч'аст'и голо'в'и'цу разр'ежут, в с'ер'ед'и'н'е ко'ч'ен был. // Собир. Капуста (растение). – Ны'нч'е голо'в'и'цы мно'го л'и бу'д'ет, н'е зн'айу, н'е вы'пала бы. 2. Семенная головка льна. – *Л'он вы'рвут, потом откола'чивал'и па'лкам'и, б'и'л'и по голо'в'и'ч'ам. – Сам ст'еб'ел' – это тр'е'ст'и, а на в'ершы'н'е- голо'в'и'ч'и. Шелуха' от голо'в'и'ч' – это ку'гл'и'на.**

ДИКИЙ

= -ая, -ое. 1. Глупый, непонимающий. – *Он гд'е ум'ной, а на раб'оту колх'озну'ю д'икой. Сам'и-то уже д'ик'ийе стал'и-ос'мой д'ес'аток пошел. 2. Недоразвитый в умственном отношении, ненормальный. А у н'ей йес' сын, наврод'е д'ик'ово – умом н'и в с'иб'е. – Д'икой н'е фс'о пон'имает, ч'о ск'ажеш', чо-то в голо'в'е н'е хвата'ет. 3. Необразованный. – *Ой, прост'ит'е, йа пло'хо наговор'ила, старуха д'икайа. // Несведущий. – Как д'кайа, н'ичево н'е зна'ю. // Темный, забытый. – Дымный избы д'елал'и л'уд'и д'ик'ийе бы'л'и. 4. Буйный, необузданный. – *Снача'ла у жены спрос'ит'е, п'йанный он или н'ет, а то он д'ик'ий, п'ес'н'и по'ют, может наоскорбл'ат'. / ДИКИЙ ПЕРЕЦ, Красный перец. – Йешишо' д'ик'ий п'ер'ец' йест', кра'сны'е йагоды.***

ОТОПОК

= -пка, м. Старый стоптанный лапоть. – *Т'ен'е'р' ото'пок у'и н'е найд'о'ш, н'е пл'етут бол'шы ла'пт'и. – Про ста'рыйе ла'пт'и ото'пк'и ото'пчат говор'и'ли. – На кач'ел'и ото'пк'и кла'л'и, кто' и'х пойма'ет, то'т на качу'л'и и сад'и'цца. – Кто' ото'пок пойма'ет, того' сажал'и на качу'л'и. – Д'елал'и качу'л'и, раска'ча'йум одного' ч'елов'е'ка, о'н ото'пок броса'ет. – Отопта'л'и ото'пк'и, до' во дво'р за ското'м ход'и'л. В сочет. **ОТОПКИ ОТОП-ТАТЬ**. Сноси'ть ла'пти. – *Ото'пк'и ото'пчут, и'х и нос'ит' н'ел'з'а'. – Про' ста'рыйе ла'пт'и ото'пк'и ото'пчат говор'и'л'и.**

РОБИТЬ

= -блю, -ит, несов. Работать.

Наговицы одевали, ко'да ро'бить или, голяки' не горели. Мы-то раньше ро'били с утра и до ночи, без отдыха. Солд-то вышел на пенсию, а все ро'бит потихоньку. Тож'е все болела, дояркой-то ро'била дак. У ее старший сын-то счас в городе ро'бит шофером. Мне в лесу-то мало робить пришлось. Ой, трудно ро'били мы, все сами делали, и помощи не от кого ждать было. Мы в то время на пилораме ро'били. Неохота ро'бить-то, дак и уехал племянник в Магадан. Кому ро'бить неохота, тот и лентя'к. Матушка куря'тницей ро'била. Начала я ро'бить сызмальства, еще с треть'его класса. Мария раньше ядрено ро'била. Легостай, который легонько ро'бит, неохота которому робить. Шас все ону'чками ро'бим; огороды чистим, картошку поса'дим. Вы'растет, а потом чистили. Пе'карем ро'била, глаза испортила. А я уж все пережила' и в лесу ро'била, и трактори'стом, и дояркой в колхо'зи. Лен'ь ро'бить, плохо работает: ну уж такой лентя'к. Она с мужиком в Сибирь ездила, думают, там лу'че, а везде' ро'бить надо, и здесь, и там. Раньше все пастухам ро'била, а тепер'ь вон на пособие ушла', старая стала. Раньше мы ро'били, так трудодни были. Четвертый сын в колхозе ро'бит, сноха в столовой ро'бит.

// Делать; заниматься чем-либо.

Ничего' не ро'бит, а все украсть может, даже что ему не надо. Специальные люди ходили тот'и-то ро'бить. Ничего' не ро'бит, по легкому ходит.

// Совершать, производить. Ребенков мало, не носят; все аборты ро'бят.

2. Быть открытым для посетителей; действовать; функционировать.

Чирква давно не робит.

3. Рубить, пилить что.

Лес робили, топор покинут за опоясок, и идем.

Я ешио сама лес робила, лес робили зимой дак домой привозили печку топить. Она как мужик лес робит. зимой лес робили. Лес робила раньше, огород робить-работать в огороде. В августе сын приехал, огород-то робить надо халупу робить (см. ХАЛУПУ; собир. ДАТЬ «дом строить»). Здесь свою халупу робить надо.

СНЕЖНИЦА

= ж. Талая вода, образовавшаяся от таяния снега на льду реки. – *Л'од засты'л на р'ек'е', нав'ерх'у' вода' б'ыва'ьет, йейо' сн'ежн'ицей называ'ют. – В'есно'й-то сн'ежн'ица б'ыва'ьет, выступ'ает она' пов'ерх л'да.* 2. Время, когда лед на реке покрыт слоем талой воды. – *Ф сн'ежн'ицу л'ес воз'ил'и.*

УЛЕДИ

= уЛЕГИ, уЛЕЧИ, мн. Простая, грубая кожаная обувь. – *Уледи – это наместо калош нынешних, наподобие их. Уледи сошьют из кожи, окушнями привяжут и носят. Были уледи-то из кожи шиты. Из остатков уледи сошьют. Уледи из кожи шили, а лапти-то из бересты. Уледи-то из кожи шили. Из кожи уледи сошьют, тоже на работу ходить. Тяте уледи сошьют. Уледи из кожи делали сами, как лапти, на веревочках держались. Уледи шили из кожи. Уледи здесь не носили, их на позже носили, в огород, сзади у них ушко было, сквозь его веревочка, она вокруг ног завязывалась. Раньше уледи носили, как тапочки, у них были ушки и веревочкой-то привяжут, это мужики только носили. Уледи особенно на сенокос ноли, чтоб теплей было. Кожаные уледи по икре ремешком перетянут и носили. В уледях-то ходить шибко хорошо было, они кожаные, легкие такие. Раньше-то магазинов таких не было, все сами делали, босой не пойдешь, так уледи шили. Носили уледи из кожи легонькие. Уледи-они веревками привязывались, у них ушко было, веревку туда совали и завязывали, мужчины носили. Уледи из легкой кожи и ремешки такие на концах завяжут. Уледи-женские легкие туфли, сделаны из кожи, без каблуков и без подошвы. На ногах-то носили уледи, их делали из кожи. Раньше ведь это уледи делали. Уледи сошьют из кожи на работу ходить. Уледи из кожи сами шили, как лапти, наматывают, веревочки в ушки вдернут. Вилеготские-то все уледи носили. Улечи не все имели тогда-то. Улечи из кожи. Лапти носили из бересты, улечи из кожи. Ступни были, уличи были, упаковки были, лапти.*

УПАКИ

= уПОКИ, мн. Валенки. *В комнате все в лаптях ходили, да в упаковках, а то босиком. Куда мои упаковки задевались, ноги что-то зябнут. Упаки на печку ставили сушить, так валенки называли. Онучи обматывают на ноги, потом упаковки оденут. Упаки-то возле печки стоят. Валенки ране упаковками звали. Раньше упаковки носили. Катальщицики были, упаковки, катали. На ноги-то упаковки носили, валенки. Валенки кто упаковками называли, кто как. Катальщицик катал упаковки. Упаки были черные, серые, белые, какая овца, такие и упаковки. Катальщицики упаковки катали. Упоки раньше носили. На ногах зимой упаковки носили. Ступни были, уличи были, упаковки были, лапти. Зимой упаковки носила. Упаки-то по-нашему валенки. Зимой упаковки оденешь и тепло. Валенки от раньше упаковки звали. Потом она пошла по следам, от упаков, они большие были. Упаки-то калали сами. Валенки раньше упаковки звали. Упаки мы зимой одевали, когда холодно. Упаки свои мужики латали. Упаки с калошами носили. Зимой-то раньше в упаковках ходили. Зимой-то упаковки носили. Когда Зимно, то в упаковках ходили.*

Посредством цифровой версии словаря русского говора с. Лойма Прилузского района Республики Коми представляется возможным включение сведений о лексическом составе территориального (локального, местного) варианта раннего переселенческого русского говора вологодско-вятской группы севернорусского наречия в Диалектологический фонд русского языка и, естественно, в общую структуру гизаурского национального словарного фонда русского языка [Гольдин, 1989; 1995; Гольдин, Крючкова, 2006; 2008; Иванцова, 2017; Крючкова, 2007; Крючкова, Гольдин, 2008; Лесников, 2018а; 2018б; 2019; Пшеничнова, 1990; Юрина, 2011].

Перечисленные в данной статье особенности лексики русского говора с. Лойма Прилузского района Республики Коми находят отражение в составе и содержании словарных статей создаваемого словаря названного языкового образования. Именно такой подход позволяет раскрыть в цифровом диалектном словаре культурологический потенциал лексики как значимой части словарного состава той разновидности русского диалектного языка, которой посвящено данное лексикографическое исследование [Лесников, 2011; Лесников, Мызников, 2020; Лесников, Сухачев, 2020].

Список литературы

- Ануфриева И. А.** Словообразование агентивных существительных в русском говоре с. Лойма Прилузского района Коми АССР // Севернорусские говоры в иноязычном окружении. Сыктывкар: ПермГУ, 1986. С. 133–141.
- Ануфриева И. А.** Компрессивное словообразование агентивных существительных в русском говоре с. Лойма Прилузского района Коми АССР // Тез. 10 Коми республ. молодежной науч. конф. Сыктывкар, 1987. С. 9–10.
- Афанасьев А. П.** Топонимия Республики Коми: Словарь-справочник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996. 206 с.
- Баранникова Л. И.** К проблеме классификации говоров территории позднего заселения // Говоры территории позднего заселения. Саратов: Изд-во СарГУ, 1977. Вып. 1. С. 3–23.
- Баранникова Л. И.** Русские народные говоры в советский период (К проблеме соотношения языка и диалекта). Саратов: Изд-во СарГУ, 1967. 207 с.
- Баранникова Л. И., Бондалетов В. Д., Горева Л. И. и др.** Пособие-инструкция для подготовки и составления региональных словарей русского языка / Отв. ред. В. Г. Орлова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 240 с.
- Булыгина Д. С., Лесников Г. С., Лесников С. В.** Фрагмент дифференциального словаря русского говора села Лойма Прилузского района Республики Коми // Современная русская лексикография и лингвогеография. 2017: Сб. ст. / Отв. ред. О. Н. Крылова. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 48–90.
- Бунчук Т. Н.** Языковой портрет говора села Лойма Прилузского района Республики Коми // Научный диалог. 2014. № 4 (28). Филология. С. 6–29.
- Гольдин В. Е.** К проекту Диалектологического текстового подфонда Машинного фонда русского языка // Третья всесоюзная конференция по созданию Машинного фонда русского языка. М., 1989. Ч. 2. С. 3–5.
- Гольдин В. Е.** Машиннообработываемые корпуса диалектных текстов и проблема типологии русской речи // Русистика сегодня. 1995. № 3. С. 72–87.
- Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю.** Тематическая разметка и тематический анализ диалектного текстового корпуса // Языковая личность – текст – дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования: Материалы междунар. науч. конф. Самара: Изд-во «Самарский Ун-т», 2006. Ч. 1. С. 71–80.
- Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю.** Текстовый диалектологический корпус как модель традиционной сельской коммуникации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М.: РГГУ, 2008. С. 268–273.
- Жеребцов Л. Н.** Расселение коми в XV–XIX вв. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1972. 62 с.
- Жеребцов Л. Н.** Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. X – начало XX в. М.: Наука, 1982. 224 с.
- Загоровская О. В.** Семантика диалектного слова. Сыктывкар: Изд-во СГУ, 1989. 60 с.
- Загоровская О. В.** Семантика диалектного слова и проблемы диалектной лексикографии. М.: Ин-т рус. яз. АН СССР, 1990. 300 с.
- Загоровская О. В., Лесников С. В.** Виды лексикографической информации в автоматическом словаре русских говоров Коми АССР и сопредельных областей // Машинный фонд

русского языка (МФ РЯ): Предпроектные исследования. М.: Ин-т рус. яз. АН СССР, 1988. С. 64–70.

- Загоровская О. В., Лесников С. В.** Ономастическая лексика говора села Лойма Прилузского района Республики Коми в аспекте проблем современной диалектной лексикографии // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17, № 1. С. 209–222. DOI 10.15826/vopr_onom.2020.17.1.012.
- Иванцова Е. В.** Томский диалектный корпус: обоснование концепции и перспективы развития // Вопр. лексикографии. 2017. № 11. С. 54–70.
- Книга Большому Чертежу [Памятник XVII в.] / Подгот. к печ. и ред. К. Н. Сербиной. М.; Л.: Изд-во и 1-я тип. АН СССР, 1950. 229 с.
- Крючкова О. Ю.** Электронный корпус русской диалектной речи и принципы его разметки // Изв. Сарат. ун-та. Новая серия. Филология. Журналистика. 2007. Т. 7, вып. 1. С. 359–367.
- Крючкова О. Ю., Гольдин В. Е.** Текстовый диалектологический корпус как модель традиционной сельской коммуникации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. междунар. конф. «Диалог-2008». М., 2008. С. 268–273.
- Лашук Л. П.** Формирование народности коми. М., 1972. 289 с.
- Лесников С. В.** Архитектоника АЛС «ГОВОР» // Третья Всесоюзная конференция по созданию Машинного фонда русского языка. М.: ИРЯз АН СССР, 1989. Ч. 2. С. 7–8.
- Лесников С. В.** Диалектные словари: материалы для гипертекста «ГОВОР» // Говор: Альманах. 1995. № 1 (1). С. 1–100.
- Лесников С. В.** Компьютерный словарь русского говора села Лойма Прилузского района Республики Коми. Коми ЦНТИ. ИЛ № 6–97. Серия Р.16.31.02. 4 с. (1997)
- Лесников С. В.** Научный отчет по гранту РФФИ № 00-06-80176 «Гипертекстовый генеральный свод лексики русского языка». Сыктывкар: СыктГУ, 2000. 30 с.
- Лесников С. В.** Системный словарь русского говора села Лойма Прилузского района Республики Коми // Проблемы современной русской диалектологии. М.: ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, 2004. С. 92–94.
- Лесников С. В.** Основные латинские термины-элементы и термины метаязыка лингвистики // Науч. ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 12 (107), вып. 10. С. 37–45.
- Лесников С. В.** Конструирование гипертекстового свода лексики народных говоров русского языка // Актуальные проблемы русской диалектологии: Материалы Междунар. конф. М.: ИРЯз РАН, 2018а. С. 148–149.
- Лесников С. В.** Конструирование информационно-поискового свода академических словарей русского языка (Свод АСРЯ) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). СПб.: ИЛИ РАН, 2018б. С. 226–257.
- Лесников С. В.** Академический словарный корпус /АСК/ русского языка // Русский язык: исторические судьбы и современность. М.: МГУ, 2019. С. 213–214.
- Лесников С. В.** Гизаурус лексикографических материалов для составителей и редакторов «Большого академического словаря русского языка» // С любовью к Слову: Сб. ст. участников Всерос. с междунар. участием науч. конф., приуроченной к 80-летию юбилею д-ра филол. наук, проф. Людмилы Алексеевны Климковой, спец. в обл. лексикологии, диалектологии, ономастики, словообразования / Отв. ред. О. В. Никифорова. Арзамас, 2021. С. 56–62.
- Лесников С. В., Загоровская О. В.** Формальная грамматика словарной статьи автоматического словаря русских говоров Коми АССР и сопредельных областей /АСРГКА/ // Вторая Всесоюзная конференция по созданию Машинного фонда русского языка: Материалы конф. М.: ИРЯз АН СССР, 1988. С. 107–119.
- Лесников С. В., Мызников С. А.** Эксерпторно-эксплицитные дефиниции ключевых понятий метаязыка диалектологии // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) / Отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 472–549.

- Лесников С. В., Мызников С. А., Королькова М. Д.** Русский диалектный гизаурус: основные источники // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) / Отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. С. 425–497. DOI 10.30842/265861502019
- Лесников С. В., Сухачев Н. Л.** Терминологические словоупотребления и аббревиатуры лингвогеографии // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) / Отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 722–747.
- Ли А. Д.** Русские говоры Коми Республики. Сыктывкар: КГПИ, 1992. 106 с.
- Матвеев А. К.** Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории севера европейской части СССР: Дис. ... д-ра филол. наук. Свердловск, 1970. Т. 1. С. 1–241; Т. 2. С. 242–581; Приложения. 101 с. Карты. 86 с.
- Мельниченко Г. Г.** Программа собирания материалов для изучения словарного состава местных говоров. Ярославль: Ярослав. гос. пед. ин-т, 1951. 118 с.; 2-е изд. 1959. 223 с.
- Мусанов А. Г.** Словарь географических названий Прилузья. Сыктывкар: Арт, 2007. 104 с.
- Пшеничнова Н. Н.** О диалектологическом подфонде Машинного фонда русского языка // Третья всесоюзная конференция по созданию Машинного фонда русского языка: докл. М., 1990. С. 34–41.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М.; Л./СПб.: Наука, 1965–2019. Вып. 1–51.
- Туркин А. И.** Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар, 1986. 144 с.
- Чернышев В. И.** Программа для собирания особенностей великорусских говоров. СПб.: Тип. Имп. АН, 1900. 151 с. (Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук; Т. 68, № 1).
- Юрина Е. А.** Томский диалектный корпус: в начале пути // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2011. № 2 (14). С. 58–63.

References

- Afanasev A. P.** Toponimiya Respubliki Komi [Toponymy of the Komi Republic]. Dictionary-reference. Syktyvkar, Komi Book Publ., 1996, 206 p. (in Russ.)
- Anufrieva I. A.** Slovoobrazovanie agentivnykh sushchestvitel'nykh v russkom govore s. Lojma Priluzskogo rajona Komi ASSR [Word formation of agentive nouns in the Russian dialect of the village of Lojma of the Priluzsky district of the Komi ASSR]. In: Severnorusskie govory v inoyazychnom okruzhenii [Northern Russian dialects in a foreign language environment]. Syktyvkar, PermSU Press, 1986, pp. 133–141. (in Russ.)
- Anufrieva I. A.** Kompresivnoe slovoobrazovanie agentivnykh sushchestvitel'nykh v russkom govore s. Lojma Priluzskogo rajona Komi ASSR [Compressive word formation of agentive nouns in the Russian dialect of the village of Lojma of the Priluzsky district of the Komi ASSR]. In: Tez. 10 Komi republ. molodezhnoj nauch. konf. [Tez. 10 Komi Republic Youth Scientific Conference]. Syktyvkar, 1987, pp. 9–10. (in Russ.)
- Barannikova L. I.** K probleme klassifikacii govorov territorii pozdnego zaseleniya [On the problem of classification of dialects of the territory of late settlement]. In: Govory territorii pozdnego zaseleniya [Dialects of the territory of late settlement]. Saratov, SarSU Press, 1977, iss. 1, pp. 3–23. (in Russ.)
- Barannikova L. I.** Russkie narodnye govory v sovetskij period (K probleme sootnosheniya yazyka i dialekta) [Russian folk dialects in the Soviet period (On the problem of the correlation of language and dialect)]. Saratov, SarSU Press, 1967, 207 p. (in Russ.)
- Barannikova L. I., Bondaletov V. D., Goreva L. I. et al.** Posobie-instruktsiya dlya podgotovki i sostavleniya regional'nykh slovarej russkogo yazyka [Manual-instruction for the preparation and compilation of regional dictionaries of the Russian language]. Ed. by V. G. Orlova. Moscow, AS USSR Publ., 1960, 240 p. (in Russ.)

- Bulygina D. S., Lesnikov G. S., Lesnikov S. V.** Fragment differencial'nogo slovarya russkogo govora sela Lojma Priluzskogo rajona Respubliki Komi [A fragment of the differential dictionary of the Russian dialect of the village of Lojma, Priluzsky district of the Komi Republic]. In: *Sovremennaya russkaya leksikografiya i lingvogeografiya*. 2017 [Modern Russian lexicography and linguogeography. 2017]. Collection of articles. Ed. by O. N. Krylova. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017, pp. 48–90. (in Russ.)
- Bunchuk T. N.** Yazykovoj portret govora sela Lojma Priluzskogo rajona Respubliki Komi [Linguistic portrait of the dialect of the village of Lojma of the Priluzsky district of the Komi Republic]. *Nauchnyj dialog*, 2014, no. 4 (28). Filologiya, pp. 6–29. (in Russ.)
- Chernyshev V. I.** Programma dlya sobiraniya osobennostej velikorusskih govorov [Program for collecting features of Great Russian dialects]. St. Petersburg, Imp. AS Publ., 1900, 151 p. (in Russ.) (Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii nauk [Collection of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences]; vol. 68, no. 1).
- Goldin V. E.** K proektu Dialektologicheskogo tekstovogo podfonda Mashinnogo fonda russkogo yazyka [Russian Russian Language Machine Fund Dialectological text subfund project]. In: *Tret'ya vsesoyuznaya konferenciya po sozdaniyu Mashinnogo fonda russkogo yazyka* [The Third All-Union conference on the creation of the Machine fund of the Russian language]. Moscow, 1989, pt. 2, pp. 3–5. (in Russ.)
- Goldin V. E.** Mashinnoobrabatyvaemye korpusy dialektnykh tekstov i problema tipologii russkoj rechi [Machine-processed corpus of dialect texts and the problem of typology of Russian speech]. *Rusistika segodnya*, 1995, no. 3, pp. 72–87. (in Russ.)
- Goldin V. E., Kryuchkova O. Yu.** Tekstovyj dialektologicheskij korpus kak model' traditsionnoj sel'skoj kommunikatsii [Textual dialectological corpus as a model of traditional rural communication]. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational linguistics and intellectual technologies]. Moscow, RSHU Press, 2008, pp. 268–273. (in Russ.)
- Goldin V. E., Kryuchkova O. Yu.** Tematicheskaya razmetka i tematicheskij analiz dialektnogo tekstovogo korpusa [Thematic markup and thematic analysis of dialect text corpus]. In: *Yazykovaya lichnost' – tekst – diskurs: teoreticheskie i prikladnye aspekty issledovaniya* [Linguistic personality – text – discourse: theoretical and applied aspects of research]. Materials of the international scientific conference. Samara, “Samsarskij Un-t” Publ., 2006, pt. 1, pp. 71–80. (in Russ.)
- Ivantsova E. V.** Tomskij dialektnyj korpus: obosnovanie kontseptsii i perspektivy razvitiya [Tomsk dialect corpus: substantiation of the concept and prospects of development]. *Voprosy leksikografii*, 2017, no. 11, pp. 54–70. (in Russ.)
- Kniga Bol'shomu Chertezhu* [Pamyatnik XVII v.] [The Book of the Big Drawing [Monument of the 17th century]]. Prep. and ed. by K. N. Serbina. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1950, 229 p. (in Russ.)
- Kryuchkova O. Yu.** Elektronnyj korpus russkoj dialektnoj rechi i printsipy ego razmetki [Electronic corpus of Russian dialect speech and the principles of its markup]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Filologiya. Zhurnalistika*, 2007, vol. 7, iss. 1, pp. 359–367. (in Russ.)
- Kryuchkova O. Yu., Goldin V. E.** Tekstovyj dialektologicheskij korpus kak model' traditsionnoj sel'skoj kommunikatsii [Textual dialectological corpus as a model of traditional rural communication]. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational linguistics and intellectual technologies]. Proc. of International conf. “Dialog-2008”. Moscow, 2008, pp. 268–273. (in Russ.)
- Lashchuk L. P.** Formirovanie narodnosti komi [Formation of the Komi nation]. Moscow, 1972, 289 p. (in Russ.)
- Lesnikov S. V.** Arhitektonika ALS “GOVOR” [Architectonics ALS “SPEECH”]. In: *Tret'ya Vsesoyuznaya konferenciya po sozdaniyu Mashinnogo fonda russkogo yazyka* [The Third All-

- Union conference on the establishment of Native Fund of the Russian language]. Moscow, IRL AS USSR Publ., 1989, pt. 2, pp. 7–8. (in Russ.)
- Lesnikov S. V.** Dialektnye slovari: materialy dlya giperteksta “GOVOR” [Dialect dictionaries: materials for the hypertext “GOVOR”]. *Govor: Almanac*, 1995, no. 1 (1), pp. 1–100. (in Russ.)
- Lesnikov S. V.** Komp'yuternyj slovar' russkogo govora sela Lojma Priluzskogo rajona Respubliki Komi [Computer dictionary of the Russian dialect of the village of Lojma, Priluzsky district of the Komi Republic]. *Komi CNTI. IL № 6–97. Seriya R.16.31.02.* 4 p. (1997) (in Russ.)
- Lesnikov S. V.** Nauchnyj otchet po grantu RFFI № 00-06-80176 “Gipertekstovyy general'nyj svod leksiki russkogo yazyka” [Scientific report on RFBR grant no. 00-06-80176 “Hypertext general code of vocabulary of the Russian language”]. Syktyvkar, SyktSU Press, 2000, 30 p. (in Russ.)
- Lesnikov S. V.** Sistemnyj slovar' russkogo govora sela Lojma Priluzskogo rajona Respubliki Komi [Russian Russian dialect Dictionary of the village of Lojma, Priluzsky district of the Komi Republic]. In: *Problemy sovremennoj russkoj dialektologii* [Problems of modern Russian dialectology]. Moscow, IRL RAS, 2004, pp. 92–94. (in Russ.)
- Lesnikov S. V.** Osnovnye latinskie terminoelementy i terminy metazyzyka lingvistiki [Basic Latin term elements and terms of the metalanguage of linguistics]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2011, no. 12 (107), iss. 10, pp. 37–45. (in Russ.)
- Lesnikov S. V.** Konstruirovaniye gipertekstovogo svoda leksiki narodnykh govorov russkogo yazyka [Constructing a hypertext set of vocabulary of Russian vernacular dialects]. In: *Aktual'nye problemy russkoj dialektologii* [Actual problems of Russian dialectology]. Proc. of the International conference. Moscow, IRL RAS Publ., 2018, pp. 148–149. (in Russ.)
- Lesnikov S. V.** Konstruirovaniye informacionno-poiskovogo svoda akademicheskikh slovarej russkogo yazyka (Svod ASRYA) [Constructing an information-search code of academic dictionaries of the Russian language (ASRYA Code)]. In: *Leksicheskij atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical Atlas of Russian vernacular dialects (Materials and research)]. St. Petersburg, ILI RAS Publ., 2018, pp. 226–257. (in Russ.)
- Lesnikov S. V.** Akademicheskij slovarnyj korpus /ASK/ russkogo yazyka [Academic vocabulary corpus /ASK/ Russian language]. In: *Russkij yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'* [Russian language: historical development and modern times]. Moscow, MSU Press, 2019, pp. 213–214. (in Russ.)
- Lesnikov S. V.** Gizaurus leksikograficheskikh materialov dlya sostavitelej i redaktorov “Bol'shogo akademicheskogo slovarya russkogo yazyka” [Gizaurus of lexicographic materials for compilers and editors of the “Great Academic Dictionary of the Russian language”]. In: *S lyubov'yu k Slovu* [With love for the Word]. A collection of articles by participants of the All-Russian scientific conference with international participation, dedicated to the 80th anniversary of Doctor of Philology, Professor Lyudmila Alekseevna Klimkova, a specialist in the field of lexicology, dialectology, onomastics, word formation. Ed. by O. V. Nikiforova. Arzamas, 2021, pp. 56–62. (in Russ.)
- Lesnikov S. V., Myznikov S. A.** Ekstsertorno-eksplitsitnye definitsii klyuchevykh ponyatij metazyzyka dialektologii [Excerptor-explicit definitions of key concepts of the metalanguage of dialectology]. In: *Leksicheskij atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical Atlas of Russian folk dialects (Materials and research)]. Ed. by S. A. Myznikov. St. Petersburg, ILI RAS Publ., 2020, pp. 472–549. (in Russ.)
- Lesnikov S. V., Myznikov S. A., Korolkova M. D.** Russkij dialektnyj gizaurus: osnovnye istochniki [Russian Russian dialect gizaurus: main sources]. In: *Leksicheskij atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical Atlas of Russian folk dialects (Materials and research)]. Ed. by S. A. Myznikov. St. Petersburg, ILI RAS Publ., 2019, pp. 425–497. (in Russ.) DOI 10.30842/265861502019
- Lesnikov S. V., Sukhachev N. L.** Terminologicheskie slovoupotrebleniya i abbreviatory lingvogeografii [Terminological word usage and abbreviations of linguogeography]. In: *Leksicheskij*

atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical Atlas of Russian vernacular dialects (Materials and research)]. Ed. by S. A. Myznikov. St. Petersburg, ILI RAS Publ., 2020, pp. 722–747. (in Russ.)

- Lesnikov S. V., Zagorovskaya O. V.** Formal'naya grammatika slovarnoj stat'i avtomaticheskogo slovarya russkikh govorov Komi ASSR i sopredel'nykh oblastej /ASRGKA/ [Russian Russian Dialect Dictionary formal grammar of the automatic dictionary of the Komi ASSR and adjacent regions /ASRGKA/] In: Vtoraya Vsesoyuznaya konferentsiya po sozdaniyu Mashinnogo fonda russkogo yazyka [The second All-Union Conference on the creation of the Machine fund of the Russian language]. Materials of the conference. Moscow, IRL AS USSR, 1988, pp. 107–119. (in Russ.)
- Li A. D.** Russkie govory Komi Respubliki [Russian dialects of the Komi Republic]. Syktyvkar, KSPI Press, 1992, 106 p. (in Russ.)
- Matveev A. K.** Russkaya toponimika finno-ugorskogo proiskhozhdeniya na territorii severa evropejskoj chasti SSSR [Russian toponymy of Finno-Ugric origin on the territory of the North of the European part of the USSR]. Dr. Philol. Sci. Sverdlovsk, 1970, vol. 1, pp. 1–241; vol. 2, pp. 242–581; Append., 101 p.; Maps, 86 p. (in Russ.)
- Melnichenko G. G.** Programma sobiraniya materialov dlya izucheniya slovarnogo sostava mestnykh govorov [Program of collecting materials for studying the vocabulary of local dialects]. Yaroslavl, Yaroslavl State Ped. Institute Press, 1951, 118 p.; 2nd ed. 1959, 223 p. (in Russ.)
- Musanov A. G.** Slovar' geograficheskikh nazvanij Priluz'ya [Dictionary of geographical names of Priluzye]. Syktyvkar, Art, 2007, 104 p. (in Russ.)
- Pshenichnova N. N.** O dialektologicheskom podfonde Mashinnogo fonda russkogo yazyka [About the dialectological subfund of the Machine Fund of the Russian language]. In: Tret'ya vsesoyuznaya konferentsiya po sozdaniyu Mashinnogo fonda russkogo yazyka [The Third All-Union Conference on the creation of the Machine Fund of the Russian language]. Moscow, 1990, pp. 34–41. (in Russ.)
- Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian Folk dialects]. Eds. F. P. Filin, F. P. Sorokoletov, S. A. Myznikov. Moscow, Leningrad / St. Petersburg, Nauka, 1965–2019, iss. 1–51. (in Russ.)
- Turkin A. I.** Toponimicheskij slovar' Komi ASSR [Toponymic dictionary of Komi ASSR]. Syktyvkar, 1986, 144 p. (in Russ.)
- Yurina E. A.** Tomskij dialektnyj korpus: v nachale puti [Tomsk dialect corpus: at the beginning of the way]. *Vestnik Tom. gos. un-ta. Filologiya*, 2011, no. 2 (14), pp. 58–63. (in Russ.)
- Zagorovskaya O. V.** Semantika dialektного слова [Semantics of a dialect word]. Syktyvkar, SSU Press, 1989, 60 p. (in Russ.)
- Zagorovskaya O. V.** Semantika dialektного слова i problemy dialektной leksikografii [Semantics of dialect words and problems of dialect lexicography]. Moscow, Institute of Russian Language AS USSR, 1990, 300 p. (in Russ.)
- Zagorovskaya O. V., Lesnikov S. V.** Vidy leksikograficheskoy informatsii v avtomaticheskom slovare russkikh govorov Komi ASSR i sopredel'nykh oblastej [Russian Russian Dictionary of Komi ASSR and adjacent regions] In: Mashinnyj fond russkogo yazyka (MF RYA): Pred-proektnye issledovaniya [Machine Fund of the Russian language (MF RYA): Pre-project research]. Moscow, Institute of Russian Language AS USSR, 1988, pp. 64–70. (in Russ.)
- Zagorovskaya O. V., Lesnikov S. V.** Onomasticheskaya leksika govora sela Lojma Priluzskogo rajona Respubliki Komi v aspekte problem sovremennoj dialektной leksikografii [Onomastic vocabulary of the dialect of the village of Lojma of the Priluzsky district of the Komi Republic in the aspect of the problems of modern dialect lexicography]. *Voprosy onomastiki*, 2020, vol. 17, no. 1, pp. 209–222. (in Russ.) DOI 10.15826/vopr_onom.2020.17.1.012
- Zherebtsov L. N.** Rasselenie komi v XV–XIX vv. [Settlement of Komi in the 15th – 19th centuries]. Syktyvkar, Komi Book Publ., 1972, 62 p. (in Russ.)

Zherebtsov L. N. Istoriko-kul'turnye vzaimootnosheniya komi s sosednimi narodami. X – nachalo XX v. [Historical and cultural relations of Komi with neighboring peoples. 10th – beginning 20th century]. Moscow, Nauka, 1982, 224 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Сергей Владимирович Лесников, кандидат филологических наук, доцент

Information about the Author

Sergey V. Lesnikov, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 14.05.2020;
одобрена после рецензирования 07.10.2021; принята к публикации 10.10.2021
The article was submitted 14.05.2020;
approved after reviewing 07.10.2021; accepted for publication 10.10.2021*

Научная статья

УДК 811.512.1'373.21 : 81'373.6 : 811.512.141'373.21
DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-35-47

Полисемантическая фитотопонимия Южного Урала и Зауралья

Фирдаус Гильмитдиновна Хисамитдинова¹
Мадина Раилевна Валиева²
Гульназ Нурфаизовна Ягафарова³
Римма Талгатовна Муратова⁴

¹⁻⁴ Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук
Уфа, Россия

¹ hisamitdinova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5997-9928>

² valieva_1979@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4549-3553>

³ rishrinat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4363-2940>

⁴ bairima@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4223-0675>

Аннотация

Статья посвящена изучению башкирских топонимов, образованных на основе фитонимов. Основная цель – демонстрация фитотопонимов и определение закономерностей их номинации. Авторы описывают модели формирования топонимов, образованных от названий растений, также проводят сравнительный анализ башкирских фитотопонимов с ономастическим материалом других тюркских языков. Выявлено, что из зафиксированных 10 000 башкирских географических названий фитонимы встречаются примерно в 4 % топонимов. Они содержат 65 названий растений, в том числе 16 названий деревьев, 16 наименований кустарников и фруктовых деревьев, 8 наименований водных растений, 13 наименований съедобных диких трав, 13 названий растений, используемых в бытовых целях в повседневной жизни. Систематизация собранного материала позволяет выявить особенности растительного покрова и ареальной флоры Южного Урала и Зауралья. Авторы статьи подчеркивают, что фитотопонимы констатируют, регистрируют местонахождение, определенное положение растения и относятся ко вторичной номинации. Многие фитотопонимы несут в себе социально значимую культурно-историческую информацию о мире, а в древности они выступали природным ориентиром в пространстве.

Ключевые слова

топоним, фитоним, башкирский язык, тюркские языки, дендроним, ареал, рельеф

Для цитирования

Хисамитдинова Ф. Г., Валиева М. Р., Ягафарова Г. Н., Муратова Р. Т. Полисемантическая фитотопонимия Южного Урала и Зауралья // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 2: Филология. С. 35–47. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-35-47

© Хисамитдинова Ф. Г., Валиева М. Р., Ягафарова Г. Н., Муратова Р. Т., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 2: Филология. С. 35–47
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 2: Philology, pp. 35–47

Polysemanticity of Phytotoponyms of Southern Urals and Trans-Urals

Firdaus G. Khisamitdinova¹, Madina R. Valieva²
Gulnaz N. Yagafarova³, Rimma T. Muratova⁴

¹⁻⁴ Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences Ufa, Russian Federation

¹ hisamitdinova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5997-9928>

² valieva_1979@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4549-3553>

³ rishrinat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4363-2940>

⁴ bairima@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4223-0675>

Abstract

Purpose. The article is devoted to the study of Bashkir toponyms formed on the basis of phytonyms. The main objective is to demonstrate phytotoponyms and determine the laws of their nomination.

Results. The authors describe models for the formation of toponyms derived from plant names and conduct a comparative analysis of Bashkir phytotoponyms with onomastic materials of other Turkic languages. Of the 10,000 Bashkir geographical names recorded, phytonyms are found in about 4 % of toponyms. They contain 65 names of plants, including 16 names of trees, 16 names of shrubs and fruit trees, 8 names of aquatic plants, 13 names of edible wild herbs, 13 names of other plants used for domestic purposes in everyday life, agricultural crops, etc.

Conclusion. The authors of the article emphasize that phytotoponyms ascertain, register the location, a certain position of the plant and belong to the secondary nomination, as well as the fact that many phytotoponyms carry socially significant cultural and historical information about the world, and in ancient times they would act as a natural landmark in space. Systematization of the collected material reveals the features of the vegetation cover and areal flora of Southern Urals and Trans-Urals.

Keywords

toponym, phytonym, Bashkir language, Turkic languages, dendronym, area, relief

For citation

Khisamitdinova F. G., Valieva M. R., Yagafarova G. N., Muratova R. T. Polysemanticity of Phytotoponyms of Southern Urals and Trans-Urals. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 2: Philology, pp. 35–47. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-35-47

Введение

Уральские горы, расположенные между Восточно-Европейской и Западно-Сибирской равнинами, простирающиеся от побережья Северного Ледовитого океана до Северо-Западного Казахстана и реки Урал, охватывают пять природных зон: тундру, лесотундру, тайгу, лесостепь и степь. Подобное географическое положение Урала способствовало формированию разнообразных климатических зон и неоднородности рельефа. На Южном Урале, где сосредоточены горы, Южно-Уральское плоскогорье, грядисто-сопочное предгорье, равнины, луга и степи, богатый горный состав почвы (чернозем с каменистыми россыпями) и почвы пойменных лугов, а также система глубоких рек и озер определили растительный покров края. Здесь таежные леса с хвойными и лиственными породами деревьев чередуются с альпийскими луговыми полянами, степным разнотравьем.

В становлении топонимической системы Южного Урала, Предуралья и Зауралья, связанной с древнейшими периодами расселения в регионе ираноязычных, финно-угорских и ранних тюркоязычных предков башкир, наиболее значительную роль сыграли башкирские географические названия, среди которых выделяются топонимы, образованные на основе фитонимов.

Флора Южного Урала насчитывает до 1 600 видов растений, часть которых – самые значимые наименования деревьев и трав – представлена в составе башкирских фитотопонимов республики и сопредельных территорий. Так, в «Словарь топонимов Республики Башкор-

тостан» вошло более 600 подобных названий, появившихся в результате наблюдений за окружающей флорой и осмысленного процесса номинации носителями языка.

Основные вопросы номинации географических объектов Южного Урала и Зауралья неоднократно освещались в трудах лингвистов, известны труды Г. Х. Бухаровой, Т. М. Гарипова, Э. Ф. Ишбердина, А. А. Камалова, Дж. Г. Киекбаева, Н. А. Ласыновой, А. К. Матвеева, Э. М. Мурзаева, З. Г. Ураксина, Л. Г. Хабибова, Ф. Г. Хисамитдиновой, Р. З. Шакурова и др. Исследования топонимистов дополняются информативными полевыми материалами и публикациями краеведов в периодических изданиях. Подробно изученная в историческом, географическом и лингвистическом аспектах совокупность топонимов на сегодняшний день нуждается в более конкретных исследованиях, раскрывающих семантику и особенности формирования локальной топонимической системы.

Основная цель данной статьи – выявление и систематизация башкирских фитотопонимов, определение номинативных закономерностей, описание структурных моделей их образования и сравнительное изучение на фоне других тюркских языков. Научная ценность характеристики данного лексического разряда топонимов отражает специфические черты национального мировосприятия, которые закрепляют в языке социально значимую культурно-историческую информацию о мире и человеке, воссоздают важный фрагмент языковой картины мира.

Материалом для исследования послужили топонимы, собранные в картотеке отдела языкознания Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН (общее количество топонимов и микротопонимов достигает 80 000), около 10 000 географических названий, представленных в десятитомном «Академическом словаре башкирского языка» (под редакцией Ф. Г. Хисамитдиновой, Уфа: Китап, 2011–2018), а также материалы «Словаря топонимов Республики Башкортостан» (Уфа, 2002).

Фитонимы в тюркской топонимии

Фитонимический компонент в географических названиях распространен повсеместно. В тюркских языках он характеризует общий растительный покров определенной территории или редкий вид среди традиционных. Так, в названиях гор, долин и перевалов Алтая выделяют фитонимы *терек* ‘тополь’, *кайын* ‘берёза’, *карагай* ‘сосна’, в названиях рек – *ачу-саргай* ‘горькая сарана’, *балтырган* ‘борщевик’ и т. п. [Молчанова, 1982, с. 118, 202, 236]. Среди географических названий Приенисейской Сибири перечисляются хакасские фитотопонимы с компонентами *хузугу* ‘кедр’, *тыттыг / хыттыг* ‘лиственница’, *нымырт* ‘черёмуха’, *малтырган* ‘борщевик’, *тыло* ‘кочка’ и т. п. [Мельхеев, 1986]. В шорской топонимии отмечаются фитонимы *каин / казын* ‘берёза’, *артыш* ‘можжевельник’, *арыш* ‘рожь’, *балан* ‘калина’, *тутал* ‘горная ива’ и т. п. [Шабалин, 1994, с. 222].

Среди географических названий Казахстана преобладают общетюркские фитонимы *агаш* ‘дерево, лес’, *терек* ‘тополь’, *каин* ‘берёза’, *иман* ‘дуб’, *карагай* ‘сосна’, *жирек* ‘ольха’, *алма* ‘яблоня’, *моил* ‘черёмуха’, *тал* ‘ива’, *қамыш* ‘камыш’, *қога* ‘рогоз’, *шаган* ‘ясенец; неопалимая купина’, *мамык* ‘пух’, *томар* ‘кочка, кочкарник’, *чилик* ‘ива’, *арча* ‘можжевельник’, *кендирлик* ‘джут’, *жуса* ‘полынь’ и т. п. [Конкашпаев, 1963; Койчубаев, 1974]. Киргизскую фитотопонимию формируют фитонимы *кайың* ‘берёза’, *карагай* ‘сосна’, *терек* ‘тополь’, *алма* ‘яблоня’, *алча* ‘алыча’, *өрүк* ‘абрикос’, *тал* ‘ива, ракита’, *карагат* ‘смородина’, *арча* ‘можжевельник’, *чырпык* ‘куст’, *қамыш* ‘камыш’, *балтырган* ‘борщевик’, *арпа* ‘ячмень’ и т. п. [Умурзаков и др., 1982]. В кумыкской топонимии широко распространены дендронимы *алма* ‘яблоня’, *чум* ‘кизил’, *гоган* ‘терн’, *эмен* ‘дуб’, *тал* ‘ива’, *тут* ‘тутовое дерево’ и др. [Абдукова, 2013]. В карачай-балкарской топонимии в образовании названий географических объектов ведущее место занимают фитонимы *агъач* ‘лес, дерево’, *джерек* ‘ольха’, *каин* ‘берёза’, *нарат* ‘сосна’, *терек* ‘тополь, осокорь’, *пихта* ‘ель’, *алма* ‘яблоня’, *камыш* ‘камыш’, *кюндюш* ‘черемша’, *мурса* ‘крапива’ и т. п. [Семенова, 2011]. Гагаузская топонимия

несколько отличается тем, что в составе топонимов зафиксированы названия плодово-ягодных растений и кустов типа *баалар* ‘виноград’, *мулвер* ‘бузина’, *суут* ‘ива’, *казаяк* ‘папоротник’, *кетенник* ‘конопляник’ и т. п. [Дорн, Курогло, 1989].

В составе гидронимов Республики Татарстан, пограничной с западным Башкортостаном, наблюдаются различные фитонимы, среди которых преобладают также дендронимы. В исследованиях татарские фитогидронимы подразделены на: породы деревьев, произрастающих на берегах водоемов: *зирек* / *ерек* ‘ольха’, *тирэк* ‘тополь; осокорь’, *карама* ‘вяз’ и т. п.; породы плодородных деревьев и кустарников: *алмагач* ‘яблоня’, *карлыган* ‘смородина’, *тал* ‘ива’; различные типы растительности: *камыш* ‘камыш’, *мук* ‘мох’ и т. п. [Гарипова, 1991]. В чувашской фитотопонимии наблюдаются названия растений *сирэк* ‘ольха’, *хуран* ‘берёза’, *чараиш* ‘ель’, *тирек* ‘тополь; осокорь’, *юман* ‘дуб’, *пилеш* ‘рябина’, *мак* ‘мох’, *хамаш* ‘камыш’ и т. п. [Иванова, 2005].

В башкирской фитотопонимии распространены такие общетюркские дендронимы, как *кайын* ‘берёза’, *карагай* / диал. *нарат*, *теркэ* ‘сосна’, *карагас* ‘лиственница’, *карама* ‘вяз’, *имән* ‘дуб’, *ушак* ‘осина’, *йүкэ* ‘липа’, *тирэк* ‘осокорь; тополь’, *ерек* ‘ольха’, *тал* ‘ива’, *балан* ‘калина’ и т. п. Например, в картотеке отдела языкознания ИИЯЛ УФИЦ РАН среди названий, относящихся к притокам р. Дема, имеются следующие гидронимы с дендрокомпонентом: р. *Карамала* (лев. прит. Демы в Альшеевском р-не и пр. прит. Демы в Чишминском р-не) ‘Вязовая’, лев. прит. Демы *Оло Өйзәрэк* ‘Большой Удряк’ имеет исток *Таллы кул* (прит. Большого Удряка в Благоварском р-не) ‘Ивовый приток’, *Йүкәле кул* (пр. прит. Большого Удряка в Давлекановском р-не) ‘Липовый приток’ и т. п. Также зафиксированы оронимы с дендрокомпонентами: г. *Карагайтау* (Кигинский р-н) ‘Сосновая гора’, г. *Чагантау* (Буздякский р-н) ‘Кленовая гора’, х. *Сәтләүек тауы* (Гафурийский р-н) ‘Орешниковая гора’. В фонде также хранятся башкирские топонимы, записанные в Свердловской и Оренбургской областях (*Кайын тора тауы* ‘Гора, где берёза стоит’, *Жирекле тау* ‘Ольховая гора’ и *Имәнлекүл тауы* ‘Гора с дубовой долиной’ и т. п.).

Многие гидронимы образованы с компонентами *ерек* ‘ольха’ и *балан* ‘калина’: *Баланнуй* (рус. Баланной) ‘Калиновая долина’ < *балан* ‘калина’ + аффикс наличия *-ны* + *уй* ‘долина; речка’ – пр. прит. Ускунуша в Зилаирском р-не. В картотеке насчитывается несколько десятков подобных ‘калиновых долин’: *Баландуй* – дол. в Абзелиловском р-не, д. Кучарово; *Баланнуй* – дол. в Хайбуллинском р-не, д. Акьюлово; *Баланнуй* – рч., прит. Назыйылга в Кугарчинском р-не, д. Игубаево и т. п. Около ста единиц гидронимов с дендрокомпонентом *ерек* ‘ольха’ представлены по всему Южному Уралу и Зауралью.

Сравнение башкирских фитотопонимов с алтайским, казахским, киргизским, татарским, чувашским материалом, а также географическими наименованиями тюркских языков Кавказа позволяет выявить ареальную общность и специфику в плане применения в качестве основы топонима тех или иных фитонимов. Дендронимы берёза, дуб, сосна, лиственница, ольха, осокорь, тополь, яблоня, тутовое дерево, ива, можжевельник, характеризуя растительный покров территории обитания тюрков и выступая природным ориентиром в пространстве, повторяются в составе многих тюркских географических названий Евразии. В фитотопонимической картине тюрков наблюдается использование ареальных названий ягодно-плодовых и др. растений: азерб. с. *Нардаран* ‘дарующий гранат’, каз. г. *Алматы* ‘яблоневый’, каз. г. *Караганда* ‘черная акация’, узб. г. *Пазтозар* ‘хлопковое поле’, узб. орон. *Уриклитог* ‘абрикосовая гора’, узб. орон. *Писталитог* ‘фисташковая гора’ и др. Фитотопонимы наблюдались и в древности, например, название существовавшего в XII–XV вв. города Волжской Булгарии *Джукетау* (др. русск. *Жукотин*) обозначало гору, покрытую липняком [Валиева, 2014, с. 300].

Таким образом, в составе тюркских топонимов выделяется особый пласт, отражающий флористическое разнообразие, пестроту ландшафта и природу края, а также исторические изменения и специфичные хозяйственно-бытовые занятия населения, происходящие в тече-

ние многих веков. В этой связи изучение фитотопонимов одного конкретного региона может способствовать выявлению историко-этнографических закономерностей развития данной территории. С другой стороны, тотальное бытование фитонимов в топонимической картине может быть также связано с тотемистическими взглядами древних тюрков.

С целью полнее представить номинационные модели и выделить мотивационные основы рассмотрим подробнее компонентный состав и словообразовательную структуру башкирских фитотопонимов, представленных в приложениях к 10-томному «Академическому словарю башкирского языка» (АСБЯ, 2011–2018).

Словообразовательная и лексико-семантическая структура башкирских фитотопонимов

АСБЯ – наиболее полный на сегодняшний день словарь башкирского языка, содержащий наряду с лексикой и ономастический материал – перечни наиболее распространенных топонимов и антропонимов. Среди приведенных здесь 10 000 географических названий фитоконпоненты встречаются в 4 % топонимов. В них фиксируется 65 наименований растений. Из них: 16 названий деревьев: *кайын* ‘берёза’, *саука* ‘молодая берёза’, *карагай* / диал. *нарат*, *теркә* ‘сосна’, *карагас* ‘лиственница’, *карама* ‘вяз’, *имән* ‘дуб’, *уҫак* ‘осина’, *саган* ‘клен’, *йүкә* ‘липа’, *шыршы* ‘ель’, *тирәк* ‘осокорь; тополь’, *ерек* ‘ольха’, *тал* ‘ива’, *өйәңке* ‘ветла’; 16 названий кустарников и плодовых деревьев: *муйыл* / диал. *шоморт* ‘черёмуха’, *миләш* / диал. *мышар* ‘рябина’, *сейә* ‘вишня’, *алмагас* ‘яблоня’, *гәлийемеш* ‘шиповник’, *әнәлек* / *езәй* ‘боярышник’, *карлыган* диал. ‘смородина’, *курай еләк* ‘малина’, *балан* ‘калина’, *тутагас* ‘шелковица’, *сәтләүек* ‘лещина, фундук’, *бөрләгән* ‘костяника / ежевика’, *артыш* ‘можжевельник’; 8 названий водных растений: *камыш* ‘камыш, тростник’, *екән* / *егән* ‘рогоз’, *күрән* ‘осока’, *томбойок* ‘кувшинка’, *мүк* ‘мох’, *сай* / *сән* ‘водоросль’; 13 названий съедобных дикорастущих трав: *андыз* ‘девясил’, *базыян* ‘анис’, *балтырган* ‘борщевик’, *еләк* ‘земляника / клубника’, *йыуа* / *әмзә* / *әтмәкәй* ‘дикий лук’, *кузгалак* ‘кислица’, *кымызлык* ‘горец’, *оҫкон* ‘лук линейный’, *һарына* ‘саранка’, *һуган* ‘лук’, 13 наименований других растений (применяемых в быту, сорняков, агрокультур и т. д.): *комалак* ‘хмель’, *селек* ‘чилига’, *тубылгы* ‘таволга’, *курай* ‘курай’, *кылган* ‘ковыль’, *кесерткән* ‘крапива’, *дегәнәк* ‘репей’, *бүтәгә* ‘мятлик’, *шылан* ‘хвощ’, *казаяк* ‘папоротник’, *киндер* ‘конопля’, *арыш* ‘рожь’, *кәбестә* ‘капуста’. Кроме того, в топонимических названиях широко применяются родовые названия: *агас* ‘дерево’, *кыуак* / диал. *өлкөн* ‘куст’, *үлән* ‘трава’.

По нашим подсчетам, наиболее частотны названия деревьев (65 % от всех фитотопонимов), за ними следуют кустарники (11 %), водные растения (9 %), съедобные дикорастущие растения (6 %), доля других названий (сорняков, овощных культур и т. д.) составляет 9 %.

По структуре башкирские фитотопонимы неоднородны, можно выделить следующие модели словообразования.

1. Топонимы, образованные собственно от названия растения. Они возникают по следующим моделям: «фитоним», «фитоним + -лы» (-лы – аффикс наличия, обладания) «фитоним + -лык» (-лык – аффикс со значением места, где имеется что-л.): *Шыршылы* (от *шыршы* + *лы*, досл. ‘имеющий ель’, рч., лев. прит. Мазары в Баймакском р-не), *Саганлы* (от *саган* + *лы*, досл. ‘имеющий сосну’, д. в Белебеевском р-не); *Кайынлык* (от *кайын* + *лык*, досл. ‘березняк’, ур. в Бурзянском р-не).

Такие топонимы могут употребляться как без термина, обозначающего географический объект, например *Киндерлә өйрәктәр йөзә* ‘в (реке) Киндерля плавают утки’ (от *киндер* + *ле* досл. ‘имеющий коноплю’, рч., пр. прит. Зилима в Гафурийском р-не), так и в сочетании с термином. Во втором случае номенклатурные географические термины типа *тау* ‘гора’, *йылга* ‘река’, *күл* ‘озеро’, *ишимә* ‘родник’ и т. д. либо выступают в притяжа-

тельной форме, ср.: *Ерек шишмәһе* ‘родник Зирик’ (от *ерек* ‘ольха’, *шишмә* ‘родник’ + *-һе* ‘показатель 3-го лица’), либо становятся вторым компонентом сложного топонима, ср.: *Наратйылга* (от *нарат* ‘сосна’, *йылга* ‘река’, с. в Бакалинском р-не), *Имәнтау* (от *имән* ‘дуб’, *тау* ‘гора’, г. в Нуримановском р-не), *Сейәлекул* (от *сейә* + *ле* ‘имеющий вишню’, *кул* ‘долина’, долина в Чекамагушевском р-не), *Езәйле тугай* (от *езәй* + *ле* ‘имеющий боярышник’, *тугай* ‘пойменный луг’, местность в Зианчуринском р-не).

К этому же типу можно отнести фитотопонимы, в которых названия растений употреблены в уменьшительно-ласкательной форме: *Ерексә* (от *ерек* ‘ольха’ + аффикс *-са*, рч., пр. прит. Борхондо в Буздякском р-не), *Талса* (от *тал* ‘ива’ + аффикс *-са*, рч., лев. прит. Кундряка в Стерлибашевском р-не), *Тирәкәй* (< *Тирәккәй*, от *тирәк* ‘тополь’ + аффикс *-кәй*, д. в Мишкинском р-не).

Географические названия, образованные по данным моделям, составляют 77 % от всех топонимов с фитонимами.

2. Модель «прилагательное + фитоним». В топонимах данной модели прилагательным определяются внешние признаки: величина, форма, объем, цвет, вид растения. Например, при обозначении топообъекта акцент делается на отличающийся признак (*озон* ‘длинный’, *бейек* ‘высокий’, *ясы* ‘широкий’, *ороло*, *сук* ‘ветвистый’): *Бейегушак* (от *бейек* ‘высокий’, *ушак* ‘осина’, д. в Благоварском р-не), *Сукмуйылтау* (от *сук* ‘ветвистый’, *муйыл* ‘черёмуха’, *тау* ‘гора’, г. в Бурзянском р-не).

Распространены топонимы с цветофитокомпонентом, которые информируют о наличии в данной местности определенного вида растений того или иного цвета (подробнее об этом см. в [Хисамитдинова и др., 2019]): *Каратал* (от *кара* ‘черный’, *тал* ‘ива’, д. в Баймакском р-не), *Аккайын* (от *ак* ‘белая’, *кайын* ‘берёза’, д. в Бирском р-не). Как следует из примеров, в топонимах данного типа прилагательными характеризуются в основном деревья, так как при обозначении местности внимание привлекали объекты большого размера.

Топонимы, образованные по такой модели, составляют около 10 % от всех исследуемых топонимов.

3. Модель «числительное + фитоним». В топонимах, образованных по такой модели, чаще всего фигурируют числа 3, 4, 5, 40, 100, 1000, а также слова с количественным значением *яңғыз* ‘одинокий’, *куш* ‘парный, спаренный’.

Числительные *өс* ‘три’, *дүрт* ‘четыре’ в топонимах либо указывают на конкретное количество объектов, либо употребляются в значении ‘мало’: *Өскайын* (досл. ‘три берёзы’, родник в Красногвардейском р-не Оренбургской области), *Өсимәнде* (от *өс* + *имән-де* ‘имеющий три дуба’, местность в Абзелиловском р-не), *Дүрткарагай* (досл. ‘четыре сосны’, рч., пр. прит. Бетеря в Бурзянском р-не, возв. в Аургазинском р-не). Число *биш* ‘пять’ указывает на несколько предметов, объектов, находящихся вместе, компактно: *Бишнарат* (досл. ‘пять сосен’, д. в Дюртюлинском р-не).

Числа *туғыз* ‘девять’, *кырк* ‘сорок’, *йөз* ‘сто’, *мең* ‘тысяча’ в башкирских топонимах несут семантику ‘неопределенное большое количество, много’: *Кыркнарат* (досл. ‘сорок / много сосен’, деревни в Белебеевском, Миякинском р-нах), *Йөзимән* (досл. ‘сто / много дубов’, д. в Гафурийском р-не).

Слово *яңғыз* ‘одинокий’ в составе топонимов определяет единичность, непарность предмета, слово *куш* ‘парный’ обозначает спаренность предметов: *Яңғызкайын* (досл. ‘одинокая берёза’, с. в Гафурийском р-не), *Кушимән* (досл. ‘сросшиеся дубы’, д. в Краснокамском р-не), *Кушкыуак* (досл. ‘спаренные, слившиеся кусты’, д. в Чишминском р-не) [Муратова, 2012, с. 109].

В топонимах данного типа числительные, как и прилагательные, употребляются в сочетании с названиями деревьев. Это объясняется тем, что счету подвергаются в основном более

крупные объекты, а не мелкие травы или кустарники. Топонимы, образованные по такой модели, составляют около 7 % от всех исследуемых топонимов.

4. Модель «фитоним + существительное». В данной модели фитоним выступает как определение не географического объекта, а как свойство, состав какого-нибудь другого предмета, например: *Курәнбесән* (досл. 'осоковое сено', поляна в Баймакском р-не). В большинстве случаев растение (дерево) характеризует материал строительного объекта: *Имәнкүпер* (досл. 'дубовый мост', с. в Туймазинском р-не), *Имәһйорт* (досл. 'дом / летовка из дуба', хутор в Кугарчинском р-не), *Карагайорт* (досл. 'дом из сосны', д. в Белорецком р-не). Топонимы, образованные по такой модели, составляют примерно 3 % от всех фитотопонимов.

5. Кроме вышеперечисленных, спорадически встречаются следующие модели фитотопонимов: «фитоним + глагол», «фитоним + модальное слово», «существительное + фитоним», «фитоним + антропоним»: *Талғизәр* (от *тал* 'ива' + *ғиз-әр* 'побредёт', г. в Абзелиловском р-не, возможно, в значении 'заросший тальник'), *Арыштар* (от *арыш* 'рожь' + *бар* 'есть', д. в Белорецком р-не).

Также отметим, что некоторые топонимы возникли от этнонимов, антропонимов, образованных от названий растений: *Имән* (от антропонима *Имән*, деревни в Балтачевском и Караидельском р-нах). Топонимы, образованные по данным моделям, в основном единичны и составляют примерно 3 % от всех фитотопонимов.

Таким образом, фитонимы в географических названиях являются активным словообразовательным компонентом, характеризуя и увековечивая в названии особенную флору местности.

Ономазиологический аспект башкирских фитотопонимов

Топонимы с компонентами-фитонимами относятся к топонимам-регистраторам [Суперанская, 1984, с. 41], т. е. такие топонимы констатируют, регистрируют местонахождение определенного растения.

В башкирских фитотопонимах, содержащих в своем составе названия деревьев, кустарников, трав, ягод и т. п., отражаются особенности мира флоры Башкортостана. Факторами, служащими основой именованья башкирских фитотопонимов, являются: 1) выделение базовой категории фитонимов; 2) наибольшая распространенность фитонимов в той или иной местности или свидетельство отличительной черты данной местности; 3) хозяйственное (практическое) значение в жизни человека в традициях собирательства или лесных промыслов. Все три фактора взаимосвязаны.

Как известно, в языке имеется множество базовых категорий, выражающих салиентные свойства объектов. Так, в составе географических терминов и микротопонимов Республики Башкортостан выделяются дендронимы (берёза, дуб, липа, сосна и др.), являющиеся безусловно значимыми в повседневной жизнедеятельности башкирского народа. От них образуются разновидности наименований леса, например, леса, изобилующие дубами, башкиры называют *имәнлек*, соснами – *карагайлык*, липами – *йүкәлек*, берёзами – *кайынлык*, дремучие леса с хвойными породами ели и пихты именуют *шырышылык*, ивовые заросли – *таллык*. Рассмотрение вопроса, почему в башкирских фитотопонимах выделяется применение названий именно тех или иных видов растений, показывает несколько особенностей принципов их номинации.

Во-первых, в названиях географических объектов отразились наиболее распространенные в данной местности фитонимы. Например, оронимы *Имәнтау* в Нуримановском р-не, *Имәндәш* в Гафурийском р-не дают сведения о пологосклонных горах, покрытых дубравой, *Имәнлекул* в Чекмагушевском р-не Республики Башкортостан дословно означает дубовую долину, *Имәнсеңгер* в Иглинском р-не представляет собой дубовый хребет и т. п. Топонимы с компонентом *имән* локализованы в центральной части республики, островки дубрав тянутся в западном и северо-западном направлении, продолжая встречаться в топонимии

Татарстана и Удмуртии. Как видим, подобные фитотопонимы часто выступают важным источником сведений о распространенности тех или иных видов растений, показывают наличие объекта на определенной территории.

В топонимике Южного Урала и Зауралья регистрируются дендронимы сосна, ель, голубая ель, лиственница, сибирская сосна, дуб, клен, вяз, китайский ясень, берёза, осина, ольха, липа, тополь, ива, черёмуха, кустарники. Ботанические сведения подтверждают их значительную распространенность, в Республике Башкортостан занимаемые ими площади таковы: берёза – 1306,7 тыс. га, липа – 1021 тыс., ольха – 776,7 тыс., сосна – 756,3 тыс., ель – 287,4 тыс., дуб – 265,4 тыс. га [Ситдииков, 2003, с. 3–4]; эти деревья являются наиболее используемыми в топонимии, они показывают особенности флоры местности.

Во-вторых, в структуре названий географических объектов выделяется фитолексема, характеризующая местность по какому-либо конкретному признаку: по форме, цвету, количеству [Ягафарова, 2014], например, ойк. *Яңғыз кайын* ‘одинокая берёза’, гидр. *Сук муйыл* ‘обильно плодоносящая черёмуха’ т. п.

В-третьих, фитотопонимы отражают степень значимости дерева или растения в хозяйственной жизни населения края. К примеру, в строительном деле используются сосна, лиственница, дуб; ель применяется в целлюлозно-бумажной, мебельной промышленности и производстве музыкальных инструментов; липа ценится корой и медоносностью, из нее изготавливают посуду; ольха и ива используются в лесных промыслах, ива – хороший медонос. Частотность их применения выражает принцип функциональности в номинации.

Вместе с тем выделяются дендронимы, соотношение распространения которых не соответствует их употреблению в топонимах: *тал* ‘ива’ (3,2 тыс. га) и *ерек* ‘ольха’ (132,5 тыс. га), растущие возле водоемов и широко используемые в хозяйственных целях, определяют многие названия местностей; напротив, клен, несмотря на широкое распространение (169,5 тыс. га), в топонимии представлен мало, так как его обычно сажают в декоративных целях.

То же касается некоторых видов растений, имеющих полезные свойства в быту, например, фитотопонимы с компонентами *селек* ‘чилига, карагана’, *тубылгы* ‘таволга’, *киндер* ‘конопля’, *тал* ‘ива’, *мук* ‘мох’ представляют культурно-бытовую значимость в быту и традиционные хозяйственные занятия населения: *Муклекул* ‘озеро Моховое’, *Муклеһаз* ‘болото Моховое’ и др.

Связь особенностей флоры местности и хозяйственных установок народа отражается в топонимах, образованных от фитонимов, имеющих значение в жизни населения в качестве продуктов питания. В жизнеобеспечении башкир наряду с охотой, скотоводством, рыболовством большую роль играло собирательство – один из традиционных видов хозяйства, развитию которого способствовала богатая флора Южного Урала. Так, весной «многие жители деревни отправлялись по своим точкам за сбором съедобных трав, корнеплодов» [Муллагулов, 2014, с. 3]. Из ягод собирались брусника, земляника лесная, клубника, клюква; из кустарниковых почитались боярышник, вишня, калина, малина, рябина, смородина, черёмуха, черника. В названиях горных вершин, склонов и подножий *Кузғалак тауы* ‘гора Щавелевая’, *Кузғалак һырты* ‘хребет Щавелевый’, *Балтырған түбәһе* ‘вершина Борщевиковая’, *Муйылтүбә* ‘Черёмуховая вершина’, *Муйыллытау* ‘гора Черёмуховая’, *Мышарзыбил* ‘седловина Рябиновая’, *Сәтләүектау* ‘гора Орешниковая’, *Сәтләүек һырты*, ‘хребет Орешниковый’, *Сейәлетүбә* ‘вершина Вишнёвая’, *Сейәлегыр* ‘хребет Вишнёвый’, *Сейәлекүл тауы* ‘горная ложбина Вишнёвая’, *Сейәлетүши* ‘склон Вишнёвый’, *Еләктау* ‘гора Ягодная’, *Алмағас тауы* ‘гора Яблонева’ указываются места их произрастания. В долинах гор *Оҫқондой*, *Оҫқонноуыз* ‘долина с (диким чесноком) луком линейным’, *Оҫқонтау*, *Оҫқонлотау*, *Оҫқонташ* ‘гора (камень) с (диким чесноком) луком линейным’, *Йыуатау*, *Йыуалытау*, *Йыуалытүбә* ‘гора, вершина с диким луком’ были луга с изобилием дикого лука и чеснока; появление таких оронимов связывается с традициями их сбора.

Башкиры из камыша и листьев рогоза плетут хозяйственные сумки, корзины, а также циновки, коврики и маты для молодняка домашнего скота. Корневища тростника не раз служили пищевым суррогатом во время тяжелых и длительных неурожаев из-за содержания в нем крахмала, клетчатки, белка, углеводов, сахара. Их собирали, высушивали, размалывали и добавляли к пшеничной и ржаной муке. Камыш, рогоз и тростник в изобилии растут возле рек и озёр, поэтому многие подобные водоёмы именовались через них: *Камышүзәк*, *Камышүзән*, *Камышлыкаран* 'Камышовая река', *Камышлытамак* 'Камышовое устье', *Камышлыайыры* 'Камышовый водораздел', *Екәннекул* 'Рогозовое озеро' и др.

Конечно, в разных уголках Башкортостана имелись свои местности, богатые тем или иным видом растения, поэтому одно и то же название можно встретить в нескольких районах одновременно, например, *Йыуалы тау* имеется в Кугарчинском, Абзелиловском, Кигинском р-нах; *Сейәлетәу* – в Архангельском, Мечетлинском, Салаватском, Чишминском р-нах. Кроме того, в башкирской микропонимике фиксируются диалектные названия растений, например, *Әмзәкул* 'долина, где произрастает дикий лук' (Салаватский р-н), *Оҫкондо йылғаһы* 'речка, обросшая диким луком ускунским' (Белорецкий р-н); *Йылазы тауы* 'гора Ильмовая' (Абзелиловский р-н Башкортостана), *Әлмәле / Әлмәлек* 'Ильмовая – рч., пр. прит. Чебаклы' (Оренбургская область). На сегодняшний день в силу своих особенностей башкирские микропонимы не зафиксированы в полном объеме. Они требуют специального изучения, начиная от фронтального сбора материала и заканчивая лексико-семантическим анализом.

Таким образом, топонимы, образованные на основе наименований растений, собираемых народом, отражают прикладное значение фитонимов в жизни этноса в качестве продуктов питания и сырья хозяйственного обихода. Примечательно то, что, несмотря на широкое использование растений в народной медицине (о чем немало сказано в этнографической литературе), в топонимах данное свойство не получает отражения.

В заключение отметим, что фитонимы составляют один из первоначальных структурных элементов языковой географической картины мира и отражают постепенный процесс освоения окружающей среды и обоюдное взаимодействие человека и природы. Фитотопонимы относятся ко вторичной номинации, в их образовании на первый план выносятся лингвопрагматический аспект именования. Лексико-семантический анализ фитотопонимов позволяет составить представление о реальной картине флористического богатства Южного Урала и Зауралья. Однако не все виды растительного мира Уральских гор зафиксированы в топонимии. В основном в них находят отражение растения, имеющие хозяйственное и этнокультурное значение в жизни башкир. Вместе с тем фитотопонимы служат значимым ориентиром в пространственном разграничении мира и хозяйственной жизнедеятельности народа. Поэтому их структурное и лексическое изучение в приложении к определенной местности является информативным для истории, культуры, географии и языка этноса.

Список сокращений

Азерб. – азербайджанский язык, возв. – возвышенность, г. – город, гидр. – гидроним, д. – деревня, диал. – диалект, дол. – долина, др. русск. – древнерусский язык, каз. – казахский язык, лев. – левый, р-н – район, оз. – озеро, ойк. – ойконим, орон. – ороним, пр. – правый, прит. – приток, р. – река, р-н – район, рч. – речка, с. – село, узб. – узбекский язык, ур. – урочище, х. – холм.

Список литературы

- Абдукова З. А.** Семантика и структура кумыкских топонимов: Дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2013. 163 с.
- Валиева М. Р.** Булгаризмы в башкирской гидронимии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 1. С. 300–304.
- Гарипова Ф. Г.** Исследования по гидронимии Татарстана: Моногр. / Под ред. М. З. Закиева. М.: Наука, 1991. 294 с.
- Дорн И. В., Курогло С. С.** Современная гагаузская топонимия и антропонимия: Моногр. Кишинев, 1989. 216 с.
- Иванова А. С.** Типология чувашских гидронимов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2005. 23 с.
- Койчубаев Е.** Краткий толковый словарь топонимов Казахстана / Под ред. А. Т. Кайдарова. Алма-Ата: Наука КазССР, 1974. 275 с.
- Конкашпаев Г. К.** Словарь казахских географических названий. Алма-Ата: Наука КазССР, 1963. 185 с.
- Мельхеев М. Н.** Географические названия Приенисейской Сибири: Моногр. / Под ред. Э. М. Мурзаева. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986. 144 с.
- Молчанова О. Т.** Структурные типы тюркских топонимов Горного Алтая: Моногр. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1982. 256 с.
- Муллагулов М. Г.** Архаичные способы хозяйства у башкир: традиции и новации: Моногр. Уфа: Китап, 2014. 176 с.
- Муратова Р. Т.** Символика чисел в языке и культуре башкир: Моногр. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 180 с.
- Семенова А. Б.** Фитонимия карачаево-балкарского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкалы, 2011. 22 с.
- Ситдигов Р. Г.** Деревья и кустарники Южного Урала: Справ. Уфа: Китап, 2003. 64 с.
- Суперанская А. В.** Что такое топонимика?: Моногр. / Под ред. Г. В. Степанова. М.: Наука, 1984. 182 с.
- Умурзаков С. У., Кешикбаев А. А., Махрина Л. И. и др.** Словарь географических названий Киргизской ССР / Под ред. А. О. Осмонова. Фрунзе: Илем, 1988. 213 с.
- Хисамитдинова Ф. Г., Муратова Р. Т., Ягафарова Г. Н., Валиева М. Р.** Цветообозначения в башкирской топонимии // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16, № 1. С. 140–159.
- Шабалин В. М.** Тайны имён Земли Кузнецкой: краткий топонимический словарь Кемеровской области. Кемерово, 1994. 222 с.
- Ягафарова Г. Н.** О факторах, влияющих на процесс номинации в языке // Фундаментальные исследования. 2014. № 12–11. С. 2505–2508.

Список источников

- АСБЯ – Академический словарь башкирского языка: В 10 т. / Под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2011–2018.
- Словарь топонимов Республики Башкортостан. Уфа: Китап, 2002. 256 с.
- Хисамитдинова Ф. Г.** Географические названия Башкортостана: Материалы для историко-этимологического словаря. 2-е изд., испр. и доп. Уфа: Гилем, 2006. 129 с.

References

- Abdukova Z. A.** Semantika i struktura kumyckikh toponimov [Semantics and structure of Kumyk place names]. Cand. Philol. Sci. Dis. Makhachkala, 2013, 163 p. (in Russ.)

- Dorn I. V., Kuroglo S. S.** Sovremennaya gagauzskaya toponimiya i antroponimiya [Modern Gagauz toponymy and anthroponymy]. Monograph. Kishinev, 1989, 216 p. (in Russ.)
- Garipova F. G.** Issledovaniya po gidronimii Tatarstana [Studies on the hydronymy of Tatarstan]. Monograph. Ed. by M. Z. Zakiev. Moscow, Nauka, 1991, 294 p. (in Russ.)
- Ivanova A. S.** Tipologiya chuvashskih gidronimov [Typology of the Chuvash hydronyms]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Dsis. Cheboksary, 2005, 23 p. (in Russ.)
- Khisamitdinova F. G., Muratova R. T., Yagafarova G. N., Valieva M. R.** Tsvetooboznacheniya v bashkirskoy toponimii [Color designations in the Bashkir toponymy]. *Voprosy onomastiki* [Questions of Onomastics], 2019, vol. 16, no. 1, pp. 140–159. (in Russ.)
- Kojchubaev E.** Kratkij tolkovyj slovar' toponimov Kazakhstana [Brief Explanatory Dictionary of Toponyms of Kazakhstan]. Ed. by A. T. Kajdarov. Alma-Ata: Nauka KazSSR, 1974, 275 p. (in Russ.)
- Konkashpaev G. K.** Slovar' kazahskih geograficheskikh nazvanij [Dictionary of Kazakh geographical names]. Alma-Ata, Nauka KazSSR, 1963, 185 p. (in Russ.)
- Melkheev M. N.** Geograficheskie nazvaniya Prienisejskoj Sibiri [Geographical Names of the Yenisei Siberia]. Monograph. Ed. by E. M. Murzaev. Irkutsk, Irkutsk State Uni. Press, 1986, 144 p. (in Russ.)
- Molchanova O. T.** Strukturnye tipy tyurkskikh toponimov Gornogo Altaya [Structural types of Turkic toponyms of the Altai Mountains]. Monograph. Saratov, Saratov State Uni. Press, 1982, 256 p. (in Russ.)
- Mullagulov M. G.** Arkhaichnye sposoby khozyajstva u bashkir: traditsii i novatsii [Archaic farming methods in the Bashkirs: traditions and innovations]. Monograph. Ufa, Kitap, 2014, 176 p. (in Russ.)
- Muratova R. T.** Simvolika chisel v yazyke i kul'ture bashkir [Symbolism of numbers in the language and culture of the Bashkirs]. Monograph. Ufa, IYAL UNC RAN, 2012, 180 p. (in Russ.)
- Semenova A. B.** Fitonimiya karachaevo-balkarskogo yazyka [Phytonymy of the Karachay-Balkarian language]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Dsis. Mahachkaly, 2011, 22 p. (in Russ.)
- Shabalin V. M.** Tajny imyon Zemli Kuzneckoj: kratkij toponimicheskij slovar' Kemerovskoj oblasti [Secrets of the names of the Earth of Kuznetsk: a brief toponymic dictionary of the Kemerovo region]. Kemerovo, 1994, 222 p. (in Russ.)
- Sitdikov R. G.** Derevy'a i kustarniki Yuzhnogo Urala: Sprav [Trees and shrubs of the Southern Urals: Ref.]. Ufa, Kitap, 2003, 64 p. (in Russ.)
- Superanskaya A. V.** Chto takoe toponimika? [What is toponymy?]. Monograph. Ed by G. V. Stepanov. Moscow, Nauka, 1984, 182 p. (in Russ.)
- Umurzakov S. U., Keshikbaev A. A., Makhrina L. I. et al.** Slovar' geograficheskikh nazvanij Kirgizskoj SSR [Dictionary of geographical names of the Kyrgyz SSR]. Ed by A. O. Osmov. Frunze, Ilem, 1988, 213 p. (in Russ.)
- Valieva M. R.** Bulgarizmy v bashkirskoj gidronimii [Bulgarisms in the Bashkir hydronymy]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, culture], 2014, no. 1, pp. 300–304. (in Russ.)
- Yagafarova G. N.** O faktorakh, vliyayushchikh na protsess nominatsii v yazyke [About factors influencing the process of nomination in the language]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental Research], 2014, no. 12–11, pp. 2505–2508. (in Russ.)

List of Sources

Akademicheskij slovar' bashkirskogo yazyka [The academic dictionary of the Bashkir language]: In 4 vols. Ed. by F. G. Khisamitdinova. Ufa, Kitap, 2011–2018. (in Russ., in Bashk.)

Khisamitdinova F. G. Geograficheskie nazvaniya Bashkortostana: Materialy dlya istoriko-etimologicheskogo slovarya [Geographical names of Bashkortostan: Materials for the historical and etymological dictionary]. 2nd ed. Ufa, Gilem, 2006, 129 p. (in Russ.)
Slovar' toponimov Respubliki Bashkortostan [Dictionary of toponyms of the Republic of Bashkortostan]. Ufa, Kitap, 2002, 256 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Фирдаус Гильмитдиновна Хисамитдинова, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан

Мадина Раилевна Валиева, кандидат филологических наук

Гульназ Нурфаизовна Ягафарова, доктор филологических наук

Римма Талгатовна Муратова, кандидат филологических наук

Information about the Authors

Firdaus G. Khisamitdinova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan

Madina R. Valieva, Candidate of Sciences (Philology)

Gulnaz N. Yagafarova, Doctor of Sciences (Philology)

Rimma T. Muratova, Candidate of Sciences (Philology)

Вклад авторов

Фирдаус Гильмитдиновна Хисамитдинова – научное руководство; разработка идеи исследования; концепция исследования; развитие методологии; редактирование текста; итоговые выводы

Мадина Раилевна Валиева – концепция исследования; развитие методологии; написание введения и подтемы «Фитонимы в тюркской топонимии»; редактирование текста; итоговые выводы; оформление статьи; доработка текста

Гульназ Нурфаизовна Ягафарова – концепция исследования; развитие методологии; написание подтемы «Ономасиологический аспект башкирских фитотопонимов»; редактирование текста; итоговые выводы; доработка текста

Римма Талгатовна Муратова – концепция исследования; развитие методологии; написание подтемы «Словообразовательная и лексико-семантическая структура башкирских фитотопонимов»; редактирование текста; итоговые выводы

Contribution of the Authors

Firdaus G. Khisamitdinova – scientific leadership; development of a research idea; research concept; development of methodology; editing text; final conclusions

Madina R. Valieva – research concept; development of methodology; writing introduction and subtopics “Phytonyms in Turkic toponymy”; editing text; final conclusions; design of the article; revision of the text

Gulnaz N. Yagafarova – research concept; development of methodology; writing a subtopic “Onomasiological aspect of Bashkir phytotonyms”; editing text; final conclusions

Rimma T. Muratova – research concept; development of methodology; writing a subtopic “Word-formation and lexical-semantic structure of Bashkir phytotonyms”; editing text; final conclusions

*Статья поступила в редакцию 30.01.2020;
одобрена после рецензирования 18.10.2021; принята к публикации 25.10.2021
The article was submitted 30.01.2020;
approved after reviewing 18.10.2021; accepted for publication 25.10.2021*

Научная статья

УДК 811.512'373.233 + 256 + 2-136
DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-48-56

О мифологизации топонимов в языке и фольклоре алтайцев

Надежда Романовна Ойноткинова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
sibfolklore@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена выявлению особенностей мифологизации алтайских топонимов. Этнолингвистический подход к предмету исследования с применением методик мотивационного и контекстуального анализа позволил выявить особенности мифологизированных топонимов в алтайском языке и фольклоре. У топонимов, содержащих во внутренней форме мифемы, мифологизация происходит на основе лексической мотивированности, которая закрепляется еще и мифологическим текстом. Топонимы, не содержащие во внутренней форме мифемы, имеют лишь мифологический контекст. В мифологизации топонимов немаловажную роль играют известные в мировом фольклоре сюжеты и мотивы о потопе, оледенении на земле и исчезновении некоторых представителей животного мира, конце света, богоявлении, борьбе человека с чудовищем.

Ключевые слова

алтайский язык и фольклор, топонимы, топонимика, этнолингвистика, мифология, мифологическая картина мира алтайцев, мифологизация

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке проекта РФФИ «Мифологическая лексика алтайцев: лексикографическое описание и исследование», № 20-012-00265А

Для цитирования

Ойноткинова Н. Р. О мифологизации топонимов в языке и фольклоре алтайцев // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 2: Филология. С. 48–56. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-48-56

On the Mythologization of Toponyms in the Language and Folklore of the Altaians

Nadezhda R. Oinotkinova

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
sibfolklore@mail.ru

Abstract

The paper is devoted to identifying the features of the mythologization of Altai place names. An ethnolinguistic approach to the subject of research using the methods of motivational and contextual analysis allowed to reveal the features of mythologized toponyms in Altai language and folklore. For toponyms that contain myths in their internal form mythologization occurs on the basis of lexical motivation which is also reinforced by the mythological text. Place names that do not contain myths in their internal form have only a mythological context. In the mythologization of toponyms an important role is played by the plots and motives known in world folklore about the flood, glaciation on

© Ойноткинова Н. Р., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 2: Филология. С. 48–56
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 2: Philology, pp. 48–56

the earth and the disappearance of some species of the animal world, the end of the world, theophany, and the struggle of man with a monster.

Keywords

Altai language and folklore, toponyms, toponymy, ethnolinguistics, mythology, mythological picture of the world of the Altaians, mythologization

Acknowledgements

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research within the project "Mythological vocabulary of the Altai people: lexicographic description and research", no. 20-012-00265A

For citation

Oinotkinova N. R. On the Mythologization of Toponyms in the Language and Folklore of the Altaians. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 2: Philology, pp. 48–56. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-48-56

Введение

Топонимия любого языка является одной из сфер ненаучного, мифологического осмысления действительности, в которой закодирована информация об окружающем человека пространстве. Пространство, как и другие понятия – время, человек и природа, относится к культурным универсалиям, характерным для человеческого мышления вообще. Устное народное творчество и топонимия дают интересный материал для изучения пространственного кода алтайской лингвокультуры. Мы согласны с исследователями, которые считают, что универсальность, глобальное распространение подобных структур сочетается со специфичным для каждой культурной традиции способом их выражения, символического кодирования. При этом сам набор кодов может быть однотипным, оригинальными оказываются способы и средства их организации, элементы. Выявление универсалий и способов их выражения в текстах, принадлежащих к какой-либо культурной традиции, имеет большую информативность [Раевский, 2006, с. 297]. Мифологизированные топонимы алтайского языка еще не были предметом отдельного исследования. Цель данной статьи – выявить особенности мифологизации топонимов в алтайском языке и фольклоре.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили тексты мифологической прозы алтайцев, записанные разными исследователями в XX в. Многие из них опубликованы в сборнике «Алтай кепкуучындар» (АКК, 1994), в томе «Несказочная проза алтайцев» серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (НПА, 2011).

Теоретической базой исследования послужили труды предшественников, изучавших топонимию Горного Алтая, а также научные исследования в области языкознания и тюркологии. Большой вклад в изучение топонимов внесла О. Т. Молчанова, написавшая по данной теме монографии и большое количество научных статей (см.: [Молчанова, 1979; 2009; Molchanova, 2007] и др.). Топонимия юго-восточных районов Республики Алтай в сопоставлении с монгольскими топонимами была изучена Г. Б. Самтаковой [2008]. В энциклопедии названий мест Горного Алтая, составленной О. Т. Молчановой [2018], проанализировано 13 000 словарных статей.

В последнее время проводятся исследования различных аспектов номинации и ментального представления топонимической информации с помощью когнитивных методов (М. В. Голомидова, Е. Л. Березович, В. В. Алпатов; Е. О. Паршина, О. Т. Молчанова и др.). Когнитивная проблематика в топонимике представлена изначально ввиду необходимости учета экстралингвистических факторов для верного толкования названия [Алпатов, 2007, с. 7]. Смысл топонима «сводится к определенному свернутому (компрессированному) тексту, который в разных формах и в разном объеме разворачивается в устной и письменной речи и представляет собой основной корпус как наших экстралингвистических (фоновых) знаний,

ассоциаций, представлений об объекте (улице и т. д.), так и имеющейся лингвистической информации о топониме» [Горбаневский, 1994, с. 24]. При выявлении значения топонима учитывается языковой контекст, в котором используются имя собственное и стоящая за ним структура знания. Изучение структур знаний, стоящих за топонимами, от которых и образуются апеллятивы, позволило исследователям выявить следующие характеристики ядерного концепта *МЕСТО / PLACE*: ‘состояние’, ‘событие’, ‘качество’, ‘географическая особенность’ и ‘место’ [Паршина, 2016, с. 112].

В данной работе применяется метод семантической реконструкции, принятый в этнолингвистике, а также метод контекстуального анализа. Этнолингвистическое направление изучает топонимы как объекты, отражающие этническую картину мира (Н. И. Толстой, С. М. Толстая, Е. Л. Березович). Описание единиц семантической организации мифологической топонимики дает картину особенностей отражения в топонимии мифов. Этнолингвистический аспект исследования предполагает интерпретацию этой объективированной в языке информации с целью выявления установок субъекта номинации, языковой личности, определяющих его мировосприятие. Этнолингвистическое направление изучения топонимов башкирского языка представлено в статьях Г. Х. Бухаровой [2015; 2017].

При выявлении семантики топонима предпринимается определение не только его внутренней формы и лексического значения, но и контекста, объясняющего его культурный смысл. Семантическая реконструкция топонимов позволяет рассмотреть комплекс факторов (собственно языковых, ментальных, культурно-прагматических), способствовавших формированию и развитию значения или смысла слова. В анализе топонимов, семантика которых раскрывается в мифе-тексте, важным компонентом выступает культурно-прагматическая зона значения – коннотации и ассоциативный фон топонима [Березович, 2007, с. 55]. Мотивационный уровень поля предполагает «группировку слов на основе общности их мотивационной модели (мотивационного признака)» [Толстая, 2002, с. 116; Березович, 2007, с. 23].

Под мифологизацией топонимов понимается процесс создания мифа на базе лексической мотивированности топонима, а также присвоение топониму мифологического контекста. Под термином «мифотопоним» понимается не топоним, содержащий в своей внутренней форме миф (мифологему) и имеющий мифологическую мотивированность на этой основе, но и топонимы, не имеющие лексической мотивированности, а просто связанные с мифологическим контекстом. Исходя из анализа нашего материала, нами выделены два типа топонимов: 1) топонимы, содержащие во внутренней форме мифемы; 2) топонимы, во внутренней форме не содержащие мифем.

Локусом мифологизации могут являться ойконимы (села), оронимы (горы, холмы, урочища), гидронимы (реки, озера). На основе сопоставления алтайских топонимических номинаций с их культурно-прагматическими контекстами значений мы выделили семантические модели мифологизации топонимов: «локус – его оценка», «локус – мифологическое событие». Итак, рассмотрим семантические модели мифологизации топонимов в алтайской лингвокультуре.

1. Модель «локус – его оценка»

В мифологической топонимии мотивационная модель «локус – его оценка (место обитания нечистой силы)» – одна из самых типичных (ср. русские топонимы – *Лешачиха*, *Букин Угол*, *Бесова Гора* и т. д. [Березович, 2007, с. 209]). Характеристика мифотопонимов в этой модели дает ответ на вопрос, как алтайцы используют категорию «сверхъестественного» в концептуализации пространства. Внутренние формы некоторых номинаций содержат мифонимы и представления о том, что тот или иной локус связан с мифическими существами: *Алмысту* – букв. ‘имеющий злого духа, алмыса’ [Молчанова, 1979, с. 129], *Тургакту* – букв. ‘место, имеющее скопление злых духов’, *Көрмөс-Ойын* – букв. ‘дьявольская игра, бесовский’ [Там же, с. 235], *Четкер* – ручей, урочище, букв. ‘злой дух’ [Там же, с. 339]. Местами обита-

ния этих мифических существ, как правило, являются овраги, утесы, скалы, урочища: *Желбеен-Кайа* – букв. ‘Дьелбегена-Скала’, *Алмыс-Жар* – букв. ‘Алмысов-Овраг’, *Алмыс-Ичеени* – букв. ‘Алмысов-Берлога’, *Алмысту-Боом* – букв. ‘узкое, труднопроходимое место между горой и рекой, имеющее подземного злого духа / духов, или алмысов’, *Көрмөс-Жар* – букв. ‘Көрмөсов-Овраг’, *Алмысту-Кобы* – букв. ‘Алмысов-Урочище’ (УУС, 2010, с. 246), *Көрмөстү-Кара-Суу* – букв. ‘С Көрмөсами-Родник’. В основе этих номинаций, образующих синонимический ряд, лежит мотивирующий признак «место, где обитают злые духи».

Название местности *Зайсанская Елань* (*Жайзаңнын Жыланы* – букв. ‘Змея Управляющего’), расположенной у подножия горы Себи в Горном Алтае, содержит мифоним *Жылан* ‘Змей’. Семантику топонима раскрывает миф о том, что эта местность была названа так потому, что когда-то давно один богатый человек попросил шамана вызвать из подземного мира духа Змея, чтобы расправиться со своим соперником. Но шаман, после того как исполнил просьбу, не смог отправить эту сущность обратно (ПМА 1)¹.

Демоническим статусом наделялись глухие и дикие, отдаленные места, считающиеся нечистыми, опасными для путников: урочище, гора, дорога. Концепты мифотопонимов *Алмысту*, *Тургакту*, *Көрмөс-Ойын*, *Четкер*, *Желбеен-Кайа*, *Алмыс-Жар*, *Алмысту-Боом*, *Алмыс-Ичеени*, *Көрмөс-Жар*, *Алмысту-Кобы*, *Көрмөстү-Кара-Суу* содержат негативную ценностную составляющую: «местность, внушающая ужас», «пугающая людей» и «вредоносная», актуализированную во внутренней форме номинации концепта. Некоторые топонимы, образованные на основе мифонима *Желбеген* – мифического существа-людоеда: *Желбеген* – верховье реки Большая Кузя, вблизи с. Кебезень, Турочакский район; *Желбеген-Кайа* – букв. ‘скала Дьелбегена, или скала-людоеда’; *Желбеген-Таш* – букв. ‘камень Дьелбегена’, гора, урочище у Телецкого озера; *Желбеген-Суу-Алгызы* – букв. ‘место, где Дьелбеген черпал воду’ (местность у Телецкого озера) [Молчанова, 2018, с. 352].

Название местности *Буркан* произошло от заимствованного из буддизма теонима «Будда». В рассказе отмечается, что в этой местности есть каменная фигура, которой раньше люди поклонялись:

Буркан деп 1700 кире жылдан бери адалган. Бурканнын ары жанында кайа бар. Кол ошкош. Кыс, үй кижги анаар барбас. Анда орынду, жастыкту-төжөктү немедий таштар бар. Содон кижги ошкош ташка улус мүргүгилеп жат (УУС, 2010, с. 263). – ‘Где-то с 1700 года это место называется Буркан. За Бурканом есть скала, похожая на [человеческую] руку. Девушки, женщины туда не ходят. Там есть камни, похожие на кровать с подушками, постелью. Камню, похожему на стоящего человека, раньше люди поклонялись’.

Часто в той или иной этнокультурной традиции топонимам присваиваются какие-либо экстралингвистические (фоновые) знания, ассоциации, представления, которые существуют как самостоятельные фольклорные тексты в устной или письменной форме. К названиям местностей, существующим в действительности, приписывается какое-либо фольклорный миф-событие, якобы происходившее там. Как правило, это сюжеты, повествующие о каких-либо мифических событиях с вымышленными персонажами. В образовании топонимов участвует также и теонимы. Так, во внутренней форме топонима *Кудай Берген Орой*, названия лога – букв. ‘Богом данная вершина’, присутствует теоним *Кудай* ‘Бог, божество’ [Молчанова, 1979, с. 237]. Святость указанного божественного места объясняется обилием растительности в нем. Другой топоним *Айбаткан* образован на основе мифа о том, как Месяц спустился на землю, чтобы схватить чудовище Дьелбегена. Во внутренней форме мифотопонима *Айбаткан* содержатся два слова: *ай* ‘луна’ и *баткан* ‘уместился’, букв. «месяц уместился». Эта местность находится неподалеку от села Ябоган в Усть-Канском районе. Чтобы схватить Дьелбегена, поедавшего всех живых существ, Месяц спустился с неба:

Жабаганда озодо андый жер бар дийт. Бу не? Ай тенгериден түшкен, оны тудар. Желбегенди кел тудала, Ай батпай турган не. Ол кырыла келеле, Желбегенди ол кырыла Айбатканда туткан. Эм онын учун оны Айбаткан деп турган дийт не. – А Желбеген эмди Айда отур жат па? – А эм бу Айда татрай калган отуры бу. Талдан – кап! – туткан дийт. Талы-суула кодоро тартып апарган дийт. Ондо кичинеек кара

¹ Зап. Н. Р. Ойноткиновой в 2019 г. в г. Горно-Алтайске от О. Кыпчаковой, 1980 г. р., из рода кыпчак.

неме көрүн турганы Желбегенниң көнөги дийт. – ‘В Ябогане прежде такое место было, говорят. Что делать? Месяц с неба спустился его [Дьелбегена] схватить. Дьелбегена схватив, Месяц [на земле] не мог поместиться. Подойдя одним боком, он Дьелбегена сбоку в Айбаткане схватил. Поэтому теперь это [место] Айбаткан и назвали, говорят. – А Дьелбеген до сих пор на месяце сидит? – А теперь вот он там потрепанный сидит. За иву – цап! – схватился, говорят. Вместе с ивой выдернув, его [месяц] унес, говорят. То, что маленькое черное виднеется, – это ведро Дьелбегена, говорят’ (НПА, 2011, с. 110, 111).

Миф о Месяце, якобы спускавшемся на землю, возможно, является мифологизацией события, реально случившегося в истории человечества, – ледникового периода, наступившего после потопы. Изменение природы Сибири, ее ландшафта, растительного и животного мира, исчезновение мамонтов и носорогов в истории связывают с эпохой оледенения. Миф о чудовище-людоеде, возможно, является исторической памятью об исчезновении некоторых крупных животных, обитавших до ледникового периода.

Таким образом, в мотивационной модели «локус – его качество» в топонимике алтайцев реализуются демонический и теонимический коды языка, которые указывают на негативную и позитивную характеристики топонимов. Топонимам присваивается негативная характеристика за счет внутренней формы имен, обозначающих злых духов. Позитивная оценка названию местности присваивается за счет теонимов, обозначающих светлых божеств. С названиями этих мест связаны сюжеты и мотивы, известные в алтайском фольклоре, в частности о потопе, богоявлении.

2. Модель «локус – мифическое событие»

Экстралингвистические (фоновые) знания, ассоциации, представления о топониме позволяют понять, какая существует связь между мифом и топонимом. Известные в мировом фольклоре мифологические сюжеты и мотивы о потопе, оледенении на земле и исчезновении некоторых представителей животного мира, конце света, богоявлении, борьбе человека с чудовищем стали контекстами, интерпретирующими значения реальных топонимов. Так, согласно мифу, чудовище Дьелбеген жило вблизи озера Алтын-Кёл, в местности *Айры-Таш* (букв. ‘треснувший, раздвоенный, камень’):

Алтын-Көлдүн алтыгы учунда, Артубаш өрөкөнүн алты жанында Айры-таш деп жер бар. Бу Айры-таш деп жерде айл-журтту Елбеген журтаган – Елбеген эмеендү болгон, же бала жок – эки саан уйлу, агаиш кереге айду, андан жүрер бир атту. Елбегенниң айл-журты Оён суунунг он жарадында да болзо, Елбеген Оён суунанг су ичпес, оонг суу албас болгон. Алтын-Көлдүн де суунг ичпес, албас. – ‘В устье Алтын-Кёля, чуть ниже [горы-]старца Артубаша, гора Айры-Таш есть. В местности Айры-Таш был *айл-дурт* (жилище) Елбегена – у Елбегена жена была, а детей не было – с двумя дойными коровами, деревянной войлочной юртой, с одним конем, чтобы ездить на охоту. Хотя *айл-дурт* Елбегена на правом берегу реки Ёён был, Елбеген из реки Ёён воду не пил, из нее воду не брал. И из Алтын-Кёля воду не пил, не брал’ (НПА, 2011, с. 110, 111).

Необычное происшествие часто считается чудом в народной традиции. Так, в топонимическом предании о местности *Сары-Арт* (букв. ‘Жёлтая гора’) рассказывается о сошествии Бога (Кудая) с неба на землю, который оставляет следы своего коня, по ним люди могут определить время наступления последнего века. Некоторым топонимам в контексте мифа приписываются известные мифологемы, связанные с мировым фольклором:

Чуй бажынын ары жанында Сары-Арт деген жер бар. Нонон Пыратты, Улан Пыратты деген суунунг ортозында. Бу жерге кудай бойы тенгериден атту түйшкен. «Аттын туйгагынын ордын көрүн жүригер!» – деди. – Мениң адымнын изи жакшы бар болзо, калганчы чак ыраак болор, мениң адымнын изи жылыйа берзе, калганчы чак болды деп сананыгар!» – ‘За верховьями Чуи есть местность под названием Сары-Арт. Между реками Нонон Пыратты, Улан Пыратты. На это место сам Кудай с неба на коне спустился. «Смотрите за следами копыт моего коня! – сказал он. – Если следы моего коня будет хорошо видно, то последний век не скоро наступит, если следы моего коня исчезнут, то считайте, что наступил последний век»’ (пер. наш. – Н. О.) (АКК, 1994, с. 366).

Локусом Бога в данном контексте является возвышенность или гора. Мотив чудесного прослеживается в сюжетах с топонимами, которые в фольклоре имеют отношение к Богу.

В таких текстах больше места отводится подробному описанию какого-то события, случившегося в указанной местности. Топониму приписывается миф о том, что якобы туда когда-то спустился Бог. Этот миф связан с религиозной темой богоявления и с эсхатологическим мотивом конца света.

С названиями некоторых гор связывают события, якобы происходившие во время потопа. В таких повествованиях отмечается, что на вершинах гор, где во время потопа спасались люди, до сих пор обнаруживаются останки плота. «Останки плота-ковчеге есть в вершинах Кадрина, на горе Т³ал-Мёнкю, так пожилые люди говорили» (НПА, 2011, с. 430, 431). На горе *Жал-Мёнкю* (букв. 'гривистый ледник на вершине горы' [Молчанова, 1979, с. 176]), согласно мифу, во время потопа спасались люди, и там и лежат останки плота:

Себинин кырын, тайгазын Жал-Мёнкю деп адаган. Чайык чыгарда, албаты сал эткен. Суу жабызаарда, чайыктаг аргаданган улус анда жаткан. Себи – суунын адыла (АКК, 1994, с. 367). – 'Вершину горы Себи назвали Дьал-Мёнкю. Когда потоп начался, люди плот сделали. Когда вода понизилась, люди, спасшиеся от потопа, стали там жить. Себи [названа] по названию реки' (пер. наш. – Н. О.).

Жители Улаганского района с потопом связывают *Жети-Кёл* (букв. 'Семь озер'), с местностью, находящейся высоко в горах. По их рассказам, на вершине этой горы спасался Ной со своими детьми:

Жазулуда Жети-Кёл деп јерди байлап јат. Озодо чайык болгон. Ной деп кижии Жети-Кёл деп јердин бажына чыккан. Анда јадып, онон суу соолордо, анан түйи барган деп айдыжатан. Ной јети уулы ла кожо чыккан. Мал-аш ол Нойдон таркап барган дийт. Анан сөбктөр ол јети уулдын балдарынан таркап барган. Карган улус анай айдыжатан. Мен оны керектеп укпай да тургам, энем ле куучындап отуратан. – 'В Язулу Дьети-Кёль очень почитают. Раньше потом был. Человек по имени Ной поднялся на вершину Дьети-Кёль. Там жил, когда вода испарилась, оттуда спустился, так поговаривали. Ной поднялся вместе с семьёю сыновьями. Скот-животные от этого Ноя пошли, говорят. Потом от детей его семи сыновей роды пошли. Старые люди так поговаривали. Я не слушал внимательно, моя мама [всегда] рассказывала' (ПМА 2) ².

В приведенном тексте сохранено имя главного персонажа библейской легенды. В легенде также прослеживается миф о происхождении некоторых алтайских родов от Ноя:

Чайык болтонын билген на. Сал эткен дийт. Бастыра тынар тындудан экиден јууган, куштан-эштеп, тынду немедеп, бир иркек, бир тижии, јууыла, салга салала брган. Жети-Кёлгө једеле, ондо бажында карантык јерге аргаданган на. Жети-Кёл база ла Јазулуда. Ойно анан байа чайык токтоордо, кандый куш ийеерен эди? Јер бар ба деп бар көрзин деп. Ол куш јалбырак тиштенеде келген. – '[Ной] знал, что будет потоп. Плот сделал, говорят. Из всех животных по паре собрал, из птиц и прочих животных по одной самке и одному самцу, посадив на плот, поплыл. Забравшись на Дьети-Кёль, на их вершинах, на суше спасались ведь. Местность под названием Дьети-Кёль тоже в верховье Язулу. Когда потоп прекратился, какую же птицу выпустили? Чтобы полетела, посмотрела, есть ли земля, мол. Та птица с листиком в клюве прилетела' (НПА, 2011, с. 130, 131).

В рассмотренных текстах выделяется признак «место, где происходило важное событие». Мифы, отражающие религиозные представления народа, придают названиям местностей культурно-сакральное значение.

Выводы

Итак, в основе алтайских топонимических номинаций, подвергшихся мифологизации, лежат два типа топонимов: топонимы, содержащие во внутренней форме мифемы, и топонимы, не содержащие во внутренней форме мифемы, но имеющие мифологический контекст. У топонимов, содержащих во внутренней форме мифемы, мифологизация происходит на основе лексической мотивированности, которая закрепляется еще и мифологическим текстом. Внутренняя форма этих топонимов содержит в себе названия мифических существ и теонимы. Данная группа топонимов сформирована по семантической модели: «локус – его оцен-

² Зап. Н. Р. Ойроткиновой в 2009 г. в с. Саратан Улаганского района от Т. С. Тазранова, 1932 г. р., из рода тёлёс.

ка». Топонимы, не содержащие во внутренней форме мифем, имеют лишь мифологический контекст. В данном случае топоним и миф – две самостоятельные единицы, которые могут существовать независимо друг от друга. В мифологизации алтайских топонимов немаловажную роль играют известные в мировом фольклоре сюжеты и мотивы о потопе, оледенении на земле и исчезновении некоторых представителей животного мира, конце света, богоявлении, борьбе человека с чудовищем. В результате актуализации топонима в фольклорном дискурсе известные в мифологии сюжеты обрастают художественными деталями, придающими этим сюжетам и мотивам локальную этническую специфику. Кодирование этих универсальных для человеческой культуры мифологем в топонимике Горного Алтая сакрализует окружающее пространство и актуализирует культурные ценности общества. Всё сказанное позволяет заключить, что категория пространства в мифологии алтайцев, отражающая специфику их национальной картины мира, основывается на универсальных семантических моделях человеческого языка и мышления.

Список литературы

- Алпатов В. В.** Концептуальные основы формирования английских христианских топонимов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2007. 21 с.
- Березович Е. Л.** Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. 600 с. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования)
- Бухарова Г. Х.** Антропоморфный и соматический коды культуры в моделировании ландшафта и их отражение в башкирской топонимии // Вестник Башкир. ун-та. 2015. Т. 20, № 4. С. 1289–1294.
- Бухарова Г. Х.** Отражение мифопоэтической картины мира в башкирской топонимии // Проблемы востоковедения. 2017. № 4 (78). С. 74–79.
- Горбаневский М. В.** Русская городская топонимия: проблемы историко-культурного изучения и современного лексикографического описания: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1994. 39 с.
- Молчанова О. Т.** Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва, 1979. 398 с.
- Молчанова О. Т.** Topography Cognition and Place-Names (With Reference to Attention Distribution, Object Location, and Shape Category) // Горизонты современной лингвистики. Традиции и новаторство. Сб. в честь Е. С. Кубряковой. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 614–627.
- Молчанова О. Т.** Энциклопедия названий мест Горного Алтая: В 2 т. 2-е изд., расш. и перераб. Щецин: Daniel Krzanowski, 2018.
- Паршина Е. О.** Когнитивные основы формирования значения апеллятивов-топонимов // Профессиональная коммуникация: актуальные проблемы преподавания и исследования: Коллективная монография. Тамбов: Изд-во «Бизнес – Наука – Общество», 2016. С. 101–110.
- Раевский Д. С.** Модель мира скифской культуры // Мир скифской культуры / Предисл. В. Я. Петрухина, М. Н. Погребовой. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 265–546.
- Самтакова К. Б.** Топонимия юго-восточных районов Республики Алтай в сопоставлении с монгольскими топонимами: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2008. 24 с.
- Толстая С. М.** Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1 (3). С. 112–127.
- Molchanova O. T.** From Words to Altai Place-Names (Topography Cognition and Semantics). Szczecin, Uni. szczec, 2007.

Список источников

- АКК – Алтай кеп-куучындар / Сост. И. Б. Шинжин, Е. Е. Ямаева. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1994. 415 с. (на алт. яз.)
- НПА – Несказочная проза алтайцев / Сост. Н. Р. Ойроткина, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011. 576 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 30)

References

- Alpatov V. V.** Kontseptual'nyye osnovy formirovaniya angliyskikh khristianskikh toponimov [Conceptual foundations of the formation of English Christian place names]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Tambov, 2007, 21 p. (in Russ.)
- Berezovich E. L.** Yazyk i traditsionnaya kul'tura. Etnolingvisticheskiye issledovaniya [Language and traditional culture. Ethnolinguistic research]. Moscow, Indrik, 2007, 600 p. (in Russ.) (Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura slavyan. Sovremennyye issledovaniya [Traditional spiritual culture of the Slavs. Modern research])
- Bukharova G. Kh.** Antropomorfnyy i somaticheskiy kody kul'tury v modelirovanii landshafta i ikh otrazheniye v bashkirskoy toponimii [Anthropomorphic and somatic codes of culture in landscape modeling and their reflection in Bashkir toponymy]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2015, no. 4, pp. 1289–1294. (in Russ.)
- Bukharova G. Kh.** Otrazheniye mifopoeticheskoy kartiny mira v bashkirskoy toponimii [Reflection of the mythopoetic picture of the world in the Bashkir toponymy]. *Problemy vostokovedeniya*, 2017, no. 4 (78), pp. 74–79. (in Russ.)
- Gorbanevsky M. V.** Russkaya gorodskaya toponimiya: problemy istoriko-kul'turnogo izucheniya i sovremennogo leksikograficheskogo opisaniya [Russian urban toponymy: problems of historical-cultural study and modern lexicographic description]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 1994, 39 p. (in Russ.)
- Molchanova O. T.** Toponimicheskii slovar' Gornogo Altaya [Toponymic Dictionary of the Altai Mountains]. Gorno-Altaysk: Gorno-Alt. Publ., 1979. 398 p. (in Russ.)
- Molchanova O. T.** From Words to Altai Place-Names (Topography Cognition and Semantics). Szczecin, Uni. szczec., 2007.
- Molchanova O. T.** Topography Cognition and Place-Names (With Reference to Attention Distribution, Object Location, and Shape Category). In: *Gorizonty sovremennoy lingvistiki. Traditsii i novatorstvo* [Horizons of Modern Linguistics. Tradition and innovation]. Collection in honor of E. S. Kubryakova. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2009, pp. 614–627. (in Russ.)
- Molchanova O. T.** Entsiklopediya nazvaniy mest Gornogo Altaya [Encyclopedia of the names of the places of the Altai Mountains]. In 2 vols. 2nd ed. Szczecin, Daniel Krzanowski, 2018. (in Russ.)
- Parshina E. O.** Kognitivnyye osnovy formirovaniya znacheniya apellyativov-toponimov [Cognitive basis for the formation of the value of appellative toponyms]. In: *Professional'naya kommunikatsiya: aktual'nyye problemy prepodavaniya i issledovaniya* [Professional Communication: Actual Problems of Teaching and Research]. Collective Monograph. Tambov, "Bizness – Nauka – Obschestvo" Publ., 2016, pp. 101–110. (in Russ.)
- Raevsky D. S.** Model' mira skifskoy kul'tury [World model of Scythian culture]. In: *Mir skifskoy kul'tury* [World of Scythian culture]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006, pp. 265–546. (in Russ.)
- Samtakova K. B.** Toponimiya yugo-vostochnykh raionov Respubliki Altai v sopostavlenii s mongol'skim toponimami [Toponymy of the south-eastern regions of the Altai Republic in comparison with Mongolian toponyms]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Novosibirsk, 2008, 24 p. (in Russ.)

Tolstaya S. M. Motivatsionnyye semanticheskiye modeli i kartina mira [Motivational semantic models and the picture of the world]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian language in scientific coverage], 2002, no. 1 (3), pp. 112–127. (in Russ.)

List of Sources

- Altay kep-kuuchyndar [Altai stories]. Comp. by I. B. Shinzhin, E. E. Yamaeva. Gorno-Altaysk, Ak Chechek, 1994, 415 p. (in Altay)
- Neskazochnaya proza altaytsev [Non-folktale prose of the Altaians]. Comp. by N. R. Oynotkinova, I. B. Shinzhin, K. V. Yadanova, E. E. Yamayeva. Novosibirsk, Nauka, 2011, 576 p. (in Altay and Russ.) (Pam'atniki folklora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]; Vol. 30)

Информация об авторе

Надежда Романовна Ойноткинова, доктор филологических наук

Information about the Author

Nadezhda R. Oinotkinova, Doctor of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 13.04.2021;
одобрена после рецензирования 25.11.2021; принята к публикации 29.11.2021
The article was submitted 13.04.2021;
approved after reviewing 25.11.2021; accepted for publication 29.11.2021*

Научная статья

УДК 811.512.157

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-57-66

Репрезентация концептов *СТАРШИЙ БРАТ / МЛАДШАЯ СЕСТРА* в якутском героическом эпосе

Лилия Николаевна Герасимова

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова
Якутск, Россия

gelinica@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9594-7824>

Аннотация

Рассмотрены концепты *СТАРШИЙ БРАТ / МЛАДШАЯ СЕСТРА (УБАЙ / БАЛЫС)* с целью выявить особенности репрезентации данных концептов в якутском героическом эпосе олонхо для установления смыслового наполнения данных концептов и определения их культурно-национальной специфики. В рамках концептуального анализа использованы метод сплошной выборки для сбора примеров из эпических текстов; компонентный анализ для характеристики понятийного составляющего слова; метод контекстуального анализа, предоставляющий возможность выявить различные значения и оттенки значений исследуемых концептов в контексте эпических текстов. Результат анализа показывает, что концепты *СТАРШИЙ БРАТ / МЛАДШАЯ СЕСТРА* представлены в текстах олонхо различными лексемами и словосочетаниями, которые имеют глубокие коннотативные смыслы и отражают традиционные семейные отношения между старшими братьями и младшими сестрами у якутского народа.

Ключевые слова

концепт, семья, брат, сестра, эпос, культура, семейные отношения

Благодарности

Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта СВФУ «Эпический памятник нематериальной культуры якутов: текстологический, типологический, когнитивный и историко-сравнительные аспекты»

Для цитирования

Герасимова Л. Н. Репрезентация концептов *СТАРШИЙ БРАТ / МЛАДШАЯ СЕСТРА* в якутском героическом эпосе // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 2: Филология. С. 57–66. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-57-66

Representation of Concepts *BIG BROTHER / LITTLE SISTER* in the Yakut Heroic Epic

Liliya N. Gerasimova

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University
Yakutsk, Russian Federation

gelinica@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9594-7824>

Abstract

Purpose. The article discusses the concepts of *BIG BROTHER / LITTLE SISTER (UBAY / BALYS)* in order to identify the features of representation of these concepts in the Yakut heroic epic olonkho and to establish the semantic content of these concepts, to determine their cultural and national specifics. Because, firstly, in a traditional family, as a unit

© Герасимова Л. Н., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 2: Филология. С. 57–66
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 2: Philology, pp. 57–66

of society, the relations of children are of great importance, as blood relatives they are the successors of the clan. Secondly, despite the global technocratic development, interest in and appeal to traditional values is growing in society, because family ties and family relations form self-organization and self-regulation of a person in society. Thirdly, due to the lack of study of these concepts in the Yakut epic texts.

Results. Within the framework of the conceptual analysis, the method of continuous sampling was used to collect examples from epic texts; component analysis to characterize the conceptual constituent of the word; a method of contextual analysis which provides an opportunity to identify different meanings and shades of meanings of the studied concepts in the context of epic texts. In the examples considered, the lexemes *ubay* and *balys* and their various detonates represent their dictionary definitions, that is they designate an elder man relative and a younger woman relative.

Conclusion. The result of the performed analysis shows that the concepts of *BIG BROTHER / LITTLE SISTER* are represented in the *olonkho* texts by various lexemes and phrases that have deep connotative meanings and reflect traditional family relationships between elder brothers and younger sisters among the Yakut people.

Keywords

concept, family, brother, sister, epic, culture, family relationship

Acknowledgements

The study was carried out as part of the NEFU research project “Epic monument of the Yakut intangible culture: textological, typological, cognitive and historical-comparative aspects”

For citation

Gerasimova L. N. Representation of Concepts *BIG BROTHER / LITTLE SISTER* in the Yakut Heroic Epic. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 2: Philology, pp. 57–66. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-57-66

Введение

В настоящее время в лингвистике широко исследуется связь языка с сознанием человека, а именно изучаются концепты, которые служат проводниками для выявления специфики мышления носителей языка и установления их национального культурного своеобразия.

До настоящего времени нет единого, общепринятого понимания и определения понятия «концепт». Ученые, изучающие данное понятие с разных подходов, определяют его по-разному. Рассмотрев мнения многих исследователей, Т. В. Суханова делает вывод, который соответствует нашему исследованию, о том, что «под концептом понимается дискретная комплексная единица человеческого мышления, которая содержит определенную совокупность знаний о том или ином явлении объективной или субъективной реальности, представленная в виде чувственных данных опыта, информационных данных, а также в виде мнений и представлений» [Суханова, 2008, с. 108].

В основе национальной концептосферы – совокупности концептов – расположены базовые концепты, именуемые иногда гиперконцептами, как, например, *СЕМЬЯ* и *РОДСТВО*. Нами в качестве объекта исследования выбраны концепты *СТАРШИЙ БРАТ / МЛАДШАЯ СЕСТРА* (на якутском языке *УБАЙ / БАЛЫС*), рассматриваемые как составляющие компоненты вышеназванных гиперконцептов, поскольку, во-первых, в традиционной семье – ячейке общества – отношения детей имеют весомую значимость: как кровные родственники они являются продолжателями рода. Во-вторых, несмотря на глобальное технократическое развитие, в обществе возрастает интерес и обращение к традиционным ценностям, так как самоорганизацию и саморегуляцию человека в обществе формируют родственные связи и семейные отношения. В-третьих, по причине неизученности данных концептов в якутских эпических текстах.

Высказывание К. Д. Уткина: «Культура семьи, культура взаимодействия ее с однотипной структурой, с обществом, с государством немислима без родникового источника духовного богатства. Душой национальной духовности в первую очередь выступает родной язык» [Уткин, 1998, с. 203], – следует дополнить словами В. А. Масловой о том, что «язык одновременно является и орудием создания, развития, хранения (в виде текстов) культуры, и ее частью, потому что с помощью языка создаются реальные, объективно существующие произведения материальной и духовной культуры» [Маслова, 2005, с. 28]. Таким произведе-

нием словесного творчества у якутов является героический эпос олонхо – кладезь духовных ценностей и жизненного опыта народа.

Ранее на материале якутского олонхо были исследованы концепты *РОДИНА* Г. Е. Саввиновой [Savvinova, 2018], *ЭПИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ* Ю. П. Борисовым [Borisov, 2018], *ЛОКАТИВНОСТЬ* и *ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ*, репрезентированные ритмико-синтаксическими параллелизмами, Ю. П. Борисовым и С. М. Прокопьевой [2016; 2018], *СУДЬБА* Ф. Н. Дьячковским [2012], фреймовый анализ эпических формул рассмотрен М. Б. Сидоровой [2014], концепты *МУЖЕСТВЕННОСТЬ* и *ЖЕНСТВЕННОСТЬ* в рамках якутской, русской, французской культурных традиций изучены И. С. Хохоловой [2010].

Цель данной работы – выявление особенностей репрезентации концептов *СТАРШИЙ БРАТ / МЛАДШАЯ СЕСТРА (УБАЙ / БАЛЫС)* в якутском героическом эпосе олонхо для установления смыслового наполнения данных концептов и определения их культурно-национальной специфики, что дополнит наши представления о языковой картине мира якутов.

Фактическим материалом для исследования послужили тексты ранних записей олонхо, произведенных в XIX – начале XX в.: «Богатырь Тойон Нюргун» Н. Ф. Попова (Попов, 2015), «Нюргун Боотур Стремительный» К. Г. Оросина (НБС, 1947), «Хаан Джаргыстай», записанный И. А. Худяковым (ХД, 2016), «Ала Булкун Богатырь» Т. В. Захарова – Чээбий (Захаров, 2018).

В работе в рамках концептуального анализа использованы метод сплошной выборки для сбора примеров из эпических текстов; компонентный анализ для характеристики понятийного составляющего слова; метод контекстуального анализа, предоставляющий возможность выявить различные значения и оттенки значений исследуемых концептов в контексте эпических текстов.

Семантическая структура концептов *СТАРШИЙ БРАТ / МЛАДШАЯ СЕСТРА (УБАЙ / БАЛЫС)*

В «Этимологическом словаре тюркских языков» есть основа *аба / aba*, которая соотносится с якутской лексемой *убай* и имеет следующие значения: 1. Отец; батюшка (обращение к отцу); папа; 2. Дядя; обращение к старшим мужчинам: родственники (из старших); старший брат; старший из старших братьев; обращение к старшему мужчине; брат! (обращение к собеседнику); товарищи, брат; 3. Дед (по отцу); предок / предки (прародитель); обращение к старикам; 4. табуист. Медведь (ЭСТЯ, 1974, с. 54), а также есть основа *ана / аба* со значениями ‘мать’, ‘старшая сестра’, ‘тетка’ (ЭСТЯ, 1974, с. 55). В «Древнетюркском словаре» у словоформы *aba* отмечены следующие дефиниции: 1) мать; 2) отец; 3) медведь; 4) прародитель; предки (ДТС, 1969, с. 1). В «Этимологическом словаре тюркских языков» замечено, что семантическая основа данных терминов родства «образует значение старшего по возрасту в системе кровнородственных отношений» и сложилась «на ранних ступенях родоплеменных отношений тюрков до формирования семейно-родственных отношений, для которых центральными являются понятия “отца” – “матери” и их потомства» (ЭСТЯ, 1974, с. 55–56).

К лексеме *балыс* якутского языка в «Этимологическом словаре тюркских языков» найдены три основы, близкие по значениям. Первая основа *ба:лдыз / ba:ldiz* – 1. Свояченица, младшая свояченица, младшая сестра жены; 2. Золовка; 3. Младшая родная сестра или младшая родственница жены; младшая сестра; младшая сестра мужа или жены; младшая сестра мужа; 4. Шурин; младший брат жены; 5. Зять, муж сестры; вторая основа *балтыр / baltir* – 1. Свояченица; 2. Младшая родственница, 3. Невестка; старшая золовка; 5. Шурин; и третья основа *балды / baldi* – 1. Свояченица; младшая свояченица мужа; 2. Младшая тетка жены; 3. Младшая жена тестя (ЭСТЯ, 1978, с. 53–54). В «Древнетюркском словаре» замечены две основы *baltir* «младшая родственница, невестка» (ДТС, 1969, с. 81) и *baldiz* «младшая сестра жены» (ДТС, 1969, с. 80). Найденные основы «ориентированы на обозначение моло-

дых по возрасту родственников по крови и браку безотносительно к их полу, что служит показателем древности данного термина родства. Термин, точнее термины являются общетюркскими» (ЭСТЯ, 1978, с. 54).

В «Словаре якутского языка» под редакцией Э. К. Пекарского выделены следующие значения: *убай* – 1) о мужчине: старший; старший по рождению сородичь; 2) старший родственник по отцу, моложе отца, безотносительно к полу говорящего: а) родной брат, б) двоюродный брат, в) младший (родной или двоюродный) брат отца, младший дядя; 3) при обращении к постороннему человеку старшего возраста: дядюшка, дядька (СЯЯ, 1959, т. 3, с. 2966); *балыс* – 1. Младший летами, меньшей, молодой в сравнении с кем-либо; 2. С притяжательными суффиксами: вообще младшая родственница по отцу безотносительно к полу говорящего: а) младшая сестра (родная, единоутробная, сводная), меньшица, меньшуха, б) сестреница, т. е. двоюродная сестра, именно: дочь родного дяди, в) сестренка, сеструха, т. е. троюродная, или внучатая, сестра, именно: дочь сына дяди отца, г) племянница, братнина дочь, братанна (братанична), д) двоюродная племянница, е) двоюродная внучка, т. е. дочь племянника (СЯЯ, 1958, т. 1, с. 360).

В «Толковом словаре якутского языка» отмечены такие значения: *убай* – 1. Старший родной и старший двоюродный (или троюродный) брат; 2. Старший родственник по линии отца (моложе отца); 3. Почтенный, заслуживающий уважения человек, а также обращение к нему; 4. разг. Старший брат – так якуты между собой называют русских, выражая таким образом отношение малочисленного народа к более крупному по аналогии «младший к старшему» (БТСЯЯ, 2015, с. 71); *балыс* 1. Младшая сестра; 2. Человек, который моложе кого-л., младший по возрасту; 3. То, что чуть меньше (по величине, значимости) (ТСЯЯ, 2005, т. 2, с. 178). Имеется отдельная словарная статья на деминутив *балтыка* ‘сестренка, сестреночка моя’ (обычно употр. в притяж. ф.: балтыкам, балтыкайым) (ТСЯЯ, 2005, т. 2, с. 170).

Таким образом, лексемы *убай* ‘старший брат’ и *балыс* ‘младшая сестра’ в якутском языке имеют общетюркские корни и сохранили основные значения, отмеченные ранее в тюркской терминологии родства, это в семейно-родовых отношениях значение старшего по возрасту мужчины относительно лексемы *убай* и значение младшего по возрасту родственника, в большей степени женского пола, относительно лексемы *балыс*. Следует добавить, что, как пишет Е. П. Федорова, «родня у якутов распадается на две группы: мужчин и женщин, родившихся раньше; мужчин и женщин, родившихся позже. Эти группы слов служат основным фоном для якутской родословной и обозначают только кровных родственников и сородичей. Вследствие чего по этим категориям родства люди становятся братьями и сестрами, независимо от того, родные они или нет» [Федорова, 2012, с. 118].

Репрезентанты концептов *СТАРШИЙ БРАТ* / *МЛАДШАЯ СЕСТРА* в текстах олонхо

Как было отмечено выше, концепты *СТАРШИЙ БРАТ* / *МЛАДШАЯ СЕСТРА* выбраны не случайно, поскольку в эпических текстах олонхо часто с Верхнего мира спускают только что родившихся младенцев мальчика и девочку на землю, и, когда подрастают, родные брат и сестра становятся защитниками жителей Среднего мира от злых чудовищ и продолжателями рода *айыы аймага*.

В олонхо главный богатырь обычно является старшим братом и «вербализуется с учетом культурных установок народа, которые придают особую роль и значение этому члену семьи» [Алешенко, 2007, с. 10]. В якутской семье с давних времен развивали у мальчиков качества, необходимые защитнику и наследнику рода: он должен быть сильным, выносливым, целеустремленным, храбрым, готовым оберегать и помогать слабым и беззащитным; должен быть охотником, добытчиком; иметь умелые руки и быть готовым к тяжелому труду.

Сестра как предназначенная быть продолжательницей рода с малых лет готовилась быть матерью семейства. Когда старший брат охотился, смотрел за скотом, делал тяжелую работу, она готовила, шила, занималась домашним хозяйством.

Так как в эпических текстах старший брат приходится единственным родным человеком сестре, он выполняет роль отца, защитника, окружает ее заботой и вниманием. Поэтому братья обращаются к сестрам как родители к своему ребенку и используют следующие лексемы:

- *оҕолоох балтым* понимается как ‘дитя (чадо) и сестра моя’, так как в «Словаре...» Пекарского отмечено, что *оҕолоох тойонум* имеет значение ‘дитя (чадо) и повелитель мой’ (СЯЯ, 1959, т. 2, с. 1782). Например, богатырь Тойон Нюргун о сестре Кемюс Чемчююкэйдээн Куо во фрагменте олонхо «Богатырь Тойон Нюргун» Н. Ф. Попова: *Дьэ-э, көр буо! / Мин киһи да буолан баран, / Мааһы бэйэлээх / Оҕолоох балтыбын / Чахчы харахпынан / Көрүмүнэ эрэ, / Былабайга былдьаппыт / Аанай абабын...* (Попов, 2015, с. 21) – ‘Дьэ-э, кер буо! / Такой человек, как я, / прежде лучший, / мое чадо и сестру / прямо своими глазами не разглядев, / дал застигнуть нежданному несчастью, / Горе то мое...’ (пер. наш. – Л. Г.);

- *оҕом* ‘дитя мое’ как зафиксирован в отрывке из того же олонхо: *Дьэ эмээхсин, бу мин ыар дьансаа саҕабын өйдүөн иһит! Эмээхсин, оҕобун былабайга былдьатар буолаайабын! Дьэ, [эйигиттэн] иэстиэм...* (Попов, 2015, с. 35) – ‘Ладно, старушка, мои серьезные слова внимательно слушай! Старушка, не давай застигнуть нежданному несчастью моему дитя! А то с тебя буду требовать...’ (пер. наш. – Л. Г.);

- *балтым* ‘сестра моя младшая’, как упоминается в обращении Нюргун Боотура к старушке в олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» К. Г. Оросина: *Чэ, эмээхсин, / бу мин балтыбын / Айталы Куо диэн ааттаах дьахтары / эйиэхэ туттаран барыам...* (НБС, 1947, с. 172) – ‘Ладно, старушка, / свою сестру по имени Айталы Куо оставив тебе, поеду’ (НБС, 1947, с. 173);

- *балтым оҕо* замечен в том же тексте в монологе Нюргун Боотура. Если буквально перевести, то данное выражение означает ‘сестра моя младшая и дитя’, а в тексте перевода олонхо отмечено как ‘сестрица моя’: *«Биһ аны балтым оҕо / бу тыалтан куттаныаба, – / дьибэр тахсан көрсүүһүбүн!» – диэтэ да, / дьибэтин диэки уурдаран табыста да, / дьибэ иһигэр көтөн түстэ* (НБС, 1947, с. 112) – ‘Может быть, сестрица моя / испугается такого сильного ветра, / пойду домой и повидаясь с ней. / Так сказав, поскакал к себе, / спрыгнул с коня и вбежал в дом’ (НБС, 1947, с. 113).

В олонхо «Ала Булкун Богатырь» Т. В. Захарова – Чээбий обнаружен эпизод, в котором богатырь Алтан Амырыт от злости к сестре Юрюнг Уйуллаан говорит о ней *хотун кыыс балтым* в прямом смысле ‘барышня сестра моя младшая’, в переводе текста олонхо на русский язык как ‘сестра моя’: *Икки бургунас анах муоһун курдук / үөлээннэһэн үөскээбит, / Икки аллаах ат хараһын курдук / артыаллаһан төрөөбүт / Хотун кыыс балтыбын...* (Захаров, 2018, с. 254) – ‘Словно два рога коровы молодой, / Вместе воспитанную, / Словно два глаза коня ревитого, / Вместе выросшую, / Сестру мою...’ (Захаров, 2018, с. 255). А также в порыве гнева использует слово *хотуой* ‘девка, девушка’, которое обычно употребляют старшие в обращении к молодым женщинам: *Минийэлиир киһи анаар байагал алааспын / Хайалара туораан, / Алтан хайа дьаарбанмын / Хайа киһи тахсан, / Айдаан уорук дьибин / Ханнык түөкүн альтан ильиэбэй, хотуой?* (Захаров, 2018, с. 244) – ‘Какой человек полреки моей / Любимой переплывет? / Какой человек гору мою / Медную перейдет? / Какой ворог, дом мой / Разрушив, тебя увезет, хотуой?’ (Захаров, 2018, с. 245).

Рассмотрим, какие лексемы, адресованные к старшим братьям, употребляются младшими сестрами:

- *убакам* ‘старший брат мой’, понимается как более ласкательное обращение к старшему брату, в зафиксированном примере из олонхо «Хаан Джаргыстай», записанного И. А. Худяковым, выражено даже сочувствие сестры к брату: *Сүүс ордуга сүүрбэ курбальын кубулуоттаах, / абааһы атамаана, / көстүбэт күүстээбэ, / сөдүөкэ сүрдээбэ, / сиэхчит симиэлэйэ кубулуунан сиэтэ, / кыайда убакабын* (ХД, 2016, с. 41) – ‘Обладающий более ста два-

дцатью способностями быстрого перевоплощения... / атаман чудовищ абаасы, / сверхмощный, / ужасный соседко, / пожиратель смелый, претворившись, сожрал, уничтожил старшего брата моего' (пер. наш. – Л. Г.);

- *убайдаатар убайым, аҕалаатар аҕам* в «Словаре якутского языка» Э. К. Пекарского написан как 'братствующий мой старший брат' (СЯЯ, 1959, т. 3, с. 2967), 'отцовствующий мой отец' (СЯЯ, 1958, т. 1, с. 16), а в переводе текста олонхо «Ала Булкун Богатырь» на русский язык, где Юрюнг Уйуллаан обращается с просьбой к старшему брату, использованы слова 'брат уважаемый, отец почитаемый' и 'почтенный брат мой... господин отец мой', которые передают признание его как отца, старшего по возрасту человека: *Алла булла кутуруктаах / Айдаан араҕас аттаах, / Алтан килиэ таҕастаах / Алтан Амырыыт бухатыыр, / Убайдаатар убайым, аҕалаатар аҕам* (Захаров, 2018, с. 240) – 'С хвостом лохматым / С соловым конем буйным, / С доспехами из меди сплошной / Алтан Амырыыт богатырь / Брат уважаемый, отец почитаемый!' (Захаров, 2018, с. 241). *Убайдаатар убайым! – диир дьахтар. – Аҕалаатар аҕам Алтан Амырыыт бухатыыр! / Бургунас анах муоһун курдук / үөлээннэһэн үөскээбиһит, / Аллаах ат хараҕын курдук артыаллаһан үөскээбиһит* (Захаров, 2018, с. 370) – 'Почтенный брат мой, – говорит женщина, / – Господин отец мой Алтан Амырыыт богатырь! / Мы ведь как рога коровы молодой / Вместе выросли, / Как глаза коня ретивого вместе воспитаны...' (Захаров, 2018, с. 371). В другом найденном отрывке из олонхо «Хаан Джаргыстай» замечается не прямое обращение как к отцу, а к старшему родному брату, но в сравнении с отцом: *Убайдаатар убайым, / аҕалаатар аҕам кэриэтэ киним!* (ХД, 2016, с. 34) – 'Братствующий мой старший брат, как отцовствующий отец мой человек!' (пер. наш. – Л. Г.);

- *убайдаатар аҕаккайыам* 'брат мой старший' употреблен в олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» младшей сестрой Нюргун Боотура Айталыын Куо в просьбе с более мягким тоном и осторожностью: *Убайдаатар аҕаккайыам! Хайа эн айыы аймахтарын, күн улуустарын өрүһүэйргэ сылдыар буолан баран, бу мэник, төбөтүнэн харахтаах тыла диэн аахсыма да убаккайыам!* (НБС, 1947, с. 312) – 'А ты, мой старший брат, что ты хочешь делать? Ты был предназначен спасти людей племени айыы, народ улусов солнца, / и потому не считайся со словами / этого юнца с глазами на темени. О, мой старший брат!' (НБС, 1947, с. 313).

- *тойон убайым* 'господин мой старший брат' применен в значении отношения к старшему, главному члену семьи: *Алтан Амырыыт бухатыыр, / Тойон убайым, быралыйа бырастыы!* (Захаров, 2018, с. 248) – 'Алтан Амырыыт богатырь, / Брат тойон, на долгие годы прощай!' (Захаров, 2018, с. 249).

Издrevле народ саха бережно относился к дочерям. Девушки-красавицы, скромные, нежные создания природы, когда достигают зрелости, перестают играть в игры-забавы, начинают жить в *хаппахчы* 'чулан', готовятся к замужеству, как говорится об Айталыын Куо в олонхо «Нюргун Боотур Стремительный»: *Кыыс күннээххэ көстүбүнэ, / быллыттаахха быгымына, / халлаан диэки хайыһымына / олорор кыыс буолла* (НБС, 1947, с. 100) – 'Девушка стала жить себе (в чулане), / не показываясь солнечному небу, / не выглядывая в облачную погоду, / не оборачиваясь лицом на чистое небо' (НБС, 1947, с. 101).

Старшие братья относятся к сестрам как к зенице ока, поэтому, когда их похищают чудовища в олонхо, они себя винят за то, что не уследили, не досмотрели, и оставляют присмотреть за ними только тем, кому доверяют, или предупреждают, что ждет, если не уследят, например: 1) *Чэ, эмээхсин, / бу мин балтыбын / Айталы Куо диэн ааттаах дьахтары / эйиэхэ туттаран барыам... / Ону уон сарбайар тарбахтаахха / олус ууннарар буолаайаҕын, / биэс сарбайар / нэбилгэ хара ытыстаахха / куду харбатыр буолаайаҕын, / хараххынан кынчарыйар, / тылгынан мөҥөр буолаайаҕын... / Куһаҕаннык туппут буоллаххына / күлэ-күлэ уоккун муруоруом, / дьилэри дьизгэниһиэм... Ону сэрэн!* (НБС, 1947, с. 172) – 'Ладно, старушка, / свою сестру по имени Айталы Куо / оставив тебе, поеду. / Ее бережно храни, / чтоб имеющие десять пальцев / не протягивали к ней свою длинную руку, / чтоб имеющие пять растопыренных пальцев / не похитили ее у вас; / чтоб и сама ты / глазами своими косо не посмотрела,

словами ты ее не бранила и не ругала. Если будешь плохо содержать ее – со смехом (развею твой пепел,) (играя и веселясь,) потушу очаг твой, уничтожу жилище твое. Берегись этого!» (НБС, 1947, с. 173); 2) *Эмээхсингэ этэр / ырыанан: «Дьэ эмээхсин, бу мин ыар дьансаа санабын өйдүөн / иһит! Эмээхсин, оҕобун былабайга былдьатар буолаайабын! Дьэ, / [эйи-гиттэн] иэстиэм... Атынтан / кимтэн да иэстиэм суоҕа... Өйдүөтүң / дуо, эмээхсиэн? Өйдүө! Кирдик чэхчы санаабын этэбин, эмээхсин... эмээхсин!* (Попов, 2015, с. 35) – ‘Говорит старушке песней: Ладно старушка, слушай внимательно мою серьезную речь! Старушка, не давай застигнуть нежданному несчастью мое дитя! А то с тебя буду требовать... Больше ни от кого-нибудь другого не стану требовать... Поняла меня, старушка? Помни! Прямо говорю то, что думаю, старушка... старушка!’ (пер. наш. – Л. Г.).

В свою очередь, младшие сестры очень уважают своих братьев, слушаются их, стараются не злить их и делать всё, как нравится старшим. Например, Айтальын Куо начинает тревожиться, когда брат Нюргун Боотур перестает с ней разговаривать: «*Убайым туохтан хоргуттабай? / Тоҕо санаатын сыыстардабай? / Астыыр аспын сирдэбэ ду, / иистэнэр таҕаспын сирдэбэ ду, / хайтах ду?» – / диэн бэркэ кыбыста саныыр да / куттанан тугу да сангарбат: / сааппыт-хоппут курдук сырытта* (НБС, 1947, с. 108) – ‘Задумалась про себя: / “Отчего обиделся мой брат? / Чего он так приуныл духом? / Может быть, недоволен пищей, / что я готовлю ему, / может быть, недоволен одеждой, / которую я шью ему?” – / Так она сильно робела, стеснялась, / ходила молча, словно пристыженная’ (НБС, 1947, с. 109).

Итак, концепты *СТАРШИЙ БРАТ / МЛАДШАЯ СЕСТРА (УБАЙ / БАЛЫС)* представлены в анализируемых эпических текстах посредством следующих денонатов: *убакам, убайдаатар убайым, аҕалаатар аҕам, убайдаатар аҕаккайыам, тойон убайым*, относящихся к лексеме *убай* ‘старший брат’, и *оҕолоох балтым, оҕом, балтым, балтым оҕо, хотун кыыс балтым, хотуой*, относящихся к лексеме *балыс* ‘младшая сестра’. В рассмотренных примерах лексемы *убай* и *балыс* и их различные денонаты репрезентируют их словарные определения, т. е. обозначают старшего родственника и младшую родственницу, при этом кровное родство между героями имеет особую значимость.

Заключение

В результате анализа мы пришли к выводу, что концепты *СТАРШИЙ БРАТ / МЛАДШАЯ СЕСТРА* представлены в текстах олонхо различными лексемами и словосочетаниями, которые имеют глубокие коннотативные смыслы и отражают традиционные семейные отношения между старшими братьями и младшими сестрами у якутского народа. Проведенное исследование показывает, что эпические тексты содержат и хранят национальные культурные ценности, которые следует передавать из поколения в поколение. Перспективным видится дальнейшее изучение данных концептов в текстах олонхо позднего периода и в сравнительном плане в эпосах тюрко-монгольских народов.

Список литературы

- Алещенко Е. И.** Взаимоотношение брата и сестры в русской народной сказке как один из сценариев концепта «СЕМЬЯ» // Альманах современной науки и образования. 2007. № 3 (3), ч. 1. С. 9–11.
- Борисов Ю. П., Прокопьева С. М.** Экспликация ритмико-синтаксическими параллелизмами концепта ЛОКАТИВНОСТЬ в якутском олонхо и тюрко-монгольских эпосах // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 92–103.
- Борисов Ю. П., Прокопьева С. М.** Репрезентация концепта ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ ритмико-синтаксическими параллелизмами в якутском олонхо и алтайском эпосе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 1. С. 30–40.

- Дьячковский Ф. Н.** Лексико-семантический уровень репрезентации концепта «СУДЬБА» (на материале олонхо «Кыыс Дэбилийэ») Н. П. Бурнашева // *European Social Science Journal*. 2012. № 6 (22). С. 111–118.
- Маслова В. А.** Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.
- Сидорова М. Б.** Когнитивный аспект формульности в эпическом дискурсе: фреймовый подход: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 25 с.
- Суханова Т. В.** Концепт как основное понятие современной когнитивной лингвистики // *Научный Вестник Воронеж. гос. архитектурно-строительного ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2008. № 4 (4). С. 107–111.
- Уткин К. Д.** Культура народа саха: этнофилософский аспект. Якутск: Бичик, 1998. 366 с.
- Федорова Е. П.** Термины родства и свойства в якутском языке // *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова*. 2012. Т. 9, № 1. С. 118–122.
- Хохолова И. С.** Оппозиция «мужественность» и «женственность» в якутской, русской, французской культурных традициях: на материале якутского эпоса «Нюргун Боотур Стремительный» и его переводов на русский и французский языки: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 23 с.
- Borisov Yu. P.** The representation of the TIME concept in Yakut olonkho and Turkic-Mongolian epics of Siberia: Structural models. *Journal of History Culture and Art Research*, 2018, vol. 7, no. 3, pp. 108–118. DOI 10.7596/taksad.v7i3.1723
- Savvinova G. E.** Special features in expressing the “Homeland” concept in the Yakut heroic epic olonkho. *Journal of History Culture and Art Research*, 2018, vol. 7, no. 5, pp. 168–179. DOI 10.7596/taksad.v7i5.1910

Список словарей

- БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: В 15 т. / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2015. Т. 12. 598 с.
- ДТС – Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 677 с.
- СЯЯ – Словарь якутского языка: В 3 т. / Сост. Э. К. Пекарский. М.: АН СССР, 1958. Т. 1; 1959. Т. 2, 3.
- ТСЯЯ – Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта / Под ред. П. С. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2005. 912 с.
- ЭСТЯ – **Севортян Э. В.** Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 768 с.
- ЭСТЯ – **Севортян Э. В.** Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву “Б”. М.: Наука, 1978. 349 с.

Список источников

- Захаров Т. В. – Чээбий.** Ала Булкун Бухатыыр = Ала Булкун Богатырь / Сост. В. В. Илларионов, Т. В. Илларионова; пер. А. А. Бурцева, И. В. Гаврильева, С. В. Данилова и др. Якутск: Алаас, 2018. 520 с. (на якут. и рус. яз.)
- НБС – Нюргун Боотур Стремительный = Дьулуруйар Нюргун Боотур / Текст К. Г. Оросина; ред. Г. У. Эргис. Якутск: Госиздат ЯАССР, 1947. 409 с. (на якут. и рус. яз.)
- Попов Н. Ф.** Тойон Нюргун бухатыыр / Сост. А. А. Кузьмина, А. Н. Данилова. Якутск: Алаас, 2015. 304 с. (на якут. яз.)
- ХД – Хаан Дьаргыстай: олонхо / Сост. В. В. Илларионов, Т. В. Илларионова. Якутск: Алаас, 2016. 230 с. (на якут. яз.)

References

- Aleshchenko E. I.** Vzaimootnoshenie brata i sestry v russkoi narodnoi skazke kak odin iz stsenariiev kontsepta “SEM'Ya” [The Relationship Between Brother and Sister in Russian Folk Tale as One of the Scenarios for the Concept “FAMILY”]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya* [*Almanac of Modern Science and Education*], 2007, iss. 3 (3), pt. 1, pp. 9–11. (in Russ.)
- Borisov Yu. P.** The representation of the TIME concept in Yakut olonkho and Turkic-Mongolian epics of Siberia: Structural models. *Journal of History Culture and Art Research*, 2018, vol. 7, no. 3, pp. 108–118. DOI 10.7596/taksad.v7i3.1723
- Borisov Yu. P., Prokopeva S. M.** Eksplikatsiya ritmiko-sintaksicheskimi paralelizmami kontsepta LOKATIVNOST' v yakutskom olonkho i tyurko-mongol'skikh eposakh [Explication of the Concept LOCATION by Rhythmic-Syntactic Parallelisms in the Yakut Olonkho and Turkic-Mongol Epics]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [*Issues of Cognitive Linguistics*], 2016, no. 4, pp. 92–103. (in Russ.)
- Borisov Yu. P., Prokopeva S. M.** Reprezentatsiya kontsepta TEMPORAL'NOST' ritmiko-sintaksicheskimi paralelizmami v yakutskom olonkho i altaiskom epose [Representation of the Concept TEMPORALITY by Rhythmic-syntactic Parallelisms in the Yakut Olonkho and Altai Epic]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [*Issues of Cognitive Linguistics*], 2018, no. 1, pp. 30–40. (in Russ.)
- Dyachkovsky F. N.** Leksiko-semanticheskii uroven' reprezentatsii kontsepta “SUD'BA” (na materiale olonkho “Kyys Debiliie” N. P. Burnasheva [Lexical-Semantic Level of Representation of the Concept “FATE” (Based on the Olonkho “Kyys Debiliye” by N. P. Burnashev)]. *European Social Science Journal*, 2012, no. 6 (22), pp. 111–118. (in Russ.)
- Fedorova E. P.** Terminy rodstva i svoistva v yakutskom yazyke [Terms of Kinship and Properties in the Yakut Language]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova* [*Vestnik of the North-Eastern Federal University*], 2012, vol. 9, no. 1, pp. 118–122. (in Russ.)
- Khokholova I. S.** Oppozitsiya “muzhestvennost” i “zhenstvennost” v yakutskoi, russkoi, frantsuzskoi kul'turnykh traditsiyakh: na materiale yakutskogo eposa “Nyurgun Bootur Stremitel'nyi” i ego perevodov na russkii i frantsuzskii yazyki [Opposition “Masculinity” and “Femininity” in the Yakut, Russian, French Cultural Traditions: on the Material of the Yakut Epic “Nurgun Bootur the Swift” and its Translations into Russian and French]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2010, 23 p. (in Russ.)
- Maslova V. A.** Lingvokul'turologiya [Linguoculturology]. Textbook. Moscow, Akademiya Publ., 2001, 208 p. (in Russ.)
- Savvinova G. E.** Special features in expressing the “Homeland” concept in the Yakut heroic epic olonkho. *Journal of History Culture and Art Research*, 2018, vol. 7, no. 5, pp. 168–179. DOI 10.7596/taksad.v7i5.1910
- Sidorova M. B.** Kognitivnyi aspekt formul'nosti v epicheskom diskurse: freimovyi podkhod [Cognitive Aspect of Formulaity in Epic Discourse: Frame Approach]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2014, 25 p. (in Russ.)
- Sukhanova T. V.** Kontsept kak osnovnoe ponyatie sovremnoi kognitivnoi lingvistiki [Concept as the Main Concept of Modern Cognitive Linguistics]. *Nauchnyi Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [*Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Linguistics and Intercultural Communication*], 2008, no. 4 (4), pp. 107–111. (in Russ.)
- Utkin K. D.** Kul'tura naroda sakha: etnofilosofskii aspekt [Culture of the Sakha People: Ethnophilosophical aspect]. Yakutsk, Bichik Publ., 1998, 366 p. (in Russ.)

List of Dictionaries

- Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'ya [Comprehensive Explanatory Dictionary of the Yakut Language]: In 15 vols. Ed. by P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka, 2015, vol. 12. (in Russ.)
- Drevnetyurkskii slovar' [Ancient Turkic Dictionary]. Leningrad, Nauka, 1969. (in Russ.)
- Sevortyan E. V.** Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Inter-Turkic Bases on Vowels]. Moscow, Nauka, 1974. (in Russ.)
- Sevortyan E. V. Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu "B" [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Inter-Turkic Foundations for the Letter "B"]. Moscow, Nauka, 1978. (in Russ.)
- Slovar' yakutskogo yazyka [Dictionary of the Yakut Language]: In 3 vols. Moscow, AS USSR Publ., 1958, vol. 1; 1959, vol. 2, 3. (in Russ.)
- Tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh tyld'ya [Explanatory Dictionary of the Yakut Language] Ed. by P. S. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka, 2005. (in Russ.)

List of Sources

- Khaan D'argystai: olonkho [Khaan Djargystay: olonkho]. Yakutsk, Alaas Publ., 2016. (in Yakut)
- Nyurgun Bootur Stremitel'nyi = D'uluruiar N'urgun Bootur [Nurgun Bootur the Swift]. Yakutsk, Gosizdat YaASSR Publ., 1947. (in Yakut and Russ.)
- Popov N. F.** Toion N'urgun bukhatyyr [Toion Nurgun Bogatyr]. Yakutsk, Alaas Publ., 2015. (in Yakut and Russ.)
- Zakharov T. V.** – Cheebii. Ala Bulkun Bukhatyyr = Ala Bulkun Bogatyr' [Ala Bulkun Bogatyr]. Yakutsk, Alaas Publ., 2018. (in Yakut and Russ.)

Информация об авторе

Лилия Николаевна Герасимова, научный сотрудник
Scopus ID 57223994730
WoS Researcher ID AAH-5089-2019

Information about the Author

Liliya N. Gerasimova, Researcher
Scopus ID 57223994730
WoS Researcher ID AAH-5089-2019

*Статья поступила в редакцию 20.05.2021;
одобрена после рецензирования 10.11.2021; принята к публикации 18.11.2021
The article was submitted 20.05.2021;
approved after reviewing 10.11.2021; accepted for publication 18.11.2021*

Научная статья

УДК 81'34

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-67-86

Особенности паузации в родной и акцентной спонтанной речи: акустический анализ китайской родной, русской акцентной и русской родной речи

Хай Тэн¹

Светлана Викторовна Андросова²

¹ Датунский университет

Датун, Китайская Народная Республика

² Амурский государственный университет

Благовещенск, Россия

¹ mse_th@163.com, <https://orcid.org/0000-0003-1929-2181>

² androsova_s@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6714-9684>

Аннотация

Рассматриваются просодические аспекты китайско-русской интерференции, выраженной характером паузации. Материалом для исследования послужила спонтанная родная русская и китайская речь и русская акцентная речь. Акустические измерения включали подсчет количества пауз, замеры длительности пауз, определение направления основного тона, значений формант вокалических заполнителей и их длительности. К полученным данным были применены методы описательной статистики: количественный подсчет, определение средних, минимальных и максимальных значений. В результате определены универсальные и специфические черты стратегий паузации и типов вокалических заполнителей пауз. К универсальным относится предпочтение незаполненных пауз и а- / ам- / т-образных заполнителей. Специфическими чертами китайского акцента являются реализации γ-образного гласного, сложных вокалических заполнителей и сочетаний гласного с носовым сонантом.

Ключевые слова

китайский язык, русский язык, акцентная речь, родная речь, просодическая интерференция, паузация, вокалический заполнитель

Для цитирования

Тэн Хай, Андросова С. В. Особенности паузации в родной и акцентной спонтанной речи: акустический анализ китайской родной, русской акцентной и русской родной речи // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 2: Филология. С. 67–86. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-67-86

Pauses in Native and Foreign-Accented Spontaneous Speech: Acoustic Analysis of Native Chinese, Chinese Learners of Russian, and Native Russian Speech

Hai Teng¹, Svetlana V. Androsova²

¹ Shanxi Datong University
Datong, China

² Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation

¹ mse_th@163.com, <https://orcid.org/0000-0003-1929-2181>

² androsova_s@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6714-9684>

Abstract

The present study aimed to explore pause types and their fillers in Russian and Chinese native speech compared to the speech of Chinese bilinguals speaking Russian with a focus on universal and language-specific patterns. An acoustic study of 8 subjects has been performed: 4 Russian males speaking Russian, and 4 Chinese males speaking both Chinese and Russian. Acoustic measurements were performed using PRAAT and included pause count, pause duration, pitch direction, vocalic fillers formant values, and their duration. Descriptive statistics were used to determine count, mean, minimal, and maximal values. The results demonstrate that first, silent and filled pauses were used by all subjects with the preference for the silent pause strategy. For all Chinese subjects, the pause rate was considerably higher in native speech than in non-native Russian speech. Second, the universal pause fillers were [a]-like, [am]-like, and [m]-like ones. Simple fillers like [ɤ], [o] were language-specific for Chinese subjects. Another language-specific feature was the wide use of vowel groups by Chinese subjects. Finally, vowel + nasal (velar and forelingual) sequences like [ɲ] were language-specific for Chinese subjects.

Keywords

Chinese, Russian, foreign-accented speech, native speech, prosodic language interference, pauses, vocalic filler

For citation

Teng Hai, Androsova S. V. Pauses in Native and Foreign-Accented Spontaneous Speech: Acoustic Analysis of Native Chinese, Chinese Learners of Russian, and Native Russian Speech. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 2: Philology, pp. 67–86. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-67-86

Введение

Настоящее исследование посвящено проблеме китайско-русской интерференции на фонетическом уровне, выраженной в просодических особенностях паузации. Выбор данной темы исследования обусловлен несколькими важными, на наш взгляд, предпосылками. Во-первых, в последнее время расширяются экономические, политические и культурные связи между Китаем и Россией, что делает взаимодействие данных языков актуальной темой для исследований. Во-вторых, не угасает интерес лингвистов к спонтанной речи в целом, которая, как известно, строится по законам, отличным от подготовленной речи, и интерферированной спонтанной речи в частности. В-третьих, возникает настоятельная необходимость в более эффективном обучении восприятию и производству устной речи на соответствующем языке. В-четвертых, исследователей интересуют возможности надежного определения национальной принадлежности говорящего на иностранном языке, в частности используя характеристики заполненных пауз хезитации.

В центр внимания лингвистов попадают как сегментные, так и супraseгментные особенности спонтанной речи. Для китайского языка рассматривались случаи редукции слогов как следствие модификаций его составляющих и стяжения [Tseng, 2005; Cheng, Xu, 2009; Burchfield, Bradlow, 2014], фонетические свойства слов-паразитов [Ли, Андросова, 2019], мелодическая подстройка соседних просодических единиц в высказывании (повышающего или понижающего характера как следствие инерции либо антиципации) [Chen, Tseng, 2019; Sun, Shih, 2021] и варьирование тона в чтении и спонтанной речи [Yang, Esposito, 2011]. Имеет-

ся и исследование ритма [Сао, 2000], в котором доказано, что он не является слогосчитающим.

К обычно упоминаемым просодическим особенностям спонтанной речи относятся (см., например, [Светозарова, 1983, с. 226–235; Тэн, Андросова, 2016; Sun, Shih, 2021]):

- частое использование ровного тона вместо нисходящего;
- частые паузы хезитации разного типа (разной длительности, заполненные и незаполненные, с использованием заполнителей разного типа: разных вокализаций, слов-паразитов и т. д.);
- хезитационные удлинения.

Согласно широкому пониманию интонации, пауза считается неотъемлемым ее компонентом (см., например, работы Л. Р. Зиндера [2007, с. 315] и Т. И. Шевченко [2011, с. 139]). По мнению Л. П. Блохиной и В. Г. Савинского, паузы имеют особое значение в спонтанной речи и часто оказываются единственными надежными сигналами для ее членения [Блохина, 1983, с. 62; Савинский, 1981, с. 62]. По словам Н. Б. Вольской, пауза – крайне интересный и наименее изученный компонент фразовой интонации [Вольская, 2004, с. 129]. Особенно мало изучены паузы в речи билингвов.

Различные хезитационные явления в русской речи китайцев изучались, например, в работах Чэн Чэнь [2016а; 2016б], включая паузы, растяжки сегментов, паралингвистические явления и т. д. Однако не получено подробных экспериментальных данных о соотношении типов пауз, акустических особенностях вокалических заполнителей, специфике хезитационного удлинения сегментов и некоторых других особенностях в родной китайской и акцентной русской речи китайцев по сравнению с родной русской речью. Не сделано комплексное описание перцептивных характеристик вокалических заполнителей пауз в условиях интерференции. Заполнители пауз, в том числе вокалические, рассматривались для отдельно взятых языков, например для английского [Rose, 1998]. До настоящего времени вокалические заполнители пауз в родной китайской и акцентной русской речи китайцев в центр внимания лингвистов не попадали. Универсальные и типологические характеристики заполнителей пауз в условиях китайско-русской интерференции практически не изучены. Все вышеуказанные обстоятельства и побудили нас к проведению настоящего исследования.

Как известно, интерференция может носить как отрицательный, так и положительный характер, при этом положительное влияние имеет место при универсальных средствах и признаках [Интерференция..., 1987], а отрицательное связано со специфическими средствами в том или ином языке. Цель эксперимента – определить эти средства применительно к паузации.

1. Материал и методика исследования

Материалом для исследования послужили записи 1) интерферирующей русской речи китайцев, 2) речи носителей китайского языка, 3) речи носителей русского языка. Все речевые образцы носили спонтанный характер. Для достижения спонтанности дикторам было предложено ответить на ряд вопросов о себе, учебе, работе, хобби без предварительной подготовки. Вопрос задавал экспериментатор устно, а испытуемый сразу же на него отвечал. В эксперименте участвовали 8 дикторов: по четыре носителя китайского (Dc_r1/Dc1, Dc_r2/Dc2, Dc_r3/Dc3, Dc_r4/Dc4) и русского (Dr1, Dr2, Dr3, Dr4) языков. От дикторов-китайцев были получены образцы как русской, так и китайской спонтанной речи, а от носителей русского языка – только родной русской речи. Китайцы, говорящие по-русски, обозначены как Dc_r с указанием номера диктора. Эти же китайцы, говорящие на родном китайском языке, обозначены как Dc с указанием номера диктора. Дикторы-китайцы изучали русский язык в университете: Dc1 – 8 лет, Dc2 – 5 лет, Dc3 – 8 лет, Dc4 – 8 лет. Ни один из дикторов не сослался на нарушения речи или слуха.

Запись осуществлялась в лаборатории экспериментально-фонетических исследований Амурского государственного университета через микрофон на микшерный пульт и на звуковую плату компьютера. Использовались стандартные параметры оцифровки: частота дискретизации – 44 кГц, разрядность – 16 бит, моно. Дикторы чувствовали себя хорошо, боязни микрофона не проявляли и вели себя естественно.

2. Результаты акустического анализа

2.1. Количественные характеристики различных типов пауз

В ходе записи были получены образцы спонтанной речи общей длительностью звучания более 2,5 часов. В табл. 1 указана общая продолжительность речевых образцов по каждому диктору.

Таблица 1

Общая продолжительность речевых образцов
по каждому диктору

Table 1

Total duration of speech samples
for each subjects

№ диктора	Шифр	Продолжительность речи
1	Dc_r1	17 мин. 21 с
	Dc1	15 мин.
2	Dc_r2	22 мин. 45 с
	Dc2	9 мин. 33 с
3	Dc_r3	13 мин. 58 с
	Dc3	11 мин. 7 с
4	Dc_r4	19 мин. 52 с
	Dc4	16 мин. 30 с
5	Dr1	6 мин. 48 с
6	Dr2	2 мин. 26 с
7	Dr3	11 мин. 54 с
8	Dr4	8 мин. 19 с

На первом этапе изучались количественные характеристики пауз. Было выявлено, что на указанное время звучания дикторы употребили 3 653 паузы на 18 661 слово: Dc_r1 – 407 на 1 297 слов, Dc_r2 – 445 на 1 678 слов, Dc_r3 – 356 на 1 067 слов, Dc_r4 – 394 на 808 слов, Dc1 – 378 на 3 504 слова, Dc2 – 268 на 1 858 слов, Dc3 – 312 на 2 608 слов, Dc4 – 487 на 2 969 слов, Dr1 – 164 на 674 слова, Dr2 – 60 на 181 слово, Dr3 – 227 на 1 116 слов, Dr4 – 155 на 901 слово. Соотношение количества слов с числом употребленных пауз (коэффициент паузации: количество слов, деленное на количество пауз) по каждому диктору продемонстрировано в табл. 2.

Из данных табл. 2 видно, что у одних и те же дикторов – Dc1-4 и Dc_r1-4 – коэффициент паузации возрастает (сигнализируя о сокращении количества пауз) в родной китайской речи по сравнению с акцентной русской. Таким образом, в нашем случае увеличение количества пауз (уменьшение значения коэффициента) является очевидным просодическим индикатором иностранного акцента. Для наших дикторов, говорящих на родном языке, данный коэффициент варьирует в пределах 6,1–9,3 для китайцев и 3,0–5,8 для русских, тогда как для китайцев, говорящих по-русски, он составляет 2,1–3,8, сокращаясь для каждого диктора почти в два-три раза по сравнению с их же родной речью.

Соотношение количества слов и пауз в спонтанной речи
(по 8 дикторам)

Таблица 2

The proportion of words and pauses in spontaneous speech
of 8 subjects

Table 2

№ диктора	Шифр	Количество пауз	Количество слов	Коэффициент паузации
1	Dc_r1	407	1 297	3,2
	Dc1	378	3 504	9,3
2	Dc_r2	445	1 678	3,8
	Dc2	268	1 858	6,9
3	Dc_r3	356	1 067	3,0
	Dc3	312	2 608	8,4
4	Dc_r4	394	808	2,1
	Dc4	487	2 969	6,1
5	Dr1	164	674	4,1
6	Dr2	60	181	3,0
7	Dr3	227	1 116	4,9
8	Dr4	155	901	5,8

Примечание: зависимость между значением коэффициента и количеством пауз обратная – чем меньше коэффициент, тем больше пауз, и наоборот.

Анализ речи дикторов позволил выявить некоторые универсальные и типологические тенденции. Во-первых, большинство русских и все китайские дикторы использовали в основном незаполненные паузы, и только один русский диктор Dr2 применял другую стратегию, отдавая предпочтение заполненным паузам. Следует также отметить, что один китайский диктор Dc_r1 в своей русской речи употребил схожее количество заполненных и незаполненных пауз. Полученные данные идут вразрез с полученными ранее результатами Л. Р. Роуза о том, что чаще всего наша речь прерывается заполненными паузами [Rose, 1998, pp. 2–3], и с данными нашего предшествующего пилотного эксперимента, основанного на меньшем количестве дикторов [Тэн, 2015]. Полная картина выявленных типов пауз и их количества по каждому диктору представлена в табл. 3.

На рис. 1 представлено процентное соотношение незаполненных и заполненных пауз по каждому диктору с указанием шифров (напомним, что каждому китайскому диктору присвоено два шифра).

Можно выделить 5 вариаций заполненных пауз (см. табл. 3): 1) только заполнитель (3); 2) заполнитель с предшествующим перерывом фонации (обозначен нижним подчеркиванием); 3) заполнитель с последующим перерывом фонации; 4) заполнитель с перерывом фонации справа и слева от него; 5) переспрос. Соотношение этих вариаций у дикторов было разным.

Из всех пауз, употребленных в русской речи китайцев, 510 оказались заполненными: Dc_r1 – 188, Dc_r2 – 71, Dc_r3 – 139, Dc_r4 – 112. При этом подавляющее большинство заполнителей были вокалическими элементами; количество переспросов оказалось небольшим

Таблица 3

Table 3

Количественные характеристики пауз в спонтанной речи (по 8 дикторам)

Quantity of pauses in spontaneous speech of 8 subjects

Диктор	Шифр	Тип паузы						Итого	Длительность паузы, с
		Незаполненная	Заполненная			Итого			
			переспрос	заполненная (З)	З		З		
1	Dc_r1	219	2	19	114	4	49	407	2,6
	Dc1	328	0	1	42	0	7	378	2,4
2	Dc_r2	347	18	8	27	1	17	445	3,1
	Dc2	249	0	0	5	0	14	268	2,1
3	Dc_r3	217	1	31	70	5	32	356	2,4
	Dc3	237	0	10	43	6	16	312	2,1
4	Dc_r4	282	0	6	40	11	55	394	3,0
	Dc4	368	0	8	47	14	50	487	2,0
5	Dr1	141	0	6	9	6	2	164	2,5
6	Dr2	10	1	21	13	7	8	60	2,4
7	Dr3	171	0	4	19	2	31	227	3,1
8	Dr4	95	0	13	21	9	17	155	3,2
Итого		2 664	22	127	450	65	298	3 653	2,6

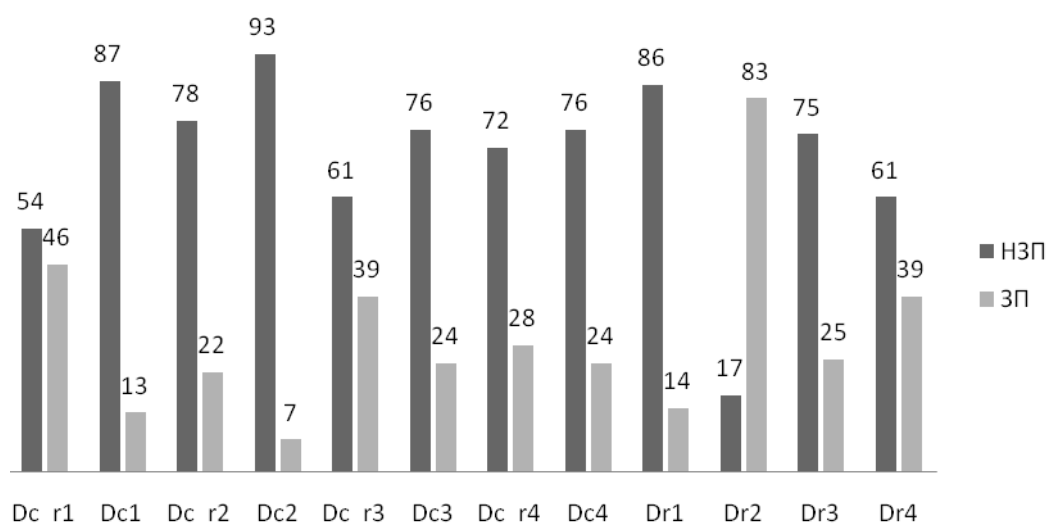

Рис. 1. Процентное соотношение незаполненных (НЗП) и заполненных (ЗП) пауз
 Fig. 1. Percentage of empty (NЗP) and filled (ZP) pauses

(в родной китайской речи дикторы не употребили никаких переспросов). В родной китайской речи дикторы употребили 263 заполненные паузы: Dc1 – 50, Dc2 – 19, Dc3 – 75, Dc4 – 119. Носители русского языка в своей родной русской речи употребили 189 заполненных пауз: Dr1 – 23, Dr2 – 50, Dr3 – 56, Dr4 – 60. Согласно полученным данным (см. рис. 1), и китайские, и русские дикторы в своей родной речи употребляли схожее соотношение незаполненных и заполненных пауз. Однако при переходе дикторов-китайцев на русскую речь данное соотношение заметно менялось в сторону увеличения количества заполненных пауз в два и более раз (за исключением одного диктора китайца – Dc_r1/Dc1, который в своей родной китайской и русской акцентной речи употребил почти одинаковый процент незаполненных и заполненных пауз).

2.2. Акустический анализ вокалических заполнителей

На втором этапе все нелексические вокалические заполнители подверглись акустическому анализу (замеры длительности; направление F0 – основного тона голоса (вверх, вниз, ровное без выраженных движений вверх / вниз), демонстрирующее интонацию, с которой реализованы заполнители; средние значения F1, указывающие на подъем гласного, и F2, указывающие на ряд гласного). Все измерения производились автоматически в программе акустического анализа речевого сигнала PRAAT. С помощью соответствующей встроенной функции в табличном процессоре Microsoft Excel были получены средние значения F1 и F2 (табл. 4). В ходе анализа были выявлены три группы вокалических заполнителей: простые (гласные монофонги), сочетания гласных и сочетания гласных с носовыми сонантами. Полученные данные по простым вокалическим заполнителям отражены в табл. 4; данные по сложным заполнителям (сочетаниям гласных и сочетаниям гласных с сонантами) описаны отдельно.

Результаты замеров (см. табл. 4) показывают, что средняя длительность заполнителей широко варьировала у разных дикторов в следующих пределах: для средней 159–593, для минимальной 40–537, для максимальной 164–1 252. Немало пауз обладало длительностью ниже

Таблица 4

Качественные и количественные характеристики
простых вокалических заполнителей пауз

Table 4

Qualitative and quantitative features of simple vocalic pause fillers

Шифр	Простой заполнитель	Количество	F1 (mean)	F2 (mean)	Длительность		
					mean	min	max
Dc_r1	а-образный	57	653	1 224	377	61	745
	я-образный	55	607	1 260	370	40	849
	о-образный	6	562	1 069	327	154	572
Dc_r2	а-образный	28	669	1 331	455	90	1 105
	я-образный	6	552	1 275	510	308	667
	о-образный	1	551	1 161	407	407	407
Dc_r3	а-образный	63	653	1 406	395	46	1 215
	я-образный	19	578	1 368	593	192	1 252
	о-образный	1	539	1 085	394	394	394
Dc_r4	а-образный	21	648	1 332	372	159	714
	я-образный	43	542	1 361	419	71	941
	о-образный	2	463	1 020	324	210	438
Dr1	я-образный	7	502	1 618	200	86	505
	а-образный	6	688	1 297	360	130	681
	я-образный	1	573	1 460	537	537	537
Dr2	я-образный	3	647	1 638	386	259	531
	а-образный	10	671	1 301	299	74	600
	о-образный	5	607	1 190	383	271	534
	я-образный	1	551	1 372	218	218	218
	я-образный	2	573	1 616	306	265	347

Окончание табл. 4

Шифр	Простой заполнитель	Количество	F1 (mean)	F2 (mean)	Длительность		
					mean	min	max
Dc3	а-образный	43	699	1 307	441	138	828
	а-образный	41	695	1 346	177	105	470
	х-образный	3	523	1 359	297	174	415
Dc1	ε -образный	2	561	1 768	159	154	164
	а-образный	27	682	1 358	278	123	584
	х-образный	10	603	1 370	464	235	871
Dc2	о-образный	0	–	–	–	–	–
	а-образный	7	649	1 276	424	234	697
	х-образный	2	496	1 315	430	334	526
Dc3	о-образный	0	–	–	–	–	–
	а-образный	34	647	1 403	336	116	1 106
	х-образный	15	567	1 332	387	88	801
Dc4	о-образный	1	607	1 132	213	213	213
	а-образный	18	656	1 279	234	52	468
	х-образный	10	581	1 440	328	111	632
	о-образный	1	561	1 085	200	200	200

Примечание: mean – среднее значение, min – минимальное значение, max – максимальное значение.

общепринятого нижнего порога восприятия паузы (подробнее об этом см. [Вольская, 2004, с. 131–133; Rose, 1998, pp. 6–7]. Анализ направления движения F0 (см. кривую основного тона (=Pitch) на рис. 2–12) показывает, что практически все заполнители – как простые, так и сложные, как в родной, так и в акцентной речи – были реализованы ровным тоном, без выраженного движения кривой основного тона вверх или вниз. Исключения были редкими: отмечались единичные случаи нисходящего (например, на рис. 13 – выраженная деклинация) и восходящего тонов. Очевидно, что указанную тенденцию преобладания ровного тона можно считать универсальной и что тональный характер китайского языка, в отличие от русского, этому процессу не препятствует.

В качественном составе вокалических заполнителей были также выделены универсальные и специфические черты. Так, наиболее типичным вокалическим заполнителем и у русских, и у китайских дикторов в русской речи оказался [a]-образный гласный. Только у одного из китайских дикторов он уступал по частотности гласному [ɤ]. Для трех из четырех дикторов-китайцев это преобладание оказалось значительным – в 2–4 раза. В речи носителей русского языка [a]-образный заполнитель был немного более открытым, чем в русской речи китайцев и родной китайской речи, о чем свидетельствуют значения F1, которые у китайцев систематически немного ниже, чем у русских (648–669 и 671–699 Гц соответственно). На рис. 2–3 приведены соответствующие примеры реализации данного заполнителя в речи китайского и русского дикторов.

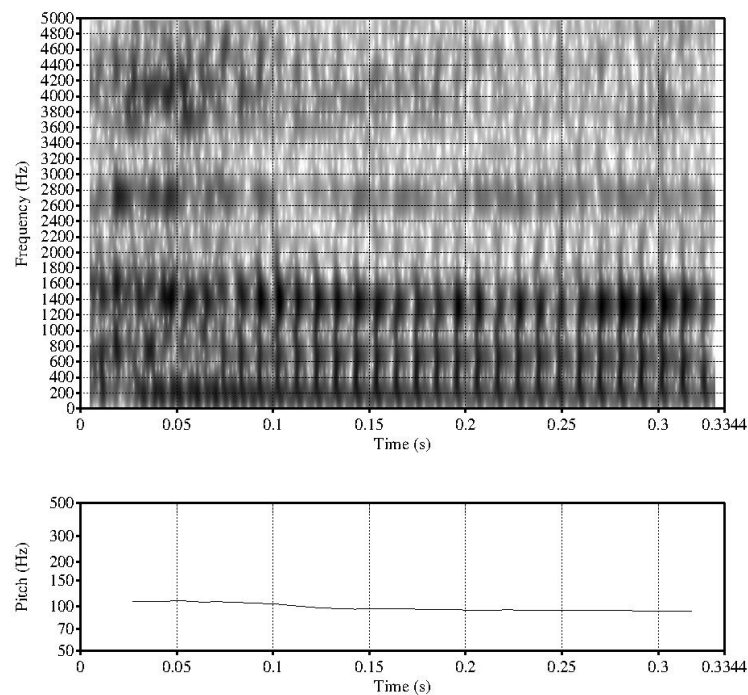

Рис. 2. а-образный заполнитель в речи диктора-китайца
Fig. 2. a-like filler from a Chinese speaker

Один из русских дикторов сравнительно часто использовал [o]-образный гласный (в речи других русских дикторов этот заполнитель не встретился), однако все китайцы в своей русской речи изредка употребляли этот заполнитель (см. рис. 4–5). В отличие от предыдущего заполнителя, данный заполнитель характеризуется более низкими значениями F1 (463–607 Гц) и F2 (1 020–1 190 Гц).

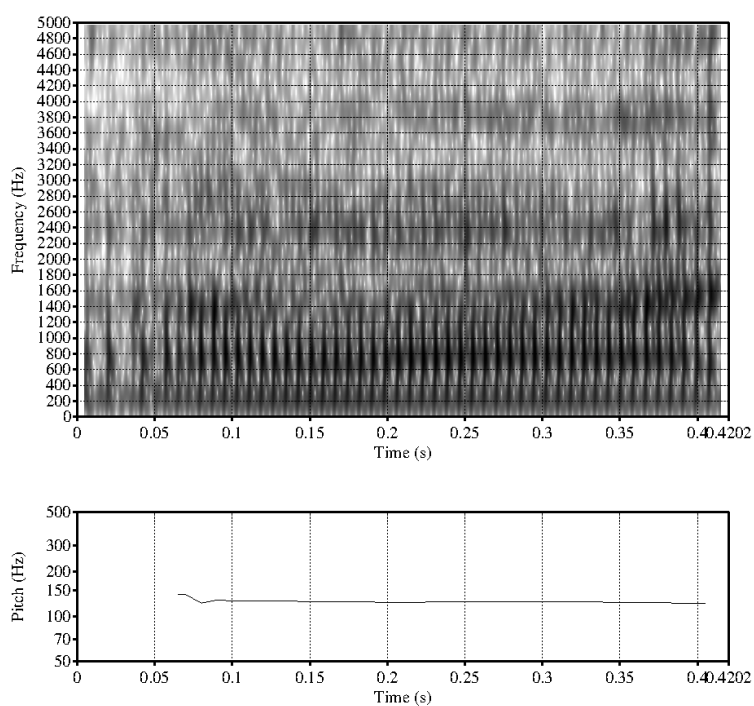

Рис. 3. а-образный заполнитель в речи диктора-русского
Fig. 3. a-like filler from a Russian speaker

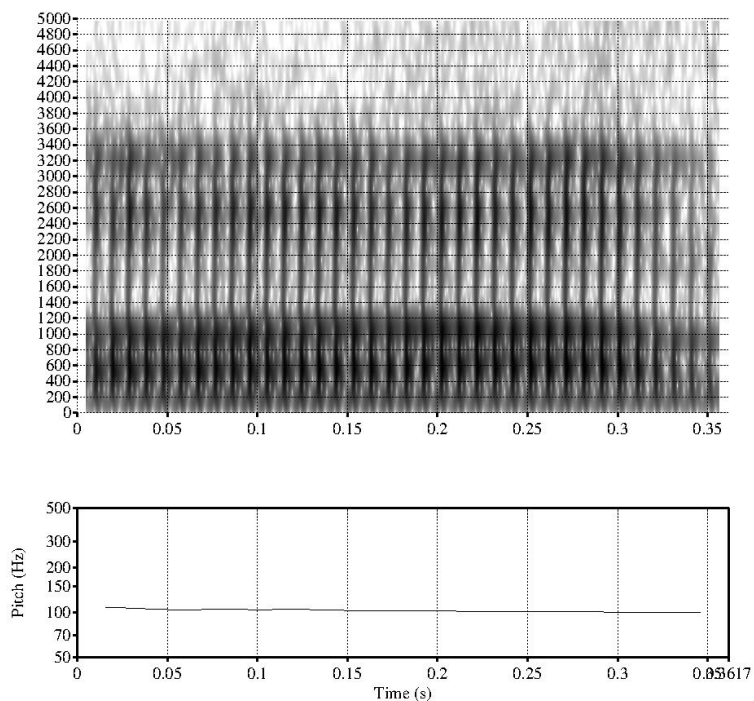

Рис. 4. о-образный заполнитель в речи диктора-русского
Fig. 4. o-like filler from a Russian speaker

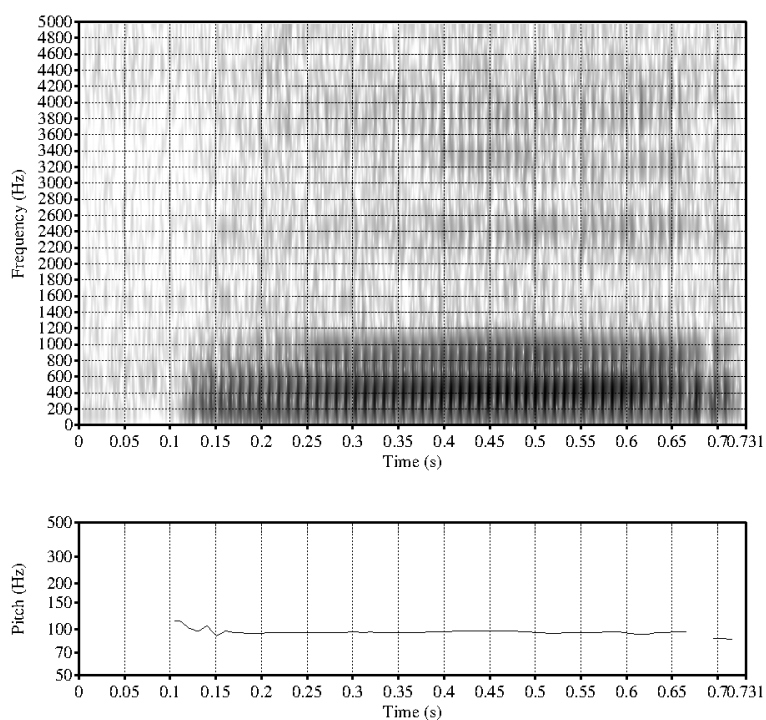

Рис. 5. о-образный заполнитель в речи диктора-китайца
 Fig. 5. o-like filler from a Chinese speaker

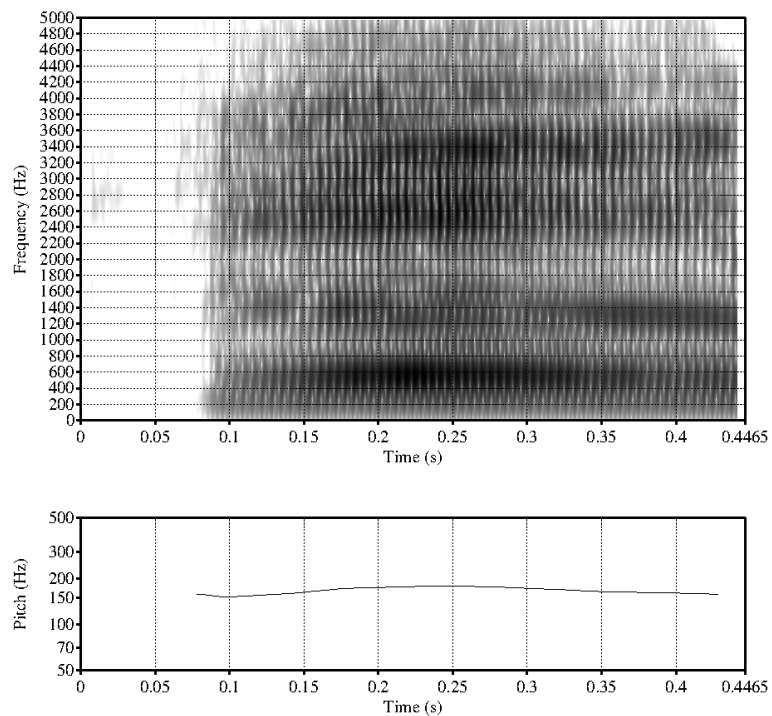

Рис. 6. γ-образный заполнитель в речи диктора-русского
 Fig. 6. γ-like filler from a Russian speaker

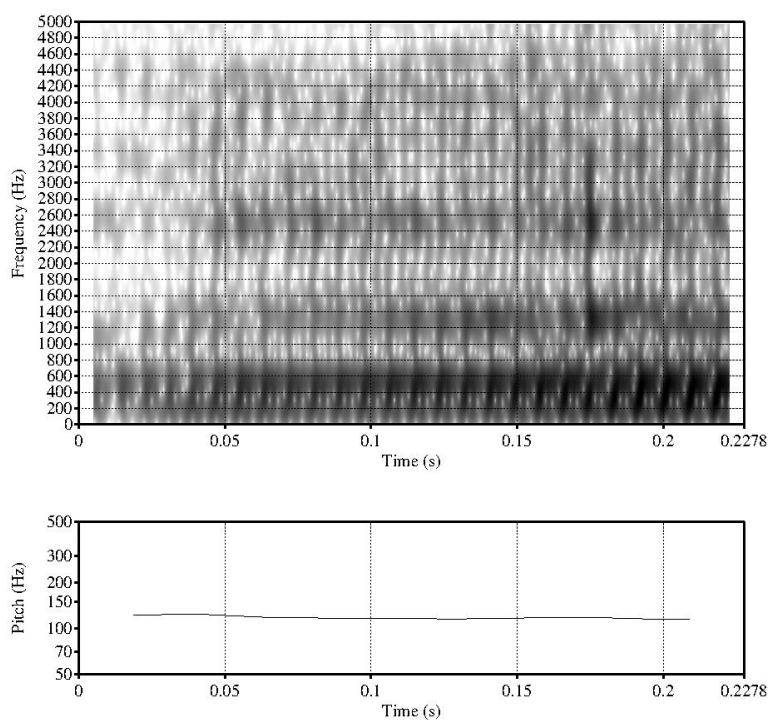

Рис. 7. γ -образный заполнитель в речи диктора-китайца
Fig. 7. γ -like filler from a Chinese speaker

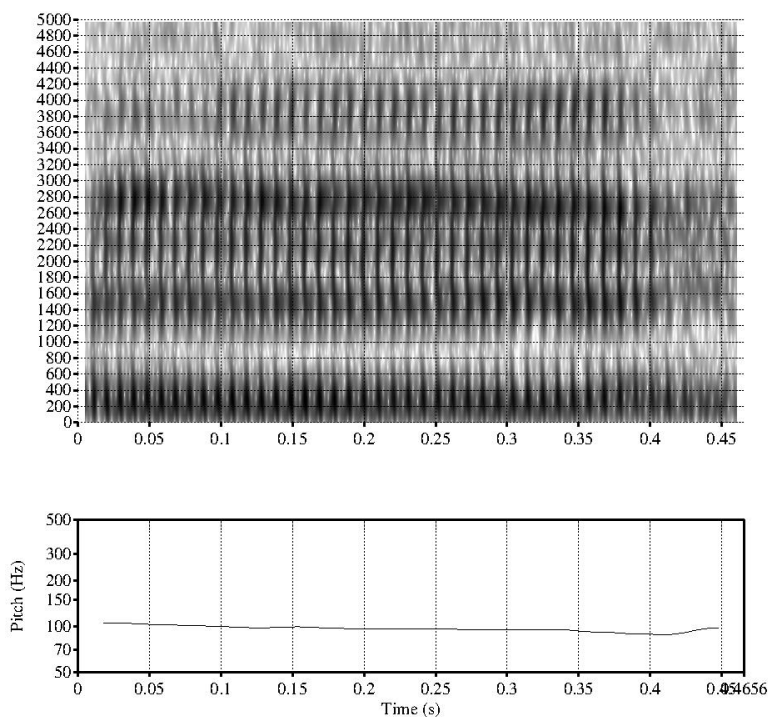

Рис. 8. m-образный заполнитель в речи диктора-китайца
Fig. 8. m-like filler from a Chinese speaker

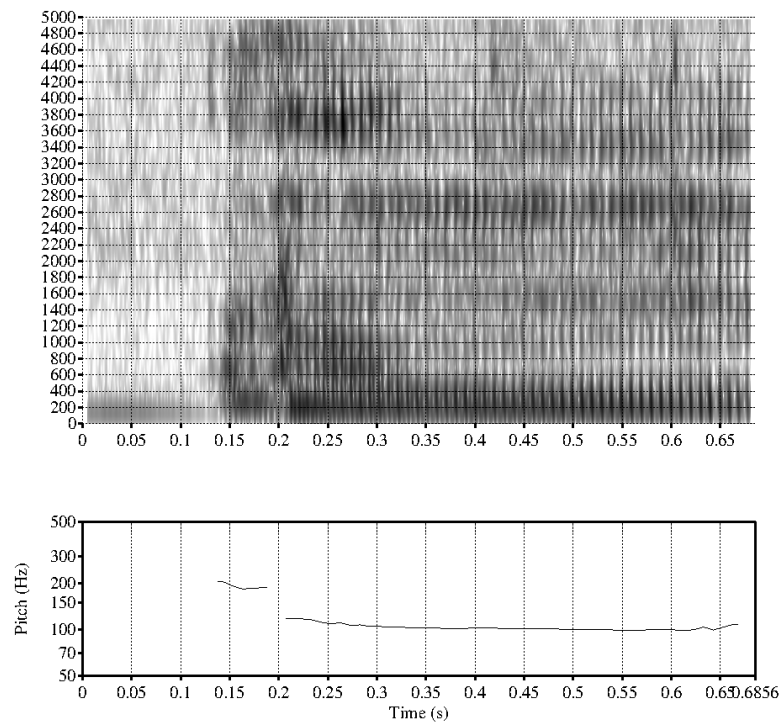

Рис. 9. [ɿ] заполнитель в речи диктора-китайца
 Fig. 9. [ɿ] filler from a Chinese speaker

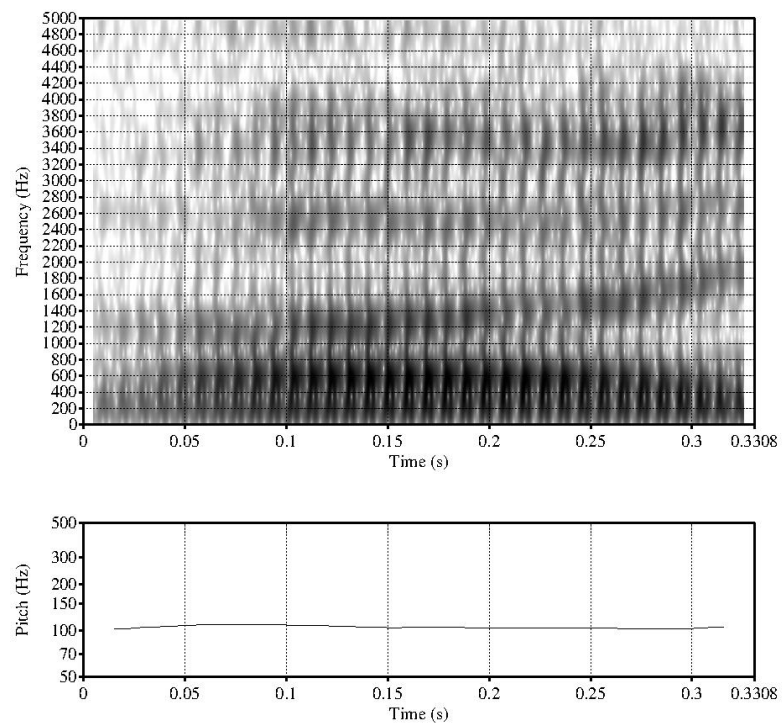

Рис. 10. [ai] заполнитель в речи диктора-китайца
 Fig. 10. [ai] filler from a Chinese speaker

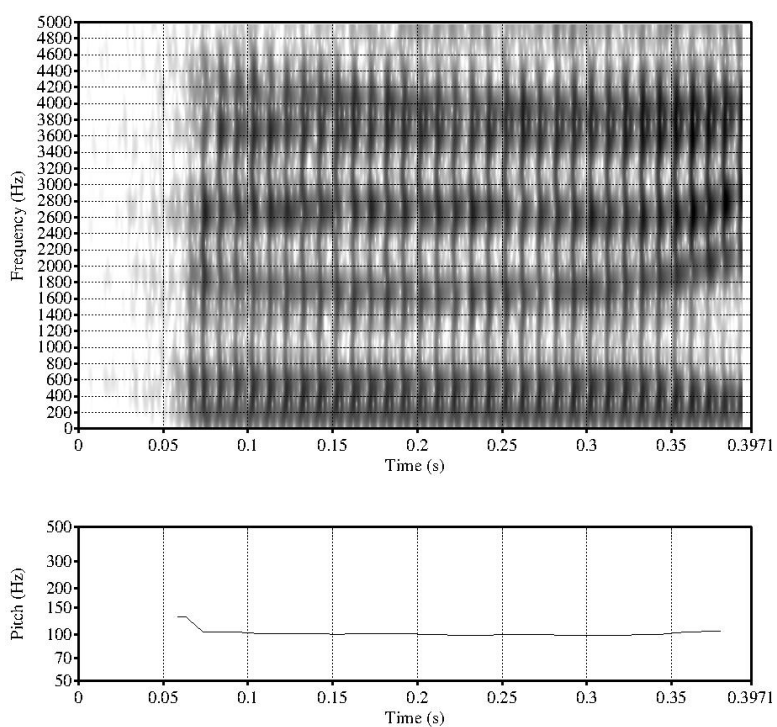

Рис. 11. [ei] заполнитель в речи диктора-китайца
Fig. 11. [ei] filler from a Chinese speaker

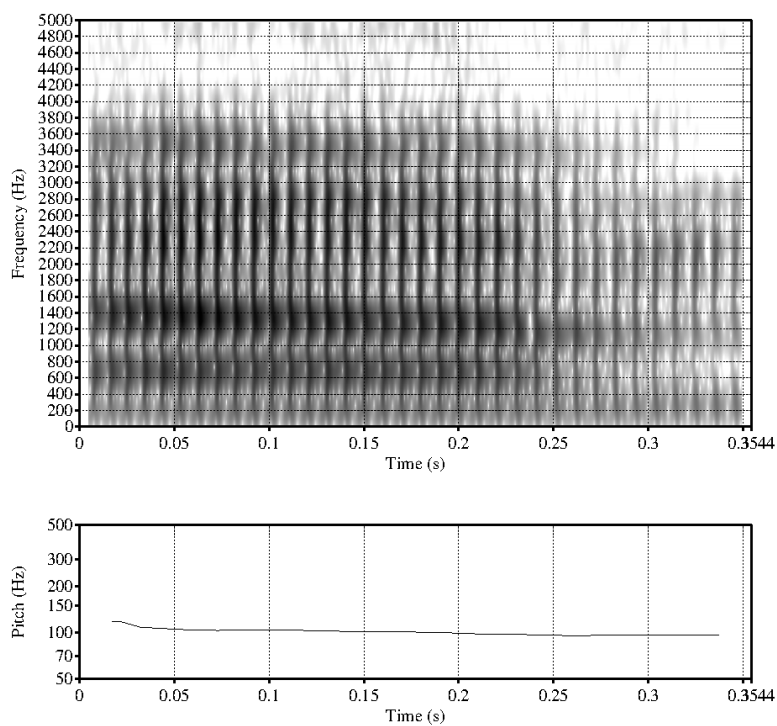

Рис. 12. [am] заполнитель в речи диктора-русского
Fig. 12. [am] filler from a Russian speaker

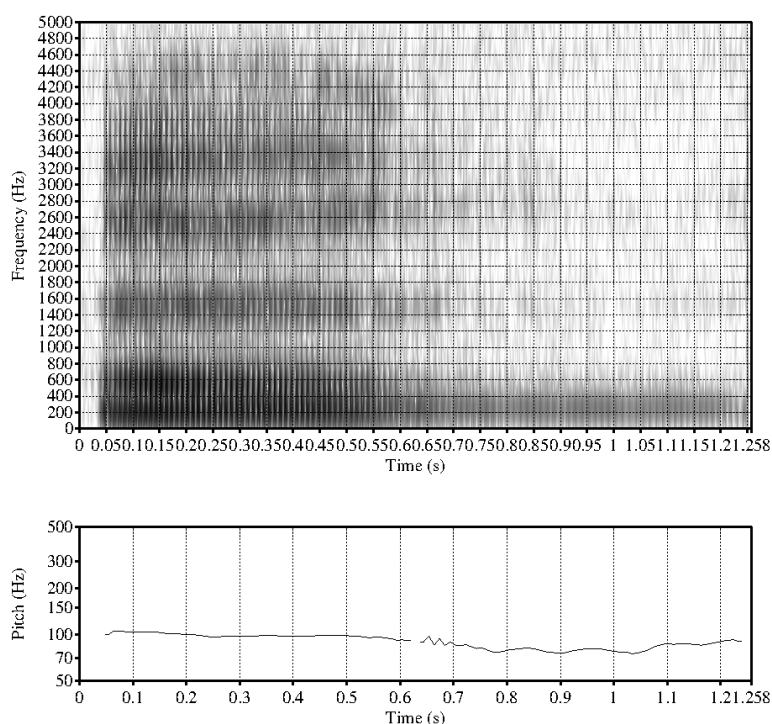

Рис. 13. [ɛn] заполнитель в речи диктора-китайца
 Fig. 13. [ɛn] filler from a Chinese speaker

Три из четырех русских дикторов также изредка употребляли [m]-образный заполнитель (по 2–4 случая); этот заполнитель встречался гораздо чаще в русской речи китайцев (кроме Dc_r3). Двое русских (реже) и все китайские (чаще) дикторы использовали разные сочетания гласных заполнителей: [ou], [ɛo], [ai], [ei], [ao]. Однако у русских были отмечены лишь единичные случаи, носящие индивидуальный характер. Двое китайских дикторов употребляли сочетания гласных только в русской речи, а оставшиеся двое – и в русской, и в китайской. Типичный пример показан на рис. 8.

Только у китайцев систематически встречался заполнитель [ɣ] (как в китайском слове «гусь», но реализованный ровным тоном), а для русских дикторов этот заполнитель был не характерен и встречался очень редко (см. рис. 6–7). В целом, данный заполнитель схож с [a]-образным по ряду (близкие значения F2), но более закрыт (меньшие значения F1). Наконец, совершенно уникальными заполнителями для речи изученных китайских дикторов являются сочетания гласного с заднеязычным или переднеязычным носовым сонантом – [ɲ] (встретился в речи всех китайцев) (см. рис. 9) и [ɛn] (у двух китайцев в русской речи и у трех – в китайской) (см. рис. 13).

Заполнители [m] и [am] (см. рис. 12) периодически используются почти всеми русскими и китайскими дикторами, а заполнители [ɲ] и [ɛn] встречались только у китайских дикторов (у одних реже, у других чаще).

Сложные гласные заполнители использовались в целом редко. Только два русских диктора изредка прибегали к ним. Все китайские дикторы употребляли сложные гласные, но двое из них – только в русской речи, а двое – и в русской, и в китайской. Сложные гласные в речи китайцев отличались большим разнообразием, чем в речи русских. Примеры продемонстрированы на рис. 10–11.

Заполнители в русской и китайской речи китайцев оказались схожими. Вместе с тем зафиксирован ряд отличий. Заполнители [a] и [ɣ] в русской речи у китайцев используются чаще, чем в своей китайской речи.

В русской речи китайские дикторы использовали заполнитель [m] чаще, чем в своей китайской речи, кроме одного диктора, а заполнитель [am] половина дикторов использовала в китайской речи сравнительно часто, а в русской – довольно редко. В то же время три из четырех носителей русского языка довольно часто использовали [am] в качестве заполнителя.

Заключение

Проведенное исследование позволило сделать ряд выводов. Во-первых, подавляющее большинство носителей русского и китайского языков в своей речи предпочитали незаполненные паузы. Во-вторых, универсальным и самым частотным вокалическим заполнителем пауз у подавляющего большинства дикторов является а-образный гласный, к универсальным, но гораздо менее частотным заполнителям можно также отнести [m] и [am]. В-третьих, [ɣ]-образный гласный можно считать явным маркером китайского акцента в русской интерферированной речи; [o]-образный гласный, скорее всего, следует считать дополнительным маркером китайского акцента, учитывая его более низкую частотность по сравнению с [ɣ]-образным заполнителем. В-четвертых, разнообразие сложных гласных и сочетание гласного с заднеязычным и переднеязычным носовыми сонантами характерны для китайских хезитаций. При этом первые явно «спровоцированы» наличием дифтонгов в системе китайских финалей. Наконец, подавляющее большинство заполнителей реализовано ровным тоном.

Необходимо проведение перцептивного эксперимента для того, чтобы определить, могут ли носители русского и китайского языков распознать русских и китайцев только по заполнителям пауз. Результаты такого эксперимента могут оказаться полезными для разработчиков автоматических систем речевосприятия.

Список литературы

- Блохина Л. П.** Специфика фонетической организации спонтанных текстов // Звучащий текст. М., 1983. С. 61–74.
- Вольская Н. Б.** О паузе и не только о ней // Фонетические чтения в честь 100-летия со дня рождения Л. Р. Зиндера: Сб. ст. / Науч. ред. Л. В. Бондарко. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2004. С. 129–136.
- Зиндер Л. Р.** Общая фонетика // Зиндер Л. Р. **Общая фонетика и избранные статьи.** СПб.: Филол. фак. С-Петербур. гос. ун-та; М.: Академия, 2007. С. 7–354.
- Интерференция звуковых систем / Под ред. Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкой. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 280 с.
- Ли И., Андросова С. В.** Фонетические особенности слов в их обычных функциях и в качестве слов-паразитов (на материале китайского языка) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5, № 3. С. 99–116.
- Савинский В. Г.** Распределение и функции пауз в ритмико-смысловом членении устной речи // Вестник Моск. ун-та. Серия 9 «Филология». 1981. № 2. С. 62–71.
- Светозарова Н. Д.** Просодическая организация высказывания и интонационная система языка: Дис. ... д-ра филол. наук / Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. Л., 1983. 514 с.
- Тэн Х.** Универсальные и типологические черты паузации в спонтанной речи носителей разных языков // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Вып. 1, № 2. С. 105–113.

- Тэн Х., Андросова С. В.** Общие и специфические проявления феномена хезитационного удлинения в русской и китайской спонтанной речи // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. 2016. Вып. 2 (741). С. 83–93.
- Шевченко Т. И.** Фонетика и фонология английского языка: Курс теоретической фонетики английского языка для бакалавров. Дубна: Феникс+, 2011. 256 с.
- Чэн Ч.** О способах «выхода» говорящего из хезитационной заминки: on-line и off-line коррекция в русской речи носителей китайского языка // Коммуникативные исследования. 2016а. № 3 (9). С. 55–66.
- Чэн Ч.** Русская спонтанная речь на неродном языке: анализ хезитации (на материале русской речи китайцев) // Вестник Перм. ун-та. Серия: Российская и зарубежная филология. 2016б. Вып. 1 (33). С. 53–62.
- Burchfield L. A., Bradlow A. R.** Syllabic reduction in Mandarin and English speech. *JASA*, 2014, no. 135 (6). DOI 10.1121/1.4874357
- Cao J.** Rhythm of spoken Chinese – Linguistic and paralinguistic evidences. In: Proc. of the 6th International Conference on Spoken Language Processing (ICSLP 2000). Beijing, China, 2000, pp. 1–4.
- Cheng C., Xu Y.** Extreme reductions: Contraction of disyllables into monosyllables in Taiwan Mandarin. In: Proc. of Interspeech, 2009. ISCA, Brighton, UK, 2009, pp. 456–459.
- Chen A. C.-H., Tseng S.-C.** Prosodic encoding in Mandarin spontaneous speech: Evidence for clause-based advanced planning in language production. *Journal of Phonetics*, 2019, no. 76, pp. 1–22. DOI 10.1016/j.wocn.2019.100912
- Rose L. R.** The Communicative Value of Filled Pauses in Spontaneous Speech: A Thesis submitted to the Faculty of Arts of the University of Birmingham in part fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts in TEFL/TESL. Birmingham, 1998, 98 p. URL: <http://www.roselab.sci.waseda.ac.jp/resources/file/madissertation.pdf> (дата обращения 03.03.2017).
- Sun Y., Shih C.** Boundary-conditioned anticipatory tonal coarticulation in Standard Mandarin. *Journal of Phonetics*, 2021, no. 84, pp. 1–27. DOI 10.1016/j.wocn.2020.101018
- Tseng S. C.** Contracted Syllables in Mandarin: Evidence from Spontaneous Conversations. *Language and Linguistics*, 2005, no. 6 (1), pp. 153–180.
- Yang L., Esposito R.** Tonal variations in Mandarin: Data from spontaneous and read speech. In: ICPHS XVII. Hong Kong, 2011, pp. 2200–2203.

References

- Blokhina L. P.** Spetsifika foneticheskoi organizatsii spontannykh tekstov [Specificity of spontaneous text phonetic arrangement]. In: *Zvuchashchiiy tekst [Oral text]*. Moscow, 1983, pp. 61–74. (in Russ.)
- Bondarko L. V., Verbitskaya L. A.** (eds.). *Interferentsiya zvukovykh sistem [Language interference of sound systems]*. Leningrad, LSU Press, 1987, 280 p. (in Russ.)
- Burchfield L. A., Bradlow A. R.** Syllabic reduction in Mandarin and English speech. *JASA*, 2014, no. 135 (6). DOI 10.1121/1.4874357
- Cao J.** Rhythm of spoken Chinese – Linguistic and paralinguistic evidences. In: Proc. of the 6th International Conference on Spoken Language Processing (ICSLP 2000). Beijing, China, 2000, pp. 1–4.
- Chen A. C.-H., Tseng S.-C.** Prosodic encoding in Mandarin spontaneous speech: Evidence for clause-based advanced planning in language production. *Journal of Phonetics*, 2019, no. 76, pp. 1–22. DOI 10.1016/j.wocn.2019.100912
- Cheng Ch.** О способах “vykhoda” govoryashchego iz khezitatsionnoi zaminki: on-line i off-line korrektsiya v russkoi rechi nositelei kitayskogo yazyka [On the ways “to bypass” a hesitation stammer: on-line and off-line correction in Russian speech of Chinese native speakers]. *Kommunikativnye issledovaniya*, 2016, vol. 3 (9), pp. 55–66. (in Russ.)

- Cheng Ch.** Russkaya spontannaya rech' na nerodnom yazyke: analiz khezitatsii (na materiale russkoi rechi kitaytsev) [Spontaneous speech in Russian as a foreign language: Analysis of hesitation (A case study of Chinese students' speech)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2016, vol. 1 (33), pp. 53–62. (in Russ.)
- Cheng C., Xu Y.** Extreme reductions: Contraction of disyllables into monosyllables in Taiwan Mandarin. In: Proc. of Interspeech, 2009. ISCA, Brighton, UK, 2009, pp. 456–459.
- Li Y., Androsova S. V.** Foneticheskie osobennosti slov v ikh obychnykh funktsiyakh i v kachestve slov-parazitov (na materiale kitaiskogo yazyka) [Phonetic patterns of words in their ordinary functions and as parasite words (Based on Chinese)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*, 2019, no. 5 (3), pp. 99–116. (in Russ.)
- Rose L. R.** The Communicative Value of Filled Pauses in Spontaneous Speech: A Thesis submitted to the Faculty of Arts of the University of Birmingham in part fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts in TEFL/TESL. Birmingham, 1998, 98 p. URL: <http://www.roselab.sci.waseda.ac.jp/resources/file/madissertation.pdf> (accessed: 03.03.2017).
- Savinsky V. G.** Raspredelenie i funktsii pazv v ritmiko-smyslovom chlenenii ustnoi rechi [Distribution and functions of pauses in rhythmic and semantic segmentation of oral speech]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9 "Filologiya"*, 1981, no. 2, pp. 62–71. (in Russ.)
- Shevchenko T. I.** Fonetika i fonologiya angliyskogo yazyka [English phonetics and phonology]. A theoretical course for Bachelor students. Dubna, Feniks+ Publ., 2011, 256 p. (in Russ.)
- Sun Y., Shih C.** Boundary-conditioned anticipatory tonal coarticulation in Standard Mandarin. *Journal of Phonetics*, 2021, no. 84, pp. 1–27. DOI 10.1016/j.wocn.2020.101018
- Svetozarova N. D.** Prosodicheskaya organizatsiya vyskazyvaniya i intonatsionnaya sistema yazyka [Prosodic arrangement of the utterance and intonation system of the language]. Dr. Philol. Sci. Diss. Leningrad, LSU Press, 1983, 514 p. (in Russ.)
- Teng H.** Universal'nye i tipologicheskie cherty pazvatsii v spontannoii rechi nositeley raznykh yazykov [Universal and language-specific features of pauses in spontaneous speech of speakers of different languages]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*, 2015, vol. 1, no. 2, pp. 105–113. (in Russ.)
- Teng H., Androsova S. V.** Obshchie i spetsificheskie proyavleniya fenomena khezitatsionnogo udlineniya v russkoy i kitayskoy spontannoii rechi [Common and Specific Patterns of Hesitation Lengthening Phenomenon in Russian and Chinese Spontaneous Speech]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2016, vol. 2 (741), pp. 83–93. (in Russ.)
- Tseng S. C.** Contracted Syllables in Mandarin: Evidence from Spontaneous Conversations. *Language and Linguistics*, 2005, no. 6 (1), pp. 153–180.
- Volskaya N. B.** O pauze i ne tol'ko o nei [Concerning pauses and not only]. In: Bondarko L. V. (ed.). Foneticheskie chteniya v chest' 100-letiya so dnya rozhdeniya L. R. Zindera [Phonetic readings in honor of L. R. Zinder and his 100th birthday]. St. Petersburg, SPbSU Press, 2004, pp. 129–136. (in Russ.)
- Yang L., Esposito R.** Tonal variations in Mandarin: Data from spontaneous and read speech. In: ICPhS XVII. Hong Kong, 2011, pp. 2200–2203.
- Zinder L. R.** Obshchaya fonetika [General phonetics]. In: Zinder L. R. Obshchaya fonetika i izbrannye stat'i [General phonetics and selected papers]. St. Petersburg, Philological Faculty of St. Petersburg Uni. Publ.; Moscow, Akademiya Press, 2007, pp. 7–354. (in Russ.)

Информация об авторах

Хай Тэн, кандидат филологических наук, доцент

Светлана Викторовна Андросова, доктор филологических наук, профессор

Information about the Authors

Hai Teng, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
Svetlana V. Androsova, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Вклад авторов

Хай Тэн – получение акустических данных и их обработка; написание исходного текста и итоговых выводов.

Светлана Викторовна Андросова – научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; доработка текста и итоговых выводов.

Contribution of the Authors

Hai Teng – obtaining acoustic data and their processing, writing the draft, making final conclusions.

Svetlana V. Androsova – scientific supervision; research concept; methodology development; follow-on revision of the text and final conclusions.

*Статья поступила в редакцию 05.05.2021;
одобрена после рецензирования 20.11.2021; принята к публикации 23.11.2021
The article was submitted 05.05.2021;
approved after reviewing 20.11.2021; accepted for publication 23.11.2021*

Научная статья

УДК 82.091

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-87-93

Горе от ума в романе «Подросток»

Леонид Юделевич Фуксон

Кемеровский государственный университет

Кемерово, Россия

l2fukson@gmail.com

Аннотация

Роман «Подросток» Ф. М. Достоевского и пьесу «Горе от ума» А. С. Грибоедова связывают как прямые отсылки произведения Достоевского к «Горю от ума», так и единство ситуаций и тем. Цель предлагаемой статьи состоит в специальном соотнесении этих текстов. Общей для них прежде всего является сентиментальная коллизия разума и чувства.

В сюжетах соотносимых произведений большую роль играют *слухи о сумасшествии*, которые объединяются с мотивом *открытия тайны* («молвы»). Страх открытия тайны дополняется у Достоевского *темой шпионства, подслушивания*. Значимость для «Горя от ума» и «Подростка» ситуации раскрытия чего-то сокровенного указывает на сложность, двойственность изображаемой реальности. Пьесу и роман объединяет тема *иллюзий*, в которых первоначально пребывают герои. Это тема «неведенья счастливого». Для романа «Подросток», кроме того, важен образ *мизантропа*, который у Грибоедова представлен фигурой Чацкого.

Идея неохватности и нелогичности жизни также является общей для романа Достоевского и пьесы Грибоедова, как показывают сделанные наблюдения.

Тема горя от ума носит глобальный характер, находясь в русле давней и мощной сентиментальной традиции не только русской, но и мировой литературы.

Ключевые слова

горе, ум, чувство, мизантропия, утраченные иллюзии, интертекстуальные связи, сентиментальность

Для цитирования

Фуксон Л. Ю. Горе от ума в романе «Подросток» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 2: Филология. С. 87–93. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-87-93

Woe from Wit in the Novel “The Adolescent”

Leonid Yu. Fukson

Kemerovo State University

Kemerovo, Russian Federation

l2fukson@gmail.com

Abstract

The significant role of the images and the situations of the play by Griboyedov in the novel “The Adolescent” are often noted by Dostoevsky scholars. The novel and the play are connected by the common conflict of reason and feeling. The image of a misanthrope represented by the figure of Chatsky is very important for the novel “The Adolescent.”

In the plots of the compared works rumors of madness play an important role. This gossip is combined with a motive of discovering a secret (or “rumor”). Fear of the discovery of a secret is amplified by the theme of espionage, eavesdropping in the novel by Dostoevsky. The importance of the situation of revealing something intimate for “Woe from

Wit” and “The Adolescent” indicates the complexity and duality of depicted reality. A theme of illusions initially enthralling characters unifies the play and the novel. It is the theme of “happy ignorance.”

The idea of non-inclusiveness and irrationality of life is common for both the play “Woe from Wit” and the novel by Dostoevsky.

The theme of woe from wit is global, and it is in line with ancient and influential sentimental tradition not only for Russian but also for world literature

Keywords

woe, wit, feeling, misanthropy, lost illusions, intertextual links

For citation

Fukson L. Yu. Woe from Wit in the Novel “The Adolescent”. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 2: Philology, pp. 87–93. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-87-93

Значительное место, которое занимают образы и ситуации пьесы Грибоедова в «Подростке» Достоевского, давно отмечалось исследователями романа (скажем, А. Л. Бемом). Из новейших работ, интерпретирующих переключки романа с «Горем от ума», можно назвать, например, небольшую публикацию С. Ю. Неклюдова «Перечитывая роман Достоевского “Подросток”»¹.

Мы рассматриваем этот диалог пьесы и романа в плоскости сентиментальной традиции, в соответствии с которой «ум» героя оказывается «с сердцем не в ладу», причем естественно, что именно *сердце* оценивается как основа существования, а *ум* – как то, что отравляет жизнь человека.

Эпизод «Подростка», описывающий *собрание либералов у Дергачёва* (1, 3, III–V), находит соответствие поданному в пародийном виде рассказу Репетилова о «соке умной молодёжи» (Горе от ума IV, 4)². При этом вступление главного героя романа в спор строится по образцу диалога Чацкого и Молчалина, по наблюдению И. Р. Аскаровой и Т. М. Жапловой [2014, с. 202]. Реплика Аркадия «Моё убеждение, что я никого не смею судить» (1, 3, V) почти повторяет слова Молчалина: «Не смею моего сужденья произнести» (3, 3). На это в обоих текстах следует один вопрос: «Зачем же так секретно?». Подросток говорит: «У всякого своя идея», Молчалин: «...свой талант у всех», после чего как в пьесе, так и в романе, звучит одна и та же вопросительная реплика: «У вас?». Аркадий Долгорукий оказывается здесь в роли недалёкого Молчалина, у которого Чацкий выведывает его подноготную. Это один из моментов, препятствующих упрощённому рассмотрению параллелей пьесы и романа, при котором всё сводится, например, к сравнению Чацкого и Версилова.

В собрании «умной молодёжи» в «Подростке», в частности, обсуждается тезис Крафта о второсортности русского народа (здесь можно увидеть аллюзию на Чаадаева, фигура которого тоже связывает сопоставляемые тексты Грибоедова и Достоевского). Например, когда Крафт говорит о том, что все живут «точно на постоялом дворе и завтра собираются вон из России...» (1, 4, I), то это совпадает с мыслями из первого «философического письма» Чаадаева: «В своих домах мы как будто на постое...». Затем спор с темы России сворачивает на соотнесение разума и чувства, столь важное как для пьесы Грибоедова, так и для романа «Подросток». Таким образом, как мы видим, на «учёный» диспут в романе падает смысловой ответ «Горя от ума». Причём «ум» и «чувство» оказываются в произведении Достоевского не просто темой обсуждения, а сталкиваются как насмешка, с одной стороны, и обида, с другой, аналогично насмешкам и «оскорблённому чувству», занимающим значительное место в мире пьесы Грибоедова.

В романе «Подросток» звучит тема *мизантропии*, которая у Грибоедова олицетворяется в одинокой фигуре Чацкого (что особенности видно из его финального монолога – 4, 14) и соотносит его образ с мольеровским Альцестом. Эта тема ассоциируется в романе Досто-

¹ URL: https://www.booksite.ru/fulltext/dos/toj/evs/kii/dostojevskii_f/sbor_stat/71.htm (дата обращения 23.06.2021).

² Цифры в скобках означают в романе части, главы и подглавы, а в пьесе – действия и явления.

евского прежде всего с главным героем, а также с его отцом, как показывают следующие наблюдения.

Аркадий говорит в самом начале своей исповеди: «...порешил отказаться от них всех и уйти в свою идею уже окончательно» (1, 1, VII); «...тотчас же с ними порву, брошу всё и уйду в свою скорлупу!» (там же); «... я и теперь предпочитаю закупориться ещё больше в угол, хотя бы в самом мизантропическом виде: “Пусть я неловок, но – прощайте!”» (1, 2, III); «...я сделал себе угол и жил в углу» (1, 3, III); «Моя идея – угол» (1, 3, IV); «А отчасти моя идея именно в том, чтобы меня оставили в покое» (1, 3, V).

Повторяющийся в словах Подростка образ «угла» напоминает о последних словах Чацкого: «...пойду искать по свету, / Где оскорблённому есть чувству уголок...» (4, 14). И в этой параллели обязательно следует заметить: Чацкий откровенно говорит о том, о чём умалчивает Аркадий, – об «оскорблённом чувстве», которое связывает мольеровского мизантропа с героями Грибоедова и Достоевского. Вот откуда вытекает признание подростка: «...с двенадцати лет (...) я стал не любить людей. Не то что не любить, а как-то стали они мне тяжелы» (1, 5, III).

Образ мизантропа проецируется не только на главного героя романа. Аркадий описывает своего отца: «...я видел высокомерного человека, которого не общество исключило из своего круга, а который скорее сам прогнал общество от себя...» (1, 1, VIII). Это, конечно, полностью применимо и к Чацкому. Версиров говорит в откровенном разговоре Аркадию: «Друг мой, любить людей так, как они есть, невозможно. И, однако же, должно. И потому делай им добро, скрепя свои чувства, зажимая нос и закрывая глаза (последнее необходимо)... Любить своего ближнего и не презирать его – невозможно» (2, 1, IV).

Эта ситуация мизантропического противостояния героя окружающему миру развёртывается в истолковании подростком спектакля «Горе от ума»: «Я с замиранием следил за комедией; в ней я, конечно, понимал только то, что *она ему* изменила, что над ним смеются глупые и недостойные пальца на ноге его люди. Когда он декламировал на бале, я понимал, что он унижен и оскорблён, что он укоряет всех этих жалких людей, но что он – велик, велик!» (1, 6, III). Такая проекция пьесы на роман, во-первых, организует своего рода художественное уравнение между Чацким и исполняющим его роль Версировым, а во-вторых – между героем пьесы и сочувствующим ему подростком. Униженность и оскорблённость героя (здесь к описанию Чацкого подключается словарь автора романа «Подросток», что заметил С. Ю. Неклюдов в упомянутой нами ранее статье) контрастно соединяется с его возвышением над окружающими. Напрашивается параллель *Чацкий – Версиров*, что обосновано в сюжете романа прежде всего упомянутым участием Версирова в любительском спектакле именно в роли Чацкого. Кроме того, А. Л. Бем убедительно сравнивает отношения Версирова к Ахмаковой и Чацкого к Софии [Бем, 2001, с. 43]. Действительно, когда, например, Версиров утверждает, что Ахмакова «обязана иметь все совершенства», а подросток спрашивает, почему, он «злобно» вскрикивает: «Потому что, имея такую власть, она обязана иметь все совершенства!» (3, 8, II). Точно так же рассуждает Чацкий: любовь непременно предполагает совершенство, а такого, как Молчалин («с такими чувствами, с такой душой...»), любить якобы невозможно. И в пьесе, и в романе этот рассудочный тезис опровергается жизнью.

Версиров в задушевной беседе со своим незаконнорождённым сыном (3, 7, II–III) называет себя «*скитальцем*», в котором следует узнать Чацкого, но также Чаадаева – русского европейца. Известно, что Чацкий был вначале Чадским. Первый вариант не только отсылает – более определённо, чем Чацкий, – к имени Чаадаева, но и к семантике *чада*, которая связывает эти фигуры – вымышленную и реальную, историческую – с темой сумасшествия. Слово «*чад*» и его синонимы («наваждение», «сон», «бред», «сумасшествие») множество раз повторяются в романе «Подросток» (см., например: 3, 8, II; 3, 9, I; 3, 12, III).

Один из важных элементов сюжета пьесы Грибоедова – *слухи о сумасшествии*. В романе подобные слухи на свой счёт подозревает старый князь Сокольский (1, 2, I). При этом сам он в конце насмешливо замечает уже по поводу Версирова: «Итак, наш Андрей Петрович с ума

спятил; “как невзначай и как проворно!”» (3, 11, IV). Князь цитирует слова Хлэстовой из «Горя от ума» (3, 21). На эту аллюзию ещё в начале 30-х годов прошлого века указывал А. Л. Бем [2001, с. 44]. В том же ряду находится фраза Крафта о том, что лучшие люди «теперь все помешанные» (1, 4, I). Татьяна Павловна в сердцах отзывается о Подростке, что его «за помешанного аттестовали» (1, 8, III). Барон Р. заявляет Версилкову, что его «аттестовали» «настоящим помешанным маньяком» (2, 8, IV). Сам Аркадий называет своего отца сумасшедшим (3, 10, III). И т. д.

Образный ряд слухов о сумасшествии объединяется в романе Достоевского с мотивом *страха открытия тайны* («молвы»). Дочь опасается разоблачения в глазах отца: в романе Ахмакова страшится обнаружения своего письма насчёт возможной опеки над отцом, в пьесе София боится, что Фамусову станут известны её амурные с Молчалиным, который, в свою очередь, восклицает: «Ах! злые языки страшнее пистолета» (2, 11), а в романе «Подросток» князь Сокольский сетует: «Люди – злые языки...» (2, 8, II). Боязнь молвы звучит в сентенции Лизы «Грех не беда, молва не хороша» (1, 5), а в финале пьесы Фамусов укоряет дочь:

А ты меня решила уморить?
Моя судьба ещё ли не плачевна?
Ах! боже мой! что станет говорить
Княгиня Марья Алексевна!

Страх открытия тайны дополняется у Достоевского *темой шпионства, подслушивания, выведывания*, развёртывающейся во множестве эпизодов романа: подслушивающий у дверей соседок Васина Стебельков (1, 8, II); нечаянно услышанный Аркадием разговор Ахмаковой и Татьяны Павловны, в котором Катерина Николаевна называет Подростка *petit espion* (1, 8, III); Стебельков предлагает Аркадию шпионить на него (2, 3, I); Лиза убеждает брата в том, что Анна Андреевна хочет у него «выведать» тайну (2, 3, IV); также Ахмакова выспрашивает у Подростка, что он знает о компрометирующем её письме, а он сам признаётся, что ожидал увидеть в ней «выведывающую змею» (2, 4, II). По сути, все персонажи, как бы группируясь вокруг Подростка, охотятся за документом, которым он обладает, и шпионят за героем, например, хозяйка квартиры (3, 10, I), а также Альфонсинка и Ламберт, которых обвиняет сам Аркадий (3, 9, V), но, в свою очередь, Ламберт называет Подростка шпионом (3, 11, I), а в казино у Зерщикова герой грозит донести на всех в полицию (2, 8, VI). Аркадий подслушивает разговор Версилова и Ахмаковой (3, 10, III–IV), да и план героя уличить Ахмакову, который он излагает Ламберту, тоже строится на подслушивании (3, 11, I). «Она – правдивая и честная, а я – я шпион и с документами!» – с горечью признаётся Подросток (3, 11, I). В финальной сцене читатель видит двойное подслушивание разговора Ламберта с Катериной Николаевной – Версильковым и Аркадием (3, 12, V). Это совершенно аналогично двойному подслушиванию в финале «Горя от ума». И в сюжетах обоих произведений эти сцены играют аналогичную роль горестной развязки.

Значимость для «Горя от ума» и «Подростка» ситуации раскрытия чего-то сокровенного указывает на сложность, двойственность изображаемой реальности. Пьесе и роман объединяет тема *иллюзий*, в которых первоначально пребывают герои, тема «неведенья счастливого». Например, Подросток называет себя «слепым кротом» (2, 3, IV). Двухлетние отношения Версилова с Ахмаковой называются «наваждением», «сном», «чадом», «видением» (3, 8, II). Так же видит свою любовь Чацкий: «...отрезвился я сполна...» (4, 14). «Это был чад...», – говорит о себе Версильков, имея в виду свой порыв откровенности перед сыном. Подросток признаётся: «Всё это было давно; но всё это и теперь для меня как мираж» (2, 4, I). В пьесе Чацкий говорит о себе: «Мечтанья с глаз долой – и спала *пелена*». Герой же романа заявляет: «С него надо сорвать *пелену*», имея в виду Версилькова. *Утрата иллюзий* – таков основной сюжетный параллелизм пьесы и романа. Скажем, мнение Катерины Николаевны о «благоразумии» брака по расчёту с Бюрингом исчезает «как дым» (3, 13, I). Конечно, ситуация горького прозрения в наибольшей степени связана с главными героями «Горя

от ума» и «Подростка», но и организует весь художественный мир каждого из обоих произведений.

Очень много места в романе «Подросток» уделено соотношению идей и чувств (например, уже упомянутый ранее спор у Дергачёва: 1, 3, III). Текст Достоевского связывает с пьесой «Горе от ума» тема *книжных мыслей* и *теоретических («бумажных») людей и поступков*. Крафт замечает: «Я не понимаю, как можно, будучи под влиянием какой-нибудь господствующей мысли, которой подчиняются ваш ум и сердце вполне, жить ещё чем-нибудь, что вне этой мысли?» (1, 3, III). Самоубийство доказывает его слова, причём Аркадий тоже живёт под влиянием «господствующей мысли», хотя постоянно «уклоняется» от неё, демонстрируя то, что он как человек шире «идеи». Подросток признаётся, что идея «поглотила» всю его жизнь (1, 1, VII). «Уйти в свою идею» – его версия горя от ума.

Ахмакова называет Версилова «книжным», «бумажным» человеком (3, 8, II), и это, конечно, напоминает о Чацком, который «говорит, как пишет».

В зоне коллизии ума и сердца строится в романе, например, образ Васина, который проецируется парадоксально в одно и то же время на фигуры Молчалина и Чацкого. Пассаж Аркадия о том, как бесит его комната Васина (1, 8, II), отсылает к молчалинским талантам – «умеренности и аккуратности». Любовный же треугольник *Васин – Лиза – князь Сокольский* подобен треугольнику пьесы: *Чацкий – София – Молчалин*. Васин осуждает князя, а Чацкий высмеивает Молчалина, что не нравится соответственно Лизе и Софии. При этом Васин убеждает Лизу в «неразумности» её любви (3, 4, II), что совершенно аналогично взглядам Чацкого, убеждённого, что любить можно не иначе как за достоинства. Поэтому в любовь Софии к Молчалину он не верит: «Шалит, она его не любит» (3, 1). Даже Аркадий с его идеей «ротшильдовского» уединения и могущества говорит о «страшной теоретичности и совершенном незнании жизни» Васина (3, 4, II). Но при этом сам главный герой романа удивляется тому, как полюбили друг друга Версиров и его мать, аналогично тому, как Чацкий удивляется и не верит влюблённости Софии. Он же не верит, что его сестра Лиза «могла такого полюбить» (2, 7, I), подразумевая князя Сокольского. Конечно, последний не Молчалин, но сходство тут в самой мысли, что можно полюбить «за» что-то: «...за что ты его полюбила?».

Герой романа говорит: «Любовь надо заслужить», на что его мать отвечает: «Пока-то ещё заслужишь, а здесь тебя и ни за что любят» (2, 5, I). Таким образом, Подросток думает о любви так же, как Чацкий. Ламберт, пытаясь подделаться под эту книжную логику главного героя, доказывает Аркадию, что Ахмакова должна ответить на его любовь: «...Ты красив, ты воспитан... Ты одет хорошо... И ты добрый... Почему же ей не согласиться?» (3, 6, I). Ламберт вообще ловит Аркадия на «идеи». Он высказывает подростку его же мысли, например, о том, что деньги уравнивают («Это ты хорошо сейчас сказал про капитал...»), – признаёт Аркадий), о том, что «женщина любит деспотизм» (3, 6, I). Читатель романа замечает, что постоянно все персонажи угадывают мысли героя: он не может их скрыть. Эта коллизия взрослой скрытности и детской наивности важна для образа Подростка и сентиментальной интенции произведения Достоевского.

Аркадий Долгорукий убеждён, «что в азартной игре, при полном спокойствии характера, при котором сохранилась бы вся тонкость ума и расчёта, невозможно не одолеть грубость слепого случая и не выиграть...» (2, 6, II). Это преувеличение возможностей ума и расчёта перед лицом неисчерпаемости и непредсказуемости жизни тоже объединяет героя с Чацким.

Тема неохватности и нелогичности жизни является общей для романа Достоевского и пьесы Грибоедова. Нередко в романе «Подросток» фигурирует понятие «широкость». Например, Крафт отзывается об Андроникове как о человеке «хоть и широкого ума, но и “широкой совести”» (1, 4, II). Аркадий размышляет об удивительной способности человека, в особенности русского, «лелеять в душе своей высочайший идеал рядом с величайшею подлостью, и всё совершенно искренно. Широкость ли это особенная в русском человеке, которая его далеко поведёт, или просто подлость – вот вопрос!» (3, 3, I). То же значение понятия

широкости можно увидеть в мыслях Подростка о том, что такая «неприступная и высшая особа, как Анна Андреевна», могла связаться с таким мерзким мошенником Ламбертом «из широкости» (3, 4, I), и сам он слушает Ламберта «из широкости»; или: «Ничего, коль с грязнотцой, если цель великолепно! Потом всё омоется, загладится. А теперь это – только широкость...» (3, 6, I–II). Это последнее рассудочное оправдание указывает на то, что во всех подобных случаях понятие «широкость» в романе есть перифраз свободы от «сужающих» нравственных обязательств.

Однако когда Аркадий говорит о том, что умеет «быть, когда надо, и уступчивым и широким» (3, 3, I), то здесь подразумевается способность отнестись с пониманием к человеку «совершенно иных понятий и воззрений»: человек больше, шире убеждений. Великодушные, умение прощать Подросток называет «умом сердца» (3, 3, I), что совершенно противоположно широкости как нравственной индифферентности. Или когда Версиков говорит об «исторической широкости» русского народа (1, 7, II), это перекликается с понятием «всемирной отзывчивости» из Пушкинской речи Достоевского, т. е. опять же имеется в виду широта понимания.

В сюжете романа «Подросток» значительное место занимают воспоминания о счастливом юном возрасте Аркадия (до пансиона Тушара), смыкающиеся с образом «золотого века» человечества, который Версиков увидел в картине Клода Лоррена «Асис и Галатея» (3, 7, II). Это также тема пьесы Грибоедова: «Где время то? где возраст тот невинный...», – пускается в эгегические воспоминания Чацкий (1, 7). Эгегическая интонация сожаления о прошедшем невинном детстве также объединяет обсуждаемые произведения.

В заключение отметим, что при проводимом нами соотнесении дело состоит не только в совпадении ситуаций романа «Подросток» и пьесы «Горя от ума», но и прежде всего в смысле самого этого многозначного выражения. С одной стороны, вряд ли найдётся художественное произведение, на которое в такой степени повлияла пьеса Грибоедова и в котором присутствуют постоянные прямые отсылки к ней, как в романе «Подросток». Однако, с другой стороны, сама тема горя от ума носит гораздо более глобальный характер, затрагивая давнюю и мощную сентиментальную традицию не только русской, но и мировой литературы.

Список литературы

- Аскарова И. Р., Жаплова Т. М.** Аллюзии и реминисценции из комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова в позднем творчестве Ф. М. Достоевского // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 8-1. С. 199–203.
- Бем А. Л.** Исследования. Письма о литературе. М., 2001. 448 с.

References

- Askarova I. R., Zhaplova T. M.** Alluzii i reministsentsii iz komedii “Gore ot uma” A. S. Griboyedova v pozdnem tvorchestve F. M. Dostoyevskogo [Allusions and reminiscences from the comedy “Woe from wit” by A. S. Griboyedov in the later work of F. M. Dostoyevsky]. *Aktualnie problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [The actual problems of humanities and natural science], 2014, no. 8-1, pp. 199–203. (in Russ.)
- Bem A. L.** Issledovaniya. Pisma o literature [The Investigations. The letters about literature]. Moscow, 2001, 448 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Леонид Юделевич Фуксон, доктор филологических наук, профессор

Information about the Author

Leonid Yu. Fukson, Doctor of Sciences (Philology), Professor

*Статья поступила в редакцию 01.10.2021;
одобрена после рецензирования 18.11.2021; принята к публикации 20.11.2021
The article was submitted 01.10.2021;
approved after reviewing 18.11.2021; accepted for publication 20.11.2021*

Научная статья

УДК 82-3

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-94-99

Ренановский интертекст в рассказе А. П. Чехова «Студент»

Олег Михайлович Колесников

Омский государственный педагогический университет
Омск, Россия
haris67@list.ru

Аннотация

Рассматриваются переключки рассказа А. П. Чехова «Студент» с сочинениями Э. Ренана. В автобиографической книге «Воспоминания детства и юности» повествуется, как двадцатидвухлетний Ренан, студент парижской семинарии, находясь на каникулах в своем родном захолустном городке, решает оставить ортодоксальное христианство и написать критическое жизнеописание Иисуса; это позволяет полагать, что Ренан является прототипом двадцатидвухлетнего студента духовной академии из чеховского рассказа. «По-ренановски» изображаются библейские события в «Студенте»: имитируется стиль ренановской «Жизни Иисуса». Ключевые слова рассказа «правда и красота» находим в трактате «Будущее науки» как альтернативу лексеме «Бог». След религиозно-философских взглядов Ренана приметен в финальных размышлениях чеховского героя.

Ключевые слова

Евангелие, А. П. Чехов, Э. Ренан, «Студент», «Жизнь Иисуса», интертекст, полифонизм

Для цитирования

Колесников О. М. Ренановский интертекст в рассказе А. П. Чехова «Студент» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 2: Филология. С. 94–99. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-94-99

Intertext of Renan in Chekhov's Short Story "The Student"

Oleg M. Kolesnikov

Omsk State Pedagogical University
Omsk, Russian Federation
haris67@list.ru

Abstract

Purpose. The article is devoted to testing the literary intuition of A. P. Chudakov regarding the polyphony of Chekhov's story "The Student" – the sound of Renan's position and the canonical religious one in it. The study uses intertextual, biographical, and structural analysis methods.

Results. The autobiographical work of Renan tells how twenty-two-year-old Renan, a student of the Paris seminary, while on vacation in his hometown in remote Brittany, decides to leave traditional Christianity. Projections of these biographical details are found in Chekhov's favorite short story. The article deals with the stylistic and substantive references of the "Gospel of Velikopolsky" with the world-famous "Life of Jesus". The poetics of ambiguity and understatement in the finale of the story is subordinated to the task of covertly showing the unorthodox way of thinking of the hero of the story. It is quite possible that the story written in 1894 is Chekhov's requiem for Renan, who died two years earlier.

Conclusion. We believe that paying attention to the personality and work of the French writer, philosopher and historian can be very productive, make a tangible contribution to the study of the artistic world of Chekhov.

Keywords

Chekhov, Renan, The Gospel, "The Student", "The Life of Jesus", intertext, polyphonism

For citation

Kolesnikov O. M. Intertext of Renan in Chekhov's Short Story "The Student". *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 2: Philology, pp. 94–99. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-94-99

© Колесников О. М., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 2: Филология. С. 94–99

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 2: Philology, pp. 94–99

Введение

Рассказу А. П. Чехова «Студент» посвящено немало исследований, однако в них до сих пор не получен вывод, сделанный А. П. Чудаковым четверть века назад. Ученый отметил, что в «Студенте» «Чехов изображает библейские события <...> по-ренановски» (курсив наш. – О. К.) [Чудаков, 1996]. Чеховед обнаруживает идеологический полифонизм в рассказе, ведь главное не в стиле, а в идейной позиции, за ним стоящей. Факт звучания ренановского голоса в рассказе нуждается в самой тщательной проверке, тем более потому, что рассказ – пасхальный, а голос – отрицающий Христову победу над смертью. По мысли Ренана, воскресение Иисуса – миф, распространению которого содействовало «живое воображение Марии Магдалины» [1906, с. 242].

Предполагаем, что ренановский интертекст пронизывает рассказ от его названия до последнего слова. В интертекстуальном диалоге принимают участие такие произведения Ренана, как «Воспоминания детства и юности», «Жизнь Иисуса», «Будущее науки» и др.

Результаты исследования

Эрнест Ренан как прототип Ивана Великопольского

Французский историк, лингвист, философ Жозеф Эрнест Ренан (1823–1892) стал всемирно знаменитым после выхода в свет его книги «Жизнь Иисуса» (1863). При создании книги Ренан «опирался на достижения так называемой Тюбингенской школы немецких историков, которые подвергли критическому изучению текст Нового завета» [Кийко, 1980, с. 106]. «Евангелие, – пишет Ренан, – представляет собою легенду; в нем могут быть исторические факты, но, конечно, не всё, что в них заключается, исторически верно» [1906, с. 7]. Расхождения автора «Жизни Иисуса» с традиционным христианством вытекают из его понимания природы библейского откровения.

Герой «Студента» – Иван Великопольский, двадцатидвухлетний «студент духовной академии» [Чехов, 1977, с. 306]¹; это следующая за семинарией ступень духовного образования, кузница будущих архиереев и богословов.

Допускаем, что Чехов проецирует на своего героя черты двадцатидвухлетнего Ренана, студента парижской семинарии, который, находясь на каникулах в своей родной захолустной Бретани, решил порвать с ортодоксальным христианством, «руководствуясь указаниями разума и критического мышления» [Ренан, 1902–1903, т. 10, с. 141]. Если предполагаемая нами проекция верна, то написанный в 1894 г. рассказ – это чеховский реквием умершему двумя годами ранее Ренану.

Несостоявшийся католический священник рассказывает о произошедшем с ним духовном переломе в «Воспоминаниях детства и юности» [Там же, с. 138–144]. Описывая свое пребывание в Бретани в 1845 г. и сообщая об особенностях нового отношения к вере, о приверженности христианству «в духе учений богословов из Галле и Тюбингена», он признается: «Уже в эти минуты мною была вполне задумана Жизнь Иисуса» [Там же, с. 139].

Александр Мень пишет о ренановском «Рубиконе» в книге «Трудный путь к диалогу»: «6 октября 1845 года по широкой лестнице семинарии св. Сюльпиция в Париже спускался молодой человек в сутане <...> Жозефу Эрнесту Ренану было всего 22 года. Еще недавно он готовился принять сан священника. Но теперь эта мысль была оставлена навсегда» [Мень, 1992].

Скорее всего, из «Воспоминаний» в концепцию образа Великопольского перенесены: возраст, учеба в духовных заведениях, каникулы в родном захолустье, пренебрежительное отношение к обрядовой стороне религии. (Двадцатидвухлетний Ренан «перестал принимать

¹ В дальнейшем ссылки приводятся по этому изданию с указанием в скобках страницы.

участие в таинствах Церкви» [Ренан, 1902–1903, т. 10, с. 137], а его ровесник из чеховского рассказа охотится в Страстную Пятницу.)

Склонность Ивана Великопольского к историософским обобщениям, вероятно, также «срисована» с французского историка, который признавался, что «оригинальная среда» его родной Бретани даровала ему «качество, драгоценное при изучении исторических наук», – способность понимания «того или другого строя, совершенно отличающегося от современного» [Там же, с. 45]. Великопольский, обращая внимание на «дырявые соломенные крыши, невежество» своих родных мест, думал, что так было «и при Рюрике, и при Иоанне Грозном, и при Петре...» (с. 306). А вот что было с юным бретанцем: «До 1830 года самое далекое прошлое еще жило в Бретани. В городах пред вами воочию вставал мир XIV и XV столетий. А для внимательного глаза эпоха переселения (V и VI века) была приметна в деревенской жизни» [Там же, с. 45].

Бывший семинарист в «Воспоминаниях» сообщает, что уже в 22 года у него имелся замысел художественной реконструкции евангельских повествований о жизни Иисуса, а Иван Великопольский в 22 года этот замысел частично воплотил в рассказе, который имеет приметы ренановского нарратива.

Стилизация в «Евангелии от Великопольского»

Чеховское произведение представляет собой «рассказ в рассказе». Героями обрамляющего рассказа являются Иван Великопольский и вдовы Василиса и ее дочь Лукерья, его слушательницы. Действующие лица вставного рассказа – Иисус и апостол Пётр. Повествуя о событиях, произошедших накануне распятия Христа, студент привлекает внимание Василисы к богослужебным текстам: «Небось, была на двенадцати евангелиях?» (с. 307). «Двенадцать Евангелий» – читаемые на утрени Великой Пятницы двенадцать частей из четырех Евангелий, где описываются страдания Иисуса Христа перед распятием².

Надлежит отметить, что контаминирование четырех Евангелий в рассказе Великопольского во многом следует «Жизни Иисуса», а не «Двенадцати Евангелиям». Так, в богослужебных текстах нет эпизодов со сном апостолов в Гефсиманском саду и иудиним поцелуем, которые затрагивает студент, зато они есть в «Жизни Иисуса» [Ренан, 1906, с. 224]. Если в «Двенадцати евангелиях» доминирующий текст – евангелиста Иоанна, то у Великопольского – Луки (шесть точных цитат из восьми).

Почему Великопольский преимущественно цитирует Луку, а не Иоанна? Возможно, из-за Ренана, который писал о ненадежности четвертого Евангелия [1906, с. 255], а Евангелие от Луки считал наилучшим источником для научной реконструкции биографии Иисуса: «Относительно Луки нет места сомнениям» [Там же, с. 31].

Для переложения евангельских повествований в «Жизни Иисуса» характерно их «романизирование» – творческое наполнение психологическими и предметными деталями. И. А. Гончаров порицает Ренана за это: «Творчеству в истории Спасителя почти нет простора <...> если только не идти по следам Renan» [Гончаров, Романов, 1993, с. 57].

Ренановскую манеру Чудаков замечает в «Студенте»: «По сравнению с изложением этих событий у евангелистов в рассказе *художественно реконструируется* (конечно, по-чеховски лаконично) душевное и физическое состояние Петра, вещная обстановка ситуации» (курсив наш. – О. К.) [Чудаков, 1996]. «В пересказе студента, – пишет Н. А. Кадырова, – евангельский эпизод оказывается более пластичным, в него вводятся развернутые описания природы и предметной обстановки, действие как бы одевается в декорации, приобретает эмоционально-психологическое напряжение» [Кадырова, 2019, с. 9].

Ренан, бросая легкую тень на свидетельство евангелистов о сне жены прокуратора Понтия Пилата, сообщает о ней следующее: «Она могла видеть этого кроткого Галилеянина из окна

² См.: *Желтов Михаил, священник*. Состав службы 12 Евангелий (утрени Великой пятницы). URL: https://azbyka.ru/otechnik/Mihail_Zheltovtov/sostav-sluzhby-12-evangelij-utreni-velikoj-pjatnitsy/ (дата обращения 09.06.2021).

своего дворца, которое выходило во двор храма. Быть может, она видела его во сне, и ужас охватил ее при мысли, что должна пролиться кровь этого прекрасного юноши» [Ренан, 1906, с. 229]. Изложение евангелистов дополняется «развернутыми описаниями предметной обстановки» («окно дворца, которое выходило во двор храма»), «приобретает эмоционально-психологическое напряжение» («ужас охватил ее») и проч.

В свою очередь, и в рассказе Великопольского евангельский эпизод «раскрашивается»: «*Воображаю: тихий-тихий, темный-темный сад, и в тишине едва слышатся глухие рыдания...*» (курсив наш. – О. К.) (с. 308). «Художественно реконструируется» душевное и физическое состояние Петра (едва слышимые «глухие рыдания»), «действие одевается в декорации» (сад, в котором якобы плакал апостол).

Рассказ студента об избииении Иисуса на пути из Гефсиманского сада к дому первосвященника («Его связанного вели к первосвященнику и били» (с. 307–308)) не имеет библейского подтверждения (см. Мф. 26:46–58; Мк.14:42–53; Лк. 22:47–54; Ин. 18:3–13). Евангелист Марк приводит слова Иуды, противоречащие этой версии: «...возьмите Его и ведите осторожно (*«сохранно» – церковнослав.*)» (курсив наш. – О. К.) (Мк. 14:44).

Об избииении Великопольский рассказывает «по-ренановски», литературно, используя эпитеты («замученный тоской и тревогой»), эмоционально окрашенную лексику («вот-вот на земле произойдет что-то ужасное», «страстно, без памяти любил Иисуса»), ритмомелодические и лексические повторы («его вели к первосвященнику и били <...> понимаешь ли <...> теперь видел издали, как его били») (с. 307–308).

Образ мыслей героя и его прототипа

Основным событием в «Студенте» является перемена унастроения героя: его скептическое в начале рассказа отношение к жизни сменилось оптимистическим: «...жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла» (с. 309). Мысли студента о высоком без затруднений соотносятся с религиозно-философскими взглядами Ренана.

Великопольский вполне «в духе учений богословов из Галле и Тюбингена» выделяет исторический аспект того, «что происходило девятнадцать веков назад» (с. 309). Евангельская история рассматривается им как звено в цепи событий прошлого, без какого-либо подчеркивания необыкновенности, уникальности этого звена: «Прошлое, думал он, связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого» (с. 309). Этот образ цепи может быть прочитан как приравнивание Евангелия к обычному повествованию о прошлом (историческому источнику).

В центре размышлений студента в самом финале рассказа – «правда и красота», составляющие «главное в человеческой жизни и вообще на земле» (с. 309).

Следует подчеркнуть, что, во-первых, «правда и красота» – слова, бытующие в дискурсе едва ли не любой идеологии (системы убеждений), без них не обходится ее позитивная самопрезентация. Во-вторых, для христианского сознания не «правда и красота», а Бог – это «главное в человеческой жизни» («Только в Боге успокаивается душа моя» (Пс. 61:2)).

Есть вероятность, что слова «правда и красота» в «Студенте» отсылают к пассажиру в книге «Будущее науки», где они рассматриваются как замена лексеме «Бог»; для Ренана Бог – это «категория идеала», «трансцендентное резюме сверхчувственных потребностей [человека]» [Ренан, 1902–1903, т. 2, с. 135]. «Скажите простым людям, чтобы они отвлеченно жили *правдой и красотой*, и эти слова не будут иметь для них никакого смысла. Скажите им, чтоб они любили Бога, чтоб они не оскорбляли Его, и они поймут вас удивительно хорошо» (курсив наш. – О. К.) [Там же].

Во фрагменте «правда и красота, направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника» можно увидеть черты ренановского Христа, т. е. *человека*, движимого нравственным идеалом («правда и красота»). В канонической трактовке Христос – это человек и одновременно Бог, Законодатель в нравственной сфере, а не ее подчиненный.

Студенту духовной академии должно быть хорошо известно, в чем заключаются христианское счастье и христианский смысл жизни, но мыслью он не возносится к Богу, а вдохновляющее студента «счастье» характеризуется как «неведомое» и «таинственное» (с. 309). Похоже, что «горный мир» находится за рамками его размышлений, и «неведомое, таинственное» счастье не имеют отношения к нему, так как христианское счастье не «неведомо», оно связано с жизнью там.

Отрицая Бога библейского откровения, Ренан допускает возможность эволюционного становления «бога» и даже появления неких форм бессмертия; эта гипотеза позволяет ему с оптимизмом смотреть в будущее человечества [Ренан, 1902–1903, т. 1, с. 14–16]. Думается, что русский писатель сделал своего героя носителем не только биографических черт знаменитого француза, но и «неведомого, таинственного счастья» его мироощущения.

По словам А. П. Чудакова [1996], наряду с ренановским «в рассказе, находим и иной, “канонический”, взгляд – веру в букву Евангелия». Это, бесспорно, справедливое замечание: рекем по умершему не заглушает гимн Воскресшему. В статье мы рассмотрели лишь одну сторону, однако нужно сказать и о том, что Чехов, следуя своему принципу «правильной постановки вопросов», не оставляет за собой последнего слова, т. е. не заявляет с помощью художественных средств о своем согласии / несогласии с чьей-либо идеологической позицией.

Заключение

На основании проведенного анализа с высокой степенью уверенности допускаем, что А. П. Чехов наделил героя рассказа «Студент», во-первых, биографическими чертами Э. Ренана, во-вторых, его манерой «художественной реконструкции» евангельских эпизодов, в-третьих, его образом мыслей. Стилизация, аллюзия и цитата – формы интертекстуальности, организующие вхождение ренановского мира в чеховский космос. Искусная аллюзивная «отделка» рассказа дает основание полагать, что он рассчитан как на массового, так и на элитарного читателя. Определение сочинений Ренана, с которыми Чехов был знаком, – важная задача для дальнейшего изучения ренановского интертекста (подтекста) в художественных и нехудожественных текстах русского классика; ее решение тесно связано с проблемой отличия интертекста от межтекстовых параллелей, которые объясняются случайным сходством элементов чеховского и ренановского текстов.

Список литературы

- Гончаров И. А., Романов К. К.** Неизданная переписка; Стихотворения; Драма. Псков: Изд-во ПОИПК, 1993. 304 с.
- Кадырова Н. А.** Рассказ А. П. Чехова «Студент»: опыт мифопоэтического комментария // Казанская наука. 2019. № 9. С. 8–10.
- Кийко Е. И.** Достоевский и Ренан // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1980. Вып. 4. С. 106–121.
- Мень А.** Трудный путь к диалогу. М.: Радуга, 1992. 462 с. URL: <http://lib.ru/HRISTIAN/MEN/trudput.txt> (дата обращения 21.06.2021).
- Ренан Э.** Жизнь Иисуса. Киев: Изд. кн. маг. С. И. Иванова и К°, 1906. 336 с.
- Ренан Э.** Собр. соч.: В 12 т. Киев: Книгоиздательство Б. К. Фукса, [1902–1903]. Т. 1: Будущее науки. Мысли 1848 года. Часть I. 161, 17 с.; Т. 2: Будущее науки. Мысли 1848 года. Часть II. 143, 17, VII с.; Т. 10: Воспоминания детства и юности. 210 с.
- Чехов А. П.** Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. М.: Наука, 1977. Т. 8. 528 с.
- Чудаков А. П.** «Между “есть Бог” и “нет Бога” лежит целое громадное поле...»: Чехов и вера // Новый мир. 1996. № 9. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/9/chudak.html (дата обращения 27.11.2017).

References

- Chekhov A. P.** Complete Works and Letters: in 30 vols. Works: in 18 vols. Moscow, Nauka, 1977, vol. 8, 528 p. (in Russ.)
- Chudakov A. P.** “Mezhdu ‘est’ Bog’ i ‘net Boga’ lezhit tseloe gromadnoe pole...”: Chekhov i vera [“Between ‘there is God’ and ‘there is no God’ lies a whole huge field...”: Chekhov and Faith] *Novyi mir [New World]*, 1996, no. 9. (in Russ.) URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/9/chudak.html (accessed: 27.11.2017).
- Goncharov I. A., Romanov K. K.** Neizdannaya perepiska; Stikhotvoreniya; Drama [Unpublished correspondence; Poems; Drama]. Pskov, POIPK Publ., 1993, 304 p. (in Russ.)
- Kadyrova N. A.** Rasskaz A. P. Chekhova “Student”: opyt mifopoeticheskogo kommentariya [The story of A. P. Chekhov “Student”: the experience of mythopoetic commentary]. *Kazanskaya nauka [Kazan Science]*, 2019, no. 9, pp. 8–10. (in Russ.)
- Kiiko E. I.** Dostoevsky i Renan [Dostoevsky and Renan]. In: Dostoevsky. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and research]. Leningrad, Nauka, 1980, iss. 4, pp. 106–121. (in Russ.)
- Men A.** Trudnyi put' k dialogu [The difficult path to dialogue]. Moscow, Raduga, 1992, 462 p. (in Russ.) URL: <http://lib.ru/HRISTIAN/MEN/trudput.txt> (accessed: 21.06.2021).
- Renan E.** Collected works. In 12 vols. Kiev, B. K. Fuchs Publ., [1902–1903], vol. 1, 161, 17 p.; vol. 2, 143, 17, VII p.; vol. 10, 210 p. (in Russ.)
- Renan E.** Zhizn' Iisusa [The Life of Jesus]. Kiev, S. I. Ivanov and Co. Publ., 1906, 336 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Олег Михайлович Колесников, соискатель кафедры литературы и культурологии

Information about the Author

Oleg M. Kolesnikov, Applicant for a Degree of Candidate of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 21.06.2021;
одобрена после рецензирования 15.11.2021; принята к публикации 16.11.2021
The article was submitted 21.06.2021;
approved after reviewing 15.11.2021; accepted for publication 16.11.2021*

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-100-107

«Апокалиптические» экфрасисы (И. Бунин – А. Грин – Б. Юльский)

Маргарита Ивановна Крюкова

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

iamdaisy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7685-9001>

Аннотация

Статья посвящена рассказу «Линия Кайгородова» Б. М. Юльского, писателя дальневосточной эмиграции. Цель статьи – рассмотреть особенности экфрасиса в рассказе «Линия Кайгородова» и выявить его функции. Проанализированы интертекстуальные переключки с рассказами И. Бунина («Безумный художник», «Огонь пожирающий») и А. Грина («Искатель приключений» и «Серый автомобиль»). Картины в рассказах Юльского, Бунина и Грина олицетворяют пророчество о гибели человечества: вместо будущего спасения, дарованного Христом, – тьму, витающую над миром. Сделаны выводы о том, что экфрасис в творчестве Юльского обладает сюжетообразующей функцией. Картина перенаправляет ход событий и решает судьбу героя. Экфрасис в рассказе «Линия Кайгородова» связан с мотивом сумасшествия и смерти.

Ключевые слова

восточная эмиграция, экфрасис, мотив сумасшествия, интертекстуальность, Иван Бунин, Александр Грин, Борис Юльский

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера»

Для цитирования

Крюкова М. И. «Апокалиптические» экфрасисы (И. Бунин – А. Грин – Б. Юльский) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 2: Филология. С. 100–107. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-100-107

“Apocalyptic” Ekphrasis (I. Bunin – A. Grin – B. Yulsky)

Margarita I. Kriukova

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

iamdaisy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7685-9001>

Abstract

Purpose. The article is devoted to the story “Kaigorodov’s Line” by B. M. Yulsky, a writer of the Far Eastern emigration. The relevance of the work is determined by the increased interest in the work of Russian writers, who created their works outside of their homeland, but, nevertheless, reflected the traditions of Russian literature, as well as absorbed the culture of the environment. The purpose of the article is to consider the features of ekphrasis in Yulsky’s story “Kaigorodov’s Line”, to identify its functions.

© Крюкова М. И., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 2: Филология. С. 100–107

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 2: Philology, pp. 100–107

Results. The methodological basis of the article is determined by the unity of the historical-literary, comparative and structural approaches. The article analyzes the intertextual typological echoes with I. Bunin and A. Grin's stories. In the texts of the writers of the first half of the 20th century, the plot is centered on an artist who has come through the trials of life and who is craving to create a masterpiece. The ekphrasis in Yulsky's story has a plot-forming function. It is noted that the text contains two ekphrasises: first, the artist draws a picture in his imagination, and the second one is his creation, as a reflection of the soul, tormented by his difficult fate.

Conclusion. It is concluded that the ekphrasis in Yulsky's work is not only a separate description of the image in the text. The picture turns the course of events and defines the character's fate. The ekphrasis in the story "Kaigorodov's Line" is associated with the motive of madness and death.

Keywords

Eastern emigration, ekphrasis, motive of madness, intertextuality, Ivan Bunin, Alexander Grin, Boris Yulsky

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Science Foundation grant no. 19-18-00127 "Siberia and the Far East of the first half of the 20th century as a space for literary transfer"

For citation

Kriukova M. I. "Apocalyptic" Ekphrasis (I. Bunin – A. Grin – B. Yulsky). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 2: Philology, pp. 100–107. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-100-107

Введение

Б. М. Юльский, литератор, принадлежавший к дальневосточной эмиграции, служил в отряде русской горно-лесной полиции в Маньчжурии, поэтому очень часто его рассказы наполнены таежной экзотикой и романтикой лесного существования. Жизнь в Харбине также повлияла на его творчество. Е. О. Кириллова [2016; 2018] и А. А. Забияко [2015] исследовали влияние китайской культуры и мифологии на поэтику произведений Юльского, проводился анализ интертекстуальных переключек произведений Юльского с рассказами И. Бунина [Куликова, 2020] и В. Набокова [Ускова, 2012].

Интересно было бы рассмотреть изобразительные образы в творчестве Б. Юльского, понять их специфику, сопоставив с экфрасисами современников писателя (первой половины XX в.).

Рассказ «Линия Кайгородова» (1940) представляет собой редкий случай использования автором экфрасиса: текст содержит немиметический экфрасис, характеризующий «отсутствие в истории художественной культуры реального референта» [Яценко, 2011, с. 49]: главный герой рассказа, художник Кайгородов, создает картину. При этом экфрасис в тексте не выполняет лишь эстетическую функцию, он является сюжетообразующим.

Результаты исследования

Начало рассказа будто рисует мозаичную жизнь главного героя, элементами которой являются геометрические фигуры. Кайгородов – художник, преподающий рисование в школе. Но жизнь его скучная и серая, его ученики рисуют кубы, конусы и цилиндры, от которых он устает больше, чем от физической работы. Вдохновение покинуло живописца. В его мастерской «улыбаются джентльмены» и «кокотничают дамы» [Юльский, 2011а, с. 415] на магазинных вывесках – хоть и рекламные изображения, но в них, тем не менее, есть жизнь. Однако автором этих работ является подмастерье.

Впрочем, есть то, что может спасти героя. Это дело всей его жизни, обдумывая которое, герой оживает, на его щеках появляется румянец. Кайгородов должен создать картину: «...Колосящаяся нива <...>. На фоне этого поля – группа женщин, протянувших руки в немой мольбе <...>. И впереди их всех – в прозрачных белых одеждах стоит заступивший их собою Христос <...> А на переднем плане – группа солдат, озверенных рылами противоголов» [Там же, с. 424].

Мечта героя рассказа Юльского «Линия Кайгородова» отсылает к рассказу И. Бунина «Безумный художник» (1921). Художников сближает не только нервное состояние и безраз-

личие к жизни. Они оба грезят о создании шедевра и рисуют его в своем воображении. В текстах возникает воображаемый экфрасис – описание будущей картины. Художник Бунина тоже создает картину в воображении, представляя светлое событие рождения Христа с «ликованием ангелов, таким светом, чтобы это было воистину рождением нового человека» [Бунин, 2006а, с. 166].

Картины с изображением лика Христа вселяют надежду на будущее, кажется, в них отобразится свет, возможность возрождения души своего создателя. Оба художника при этом находятся в состоянии напряжения: у Кайгородова «горят глаза нездоровым блеском» [Юльский, 2011а, с. 425], художник Бунина в отчаянии хватается за голову, когда не может найти нужные ему краски.

На долю персонажей рассказов выпали тяжелые испытания: художник у Бунина потерял жену и ребенка, Кайгородов еще подростком ощутил ужас гражданской войны. Израненные души не могут создать света и надежды в своих работах. Они чувствуют гибель человечества и необходимость его перерождения в обращении к Спасителю. Но трагическая эпоха поглотила и погубила самих художников. А. Лобычев, анализируя рассказ Юльского, заметил: «Автор и в Харбине хорошо видел и чувствовал в тридцатых годах безумное, слепое состояние мира» [Лобычев, 2011, с. 16].

Кайгородов углем и пастелью делает лишь неверный и беспорядочный набросок: «поле, группа женщин, заломивших руки, солдаты в противогазах...». И лишь одна женщина изображена тщательно: «<...> девушка в разорванном платье <...> Она стояла на переднем плане, прикрывая голыми руками грудь и откинувшись назад в предсмертном ужасе <...> И лицо ее, красивое, но искаженное ужасом, было лицом Зои Левкович» [Юльский, 2011а, с. 429]. Эта картина не только погубила самого художника, но и отразилась на девушке, полюбившей Кайгородова: увидев полотно, она так пугается, что едва не падает в обморок. На картине нет Спасителя, выступают лишь ужасы войны, которая навсегда осталась в душе героя, отравляя его сущность.

Картина художника у Бунина еще более ужасает: пожары, распятый Христос, Смерть и гряда мертвых. Такое изображение и судьба художника напоминают творчество другого писателя начала XX в. В новелле А. С. Грина «Искатель приключений» (1915) живописец Доггер, несмотря на то что славится спокойной и здоровой жизнью, в деревне, в гармонии с природой, в спрятанной мастерской создает страшные рисунки в стиле Иеронима Босха. Он тоже творит в «мрачном и больном состоянии» [Грин, 1980, т. 3, с. 250]. Выплеснув на бумагу всё то, что тяготило его душу, Доггер тяжело заболевает.

У персонажа Грина тоже был шанс на спасение. Талантливый художник создает три картины, на которых изображена одна героиня. На первом полотне она не оборачивается, на втором – ее лицо «сверкало молодой силой жизни» [Там же, с. 242], а третья картина показывает ее дьявольское лицо. Для творчества Грина характерно изображение произведений искусства, которые не отличаются от жизни. Скульптурные или живописные персонажи Грина будто дышат, улыбаются. Третья картина Доггера погубила создателя – темная сторона его искусства ухудшила здоровье. В конце новеллы остается лишь полотно с фигурой девушки, которая еще не обернулась. Она должна была стать «оборонительной линией» для художника (как в рассказе Юльского «Линия Кайгородова»), не дав ему изобразить «жизнь, разделив то, что неразделимо по существу» [Там же, с. 249].

У Юльского встречается еще один рассказ с экфрасисом – «Счастье» (1941), в котором изображение на картине не отличается от жизни изображенного. У героя рассказа Полянова нелегкая жизнь: он всю жизнь работал, получил несколько ранений, потерял жену, воспитывал приемного сына. Он грезит о своем счастье: «Жить в маленьком доме с зелеными ставнями <...> поливать цветы в саду и пить чай с липовым медом...» [Юльский, 2011б, с. 450]. Сам того не подозревая, мечтая о будущем, он создал воображаемую картину, которую потом нарисует его сын. На выставке друг Полянова видит «<...> небольшое полотно <...> Краски были так яркие и живы, что вся картина казалась залитой солнцем. На картине был

изображен человек, сидевший на зеленой садовой скамейке, под большой цветущей липой <...> В левой руке человек держал трубку, из которой струился легкий дымок» [Юльский, 2011б, с. 452]. Картина кажется живой, и немного после «оживает» на самом деле, когда герой навещает Полянова. Он видит зеленую скамейку, липу с картины и своего друга с дымящей трубкой в руке.

Доггер Грина находил радость в сельском труде. И Кайгородов у Юльского враждебно относится к механизированной цивилизации: «Нужно разбить все машины» [Юльский, 2011а, с. 422]. Е. О. Кириллова объясняет: «Попав в мир цивилизации, герои теряют единство, целостность, но чтобы вновь обрести это, стремятся снова в тайгу» [2016, с. 83]. Герой, действительно, выглядит чужим в своем окружении, ему все безразлично. Он напоминает другого гриновского персонажа – Сиднея из новеллы «Серый автомобиль» (1923), боявшегося машин и их влияния на людей. У Юльского есть рассказ «Серая смерть» (1943), в котором умирает шофер, поранившийся в собственном автомобиле (тугая автомобильная ручка ударила по запястью, у героя появляется смертельная гангрена). И хотя его жена считает причину смерти нелепой, героя будто погубил автомобиль.

Сидней у Грина рассуждал о машинах: «В явлениях, подобных человеческому лицу, мы, чувствуя существо человеческое, видим связь и свет жизни, то, чего не может видеть машина. Ее впечатление, по существу, может быть только геометрическим» [Грин, 1980, т. 4, с. 329]. В начале рассказа Юльского ученики героя рисуют, возможно, не случайно, геометрические фигуры, которые так не любит Кайгородов. В них нет света жизни, который он мог изобразить на полотне.

Сидней мечтал о перерождении не всего человечества, а лишь своей возлюбленной, которую он воспринимал как бездушную куклу, ждущую преображения. Переродиться же она может только после смерти, отчего Сидней пытается сбросить ее с обрыва. В рассказе Юльского, перед тем как создать картину, Кайгородов представлял, что он «стоит на краю обрыва и вот-вот упадет» [Юльский, 2011а, с. 422]. У художника, возможно, тоже был шанс на перерождение.

Губительная сила искусства показана и в рассказе Грина «Белый огонь» (1922). Лейтер, работающий в аукционном доме, много сил отдает профессии: «Картина, статуя, вышивка, гобелен, бронза, камея, этюд, рисунок, медальон, бюст – и каждый раз в каждом творении Лейтер находил немного себя, тотчас продавая это...» [Грин, 1980, т. 6, с. 260]. И хотя сам герой не был художником, с произведениями искусства он будто раздавал частички своей души. Решающую роль в его карьере сыграл рисунок обнаженной руки Берн-Джонса, который вызывал поначалу «чистые и красивые» чувства у Лейтера. Но, как объясняет Грин, у его героя было два лица – второе внутреннее. Как и у искусства, в рассказе «Искатель приключений» два лица: божественное и дьявольское. На аукционе Лейтер видит изображенную руку грязной, с нечищенными ногтями и набухшими жилами. Повернувшегося к темной стороне искусства героя постигает безумие, как и художников Бунина и Юльского. Однако на этом рассказ не заканчивается. С Лейтером происходит обратная метаморфоза. Сбежав из больницы для умалишенных, в лесу он видит прекрасную скульптурную композицию будто живых девушек. И это событие способствует его психическому выздоровлению. Искусство способно и исцелить, если оно – белый огонь, который скорее светит, а не сжигает.

«Смерть и воскресение составляют смысловой центр» [Капинос, 2014, с. 165] рассказа Бунина «Огонь пожирающий» (1923). Героиню рассказа кремируют по ее завещанию. Е. В. Капинос, анализируя тезаурус смерти в творчестве Бунина, в рассказе «Огонь пожирающий» замечает, что церемониальность похоронного обряда наводит на «мысль о “дьявольской” природе революции и цивилизации» [Там же, с. 164], в тексте также выделяется «интенция посмертного наказания за грехи цивилизации (не случайно трубы крематория названы “заводскими”), революции, богохульства» [Там же]. Рассказ снова «завершает» мотив безумия: водитель бешено мчит героя в ревушем с наглостью и угрозой автомобиле. Ге-

рой Грина Сидней также боялся автомобилей, ему казалось, что они ему угрожают и преследуют.

В рассказе Юльского тоже есть огонь. В квартире Кайгородова тушат пожар и в этот момент обнаруживают картину. Мама Зои спрашивает у дочери: «Потушили, *слава Богу*... А ты что как *неживая?*» [Юльский, 2011а, с. 428]. В простой, как казалось, фразе содержится под-сказка – надежда заключена в Спасителе, которого, несмотря на намерения, Кайгородов не нарисовал. Чувства Зои к художнику обязывают ее разделить судьбу своего избранника: она сама теряет жизненную энергию, поскольку не способна оживить души героя.

Во всех рассмотренных экфрасисах присутствует изображение женщин: у Грина мы видим на трех картинах девушку, у Юльского – Зою Левкович, воплощающую собой судьбы женщин мира, пострадавших от войны. Художник Бунина планирует написать Мадонну по образу своей умершей жены и, тем самым, «воскресить ее, убитую злой силой» [Бунин, 2006б, с. 167]. Однако у всех описанных художников печальная судьба: их Галатеи не могут пробудиться и принести счастье своим создателям.

Экфрасисы в рассказах Юльского, Бунина и Грина олицетворяют страшное пророчество о гибели человечества: вместо будущего спасения, дарованного Христом, – тьма, витающая над миром. Мрачные картины разрушают жизни своих создателей: Кайгородов впадает в «небытие», отчужденное существование, художник Бунина и Сидней Грина сходят с ума, Доггер Грина смертельно болен. Безумие героев очевидно: это результат их страшного пророчества.

Отчасти картина Кайгородова отражает оживание героини. Он изобразил ужас на лице Зои Левкович. Когда девушка узнает себя на картине, она испытывает это чувство, так как картину видит и ее мать. Второй раз ее пугает взгляд самого художника, и в отчаянии она чуть не кричит. И, наконец, герой рассказа мечтал создать непроницаемую линию, защищающую царство мира и спокойствия. Несмотря на то что полностью свою идею Кайгородов не воплотил, он создал картину, нарисовал «линию», которая отгородила его от всего внешнего мира. Он улыбался безмятежно и спокойно.

М. Слонимский вспоминал выступление Грина на банкете в честь Г. Уэллса: «Он приветствовал Уэллса как художника. И он напомнил присутствовавшим рассказ Уэллса “Остров Эпиорниса” – о том, как выкинутый на пустынный остров человек нашел там яйцо неизвестной птицы <...> вырастил необыкновенное существо, от которого ему пришлось спасаться, ибо его детище стремилось убить его. В человеке, вырастившем необычайную птицу, Грин усмотрел художника; в птице, гонящейся за ним, – плод его художественного воображения, мечту его» [Жизнь Александра Грина..., 2012, с. 295].

Художники, творцы Бунина, Юльского и Грина не смогли найти в себе силы отвернуться от соблазнов зла (война для Кайгородова) и горечи (утрата семьи художником Бунина). Изображение девушки с дьявольской улыбкой притянуло Доггера Грина к тьме. Поэтому их картины становятся такими мрачными и антиутопическими. Возможно, спасением для них могла бы стать вера. Например, в стихотворении Н. Гумилева «На льдах тоскующего полюса» (1909) лирический герой обездвижен – замирает «без движенья и без голоса» [Гумилев, 1998, с. 209]. Демон смотрит ему в глаза, героя манит смерть. В то же время перед ним стоит выбор: остаться в мире сна или выбрать горечь слез. Хотя в стихотворении нет классического экфрасиса (описания произведения искусства), лирический герой грезит, и в его воображении возникает картина: бескрайнее ледяное пространство и склонившийся демон. Надеждой для героя также становится Христос. Е. Ю. Куликова отмечает: «...созданный Христом “Никейских лилий белый сад” открывает поэту истинную сущность творчества и новую жизнь» [Куликова, 2016, с. 98]. Безбожие героев Бунина и Юльского исключает шанс на перерождение.

Заключение

В текстах Бунина и Юльского представлены два экфрасиса. Одна картина остается в воображении ее автора: художники отчетливо представляют, что хотят создать, мысленно рисуют и передний, и задний планы полотна. Вторая картина – воплощенная – появляется в конце обоих рассказов и представляет итог болезненного состояния художников.

Е. О. Кириллова выделяет «основным, ведущим в мировосприятии» Юльского мотив сумасшествия и смерти [Кириллова, 2018, с. 175]. В рассказе «Линия Кайгородова» этот мотив связан с использованием приема экфрасиса, который не остается лишь статичным описанием изображения: картина словно выскользнула за рамки полотна, чтобы забрать жизненную силу художника. Экфрасис Юльского релевантен интермедийальному контексту литературы первой половины XX в.

Список литературы

- Бунин И. А.** Безумный художник // Бунин И. А. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Воскресенье, 2006а. Т. 4. С. 163–172.
- Бунин И. А.** Огонь пожирающий // Бунин И. А. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Воскресенье, 2006б. Т. 4. С. 119–125.
- Грин А. С.** Искатель приключений // Грин А. С. Собр. соч.: В 6 т. М.: Правда, 1980. Т. 3. С. 225–251.
- Грин А. С.** Серый автомобиль // Грин А. С. Собр. соч.: В 6 т. М.: Правда, 1980. Т. 4. С. 310–347.
- Грин А. С.** Белый огонь // Грин А. С. Собр. соч.: В 6 т. М.: Правда, 1980. Т. 6. С. 259–265.
- Гумилев Н. С.** На льдах тоскующего полюса // Гумилев Н. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.: Воскресенье, 1998. Т. 1. С. 209.
- Жизнь Александра Грина, рассказанная им самим и его современниками: Автобиографическая проза. Воспоминания / Сост. В. Ковский. М.: Изд-во Лит. ин-та им. А. М. Горького, 2012. 560 с.
- Забияко А. А.** Проза харбинского писателя Бориса Юльского в контексте художественной этнографии дальневосточного зарубежья // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2 (32). С. 91–102.
- Капинос Е. В.** Поэзия Приморских Альп: рассказы И. А. Бунина 1920-х годов. М.: Языки славянской культуры, 2014. 248 с.
- Кириллова Е. О.** Переплетение культурных пространств востока и запада в творчестве писателя русского зарубежья Б. Юльского // Вестник Череповец. гос. ун-та. 2016. № 5 (74). С. 81–89.
- Кириллова Е. О.** Мотивы сумасшествия и смерти в творчестве Б. М. Юльского (к проблеме своего и чужого в творчестве писателя русской восточной эмиграции) // Научный диалог. 2018. № 2. С. 173–185.
- Куликова Е. Ю.** Тезаурус смерти в лирике Николая Гумилева // Вестник Удмурт. ун-та. 2016. Т. 26, № 6. С. 94–102.
- Куликова Е. Ю.** Бунинский фон в «Белой мазурке» Бориса Юльского // Филологический класс. 2020. Т. 25, № 3. С. 39–47.
- Лобычев А.** Человек, ушедший на русский Восток: Жизнь и проза Бориса Юльского // Юльский Б. Зеленый легион: повесть и рассказы. Владивосток, 2011. С. 3–25.
- Ускова Т. Ф.** Сюжет о блудном сыне в рассказах В. Набокова «Звонок» и Б. Юльского «Святочный гость» // Память и нарратив. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2012. С. 148–152.
- Юльский Б.** Линия Кайгородова // Юльский Б. Зеленый легион: повесть и рассказы. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2011а. С. 415–432.

- Юльский Б.** Счастье // Юльский Б. Зеленый легион: повесть и рассказы. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2011б. С. 443–454.
- Яценко Е. В.** «Любите живопись, поэты...». Экфрасис как художественно-мировоззренческая модель // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 47–57.

References

- Bunin I. A.** Bezumnyy khudozhnik [Mad artist]. In: Bunin I. A. Complete works. In 13 vols. Moscow, Voskresen'e Publ., 2006, vol. 4, pp. 163–172. (in Russ.)
- Bunin I. A.** Ogn' pozhirayushchiy [Devouring fire]. In: Bunin I. A. Complete works. In 13 vols. Moscow, Voskresen'e Publ., 2006, vol. 4, pp. 119–125. (in Russ.)
- Grin A. S.** Belyy ogon' [White fire]. In: Grin A. S. Collected Works. In 6 vols. Moscow, Pravda Publ., 1980, vol. 6, pp. 259–265. (in Russ.)
- Grin A. S.** Iskatel' priklyucheniye [Seeker of adventures]. In: Grin A. S. Collected Works. In 6 vols. Moscow, Pravda Publ., 1980, vol. 3, pp. 225–251. (in Russ.)
- Grin A. S.** Seryy avtomobil' [Grey car]. In: Grin A. S. Collected Works. In 6 vols. Moscow, Pravda Publ., 1980, vol. 4, pp. 310–347. (in Russ.)
- Gumilev N. S.** Na l'dakh toskuyushchego polyusa [On the ice of the yearning pole]. In: Gumilev N. S. Complete works. In 10 vols. Moscow, Voskresen'e Publ., 1998, vol. 1, 209 p. (in Russ.)
- Kapinos E. V.** Poeziya Primorskikh Al'p: rasskazy I. A. Bunina 1920-kh godov [Poetry of the Maritime Alps: I. A. Bunin's stories of the 1920s.]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2014, 248 p. (in Russ.)
- Kirillova E. O.** Motivy sumasshestviya i smerti v tvorchestve B. M. Yul'skogo (k probleme svoego i chuzhogo v tvorchestve pisatelya russkoy vostochnoy emigratsii) [The motives of madness and death in B. M. Yul'sky's works (on the problem of friend and foe in the work of the writer of the Russian Eastern emigration)]. *Nauchnyy dialog* [Scientific dialogue], 2018, no. 2, pp. 173–185. (in Russ.)
- Kirillova E. O.** Perepletenie kul'turnykh prostranstv vostoka i zapada v tvorchestve pisatelya russkogo zarubezh'ya B. Yul'skogo [The interweaving of the cultural spaces of the East and West in the work of the writer of the Russian Emigration B. Yul'sky]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Cherepovets State University], 2016, no. 5 (74), pp. 81–89. (in Russ.)
- Kulikova E. Yu.** Buninskiy fon v "Beloy mazurka" Borisa Yul'skogo [Bunin's background in Boris Yul'sky's "White Mazurka"]. *Filologicheskiy klass* [Philological class], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 39–47. (in Russ.)
- Kulikova E. Yu.** Tezaurus smerti v lirike Nikolaya Gumileva [Death thesaurus in Nikolay Gumilev's lyrics]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of the Udmurt University], 2016, vol. 26, no. 6, pp. 94–102. (in Russ.)
- Lobychev A.** Chelovek, ushedshiy na russkiy Vostok: Zhizn' i proza Borisa Yul'skogo [The Man Who Left for the Russian East: Boris Yul'sky's Life and Prose of]. In: Yul'skiy B. Zelenyy leгион: povest' i rasskazy [Green Legion: a tale and short stories]. Vladivostok, 2011, pp. 3–25. (in Russ.)
- Uskova T. F.** Syuzhet o bludnom syne v rasskazakh V. Nabokova "Zvonok" i B. Yul'skogo "Svyatochnyy gost" [The plot about the prodigal son in the stories by V. Nabokov's "The Call" and B. Yul'sky's "The Christmaside Guest"]. *Pamyat' i narrativ* [Memory and narrative]. Voronezh, Nauka-Yunipress Publ., 2012, pp. 148–152. (in Russ.)
- Yatsenko E. V.** "Lyubite zhivopis', poetry...". Ekfrazis kak khudozhestvenno-mirovozzrencheskaya model' ["Love painting, poets...". Ekphrasis as an artistic and ideological model]. *Voprosy filosofii* [Philosophy questions], 2011, no. 11, pp. 47–57. (in Russ.)

- Yulsky B.** Schast'ye [Happiness]. In: Yulsky B. Zelenyy legion: povest' i rasskazy [Green Legion: a story and short stories]. Vladivostok, Al'manakh "Rubezh" Publ., 2011, pp. 443–454. (in Russ.)
- Yulsky B.** Liniya Kaygorodova [Kaigorodov's line]. In: Yulsky B. Zelenyy legion: povest' i rasskazy [Green Legion: a story and short stories]. Vladivostok, Al'manakh "Rubezh" Publ., 2011, pp. 415–432. (in Russ.)
- Zabiyako A. A.** Proza kharbinskogo pisatelya Borisa Yul'skogo v kontekste khudozhestvennoy etnografii dal'nevostochnogo zarubezh'ya [Harbin writer Boris Yulsky's prose in the context of artistic ethnography of the Far East abroad]. *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanitarian research in Eastern Siberia and the Far East], 2015, no. 2 (32), pp. 91–102. (in Russ.)
- Zhizn' Aleksandra Grina, rasskazannaya im samim i ego sovremennikami: Avtobiograficheskaya proza. Vospominaniya [Alexander Grin's life, Told by Himself and His Contemporaries: Autobiographical Prose. Memories]. Comp. by V. Kovsky. Moscow, Gorky Literature Institute Publ., 2012, 560 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Маргарита Ивановна Крюкова, кандидат филологических наук

Information about the Author

Margarita I. Kriukova, Candidate of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 11.04.2021;
одобрена после рецензирования 20.10.2021; принята к публикации 29.10.2021
The article was submitted 11.04.2021;
approved after reviewing 20.10.2021; accepted for publication 29.10.2021*

Научная статья

УДК 82-09

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-108-117

Кто они, героини современной прозы: «Баба-богатырка», «Баба с подушкой» или Бизнес-леди?

Наталья Вадимовна Ковтун

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева
Красноярск, Россия

Шеффилдский университет

Шеффилд, Великобритания

nkovtun@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6799-4685>

Аннотация

Цель статьи – очертить процесс поиска современной прозой *героини времени*, показать, как изменялись представления о женщине, ее роли, предназначении в русской литературе второй половины XX – XXI в. В статье представлен анализ *генекратического мифа* – мифа об исключительной силе, авторитете, которыми обладает женщина и которые позволяют ей стать в центр социальной, нравственной жизни общества; прослеживается изменение типа *бабы-воительницы, защитницы*: от текстов традиционалистов до произведений «перевернутого поколения» и авторов «нового реализма». Особое внимание уделено типологии женского в знаковом романе В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» (1998), подводящем своеобразный итог литературных поисков ушедшего века. Автор, опираясь на поэтику Гоголя, Достоевского, предлагает свою типологию женского, крайние позиции которой символизируют образы «*Бабы с подушкой*» – остраненное, ироническое прочтение классического типа «девушки за пятаками», «хранительницы очага», и «*Афродиты площади*», маркированной чертами трикстера. Акцент на трикстерской природе центральных героев текста продиктован особенностями порубежного времени – хаотичного, опасного, непредсказуемого, в котором герой-трикстер оказывается самым жизнеспособным.

Ключевые слова

современная героиня, генекратический миф, трикстер, Маканин, «Андеграунд, или Герой нашего времени»

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта «Программа стажировок в университете Шеффилда» благотворительного фонда Михаила Прохорова на условиях индивидуального гранта (договор № МП/ШС-02/2021 от 7 июля 2021 г.)

Для цитирования

Ковтун Н. В. Кто они, героини современной прозы: «Баба-богатырка», «Баба с подушкой» или Бизнес-леди? // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 2: Филология. С. 108–117. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-108-117

© Ковтун Н. В., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 2: Филология. С. 108–117

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 2: Philology, pp. 108–117

Who Are They, The Heroines of Modern Prose: “Baba bogatyrka”, “Baba with a Pillow” or Business-Lady?

Natalia V. Kovtun

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after. V. P. Astafiev
Krasnoyarsk, Russian Federation

The University of Sheffield
Sheffield, United Kingdom

nkovtun@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6799-4685>

Abstract

Purpose. The article aims to outline the process of modern prose's search for the heroine of the time, to show how the ideas about the woman, her role and purpose have changed in Russian literature of the second half of the 20th – 21st century.

Results. The article presents an analysis of the geneocratic myth – the myth of the exceptional power and authority that women possess and that allow them to become the center of the social and moral life of society; it traces the change of the type of warrior-woman and protector: from texts of traditionalists to the works of the “inverted generation” and authors of “new realism”. Special attention is paid to the typology of the feminine in the iconic novel of V. Makanin “Underground or Hero of Our Time” (1998), which sums up a peculiar result of the literary search of the bygone century. The author, basing upon the poetics of Gogol and Dostoevsky, offers his typology of the feminine, the extreme positions of which are symbolized by the images of “Baba with a cushion” – a detached, ironic reading of the classical type of “girl embroidering”, the “hearth-keeper”, and the “Aphrodite of the square”, marked by trickster features.

Conclusion. We can distinguish the image of the patriarchal woman, in which the functions of wife and mother are defined. This type is far from being homogeneous, here we can distinguish the image of the old woman with her inherent features of sacrifice, active mercy, humility. The image of the “Baba with a pillow”, brought out in V. Makanin’s famous novel “Underground...”. The image of an intellectual, a businesswoman who ignores the laws of being, striving for the most comfortable, easy life, in the scenario of which mercy, sacrifice, and death do not fit. The image of the “Aphrodite of the Square”, a female-trickster whose underground existence is self-sufficient and self-valuable. The description of the night butterflies is given in contrast to the angelic figures. In the images of the angels, the supra-worldliness, the functions of mercy, sacrifice, and testimony are brought to the forefront. The emphasis on the trickster nature of the central characters of the text is dictated by the peculiarities of the frontier time – chaotic, dangerous, unpredictable, in which the trickster hero proves to be the most viable.

Keywords

modern heroine, geneocratic myth, trickster, Makanin, “Underground or Hero of Our Time”

Acknowledgements

The work was carried out within the framework of the project “University of Sheffield Internship Programme” by Mikhail Prokhorov Charitable Foundation on terms of individual grant (contract from 7 July 2021)

For citation

Kovtun N. V. Who Are They, The Heroines of Modern Prose: “Baba bogatyrka”, “Baba with a Pillow” or Business-Lady? *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 2: Philology, pp. 108–117. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-108-117

Введение

Русь традиционно воспринимают в контексте женского, богородичного начала как современные отечественные, так и европейские авторы. Соответственно, *генеократический миф* – миф об исключительной силе, воле, авторитете, которыми обладает женщина и которые позволяют ей стать в центр нравственной жизни общества, – занимает особое место в национальной мифологии, культуре. Явление *генеократии* специалисты возводят к временам матриархата как «генеократической ступени в истории цивилизации» [Богин, 2002, с. 24]. В мифологии восточных славян женское жизнеотворяющее начало олицетворено *рожаницами*. Почитание древних рожаниц – Хозяек Мира – сопровождалось обильными трапезами, пирами. Дохристианский древнерусский фольклор сохранил образы могучих поляниц – *дев-богатырок*, их сюжету отдали дань русские модернизмы [Зусева-Озкан, 2021] и традициона-

листы [Ковтун, 2010]. С поляницей Златогоркой выходит на бой Илья Муромец, любимая жена Добрыни Никитича – из древних амазонок, с которой он встречается на поле брани, бьется с поляницей и на ней женится Дунай Иванович. В одном из вариантов былины «Про Илью Муромца и Тугарина» поляница Савишна – жена Ильи Муромца, переодевшись в его богатырское платье, спасает Киев от злодея Тугарина.

С развитием христианской культуры упоминания о подвигах свободных, своенравных, могучих поляниц теряются, культ древних рожаниц получает продолжение в почитании культа Богородицы [Рыбаков, 1994, с. 470]. Г. П. Федотов писал, что на Руси произошло слияние религии Богородицы с элементами народной религии матери-земли. Это повлекло за собой представление о том, что тело земли, даже в эпоху поругания страны, остается матерински чистым и образует в космосе «особое, глубинное средоточие». С ним-то и «связана самая сердцевина народной религиозности», ее «самый мощный слой», который составляет и «церковность» [Федотов, 1991, с. 70, 71, 122].

Образ доброй жены и матери, хранительницы очага, сохранил Домострой. Там, где текст утрачивает зависимость от патристике, избегающей эротике книг Ветхого завета, Домострой «расширяет функции “жены”, и социальные и гражданские, как хозяйки дома, равноправной с господарем личности, подотчетной только ему» [Колесов, 1991, с. 9]. Раннее христианство трактует любовь между мужчиной и женщиной как универсальный творческий принцип вселенной, на котором основывается ее духовное и витальное бытие [Бычков, 1990, с. 108–109]. Понимая двойственность чувственной любви, разрушающий и созидающий ее импульсы, проповедники христианской морали выдвинули на первый план любовь духовную, оправдание эротике нашли в таинстве брака, рождении дитя. За судьбу дома и ребенка женщина несет ответственность перед родом и Богом, в критической ситуации именно на ее плечи ложится груз ответственности.

Непримиримость, требовательность «женской» позиции по отношению к официальной власти, осознаваемой греховной, являет себя в подвиге боярыни Морозовой, затем настает черед царевны Софьи, против окружения, сподвижников которой Петр воевал не менее яростно, чем против иноземных врагов. Спустя несколько лет и сама государственная власть в Российской империи переходит к женщинам, у гостей Екатерины Великой складывается абсолютная уверенность, что среди ее армейских генералов, министров вполне могут быть девицы и женщины [Масон, 1996, с. 142].

Сохранение представлений о доминирующей роли женщины в мироустройстве, ее функции защитницы, избавительницы связывают с поздним традиционализмом. В этом ряду образы красавицы Евдокии из вставных новелл «Из жития Евдокии-великомученицы» в романе «Дом» (1979) Ф. Абрамова; героинь повестей «Вдова Нюра (Из хроники поморской деревни)» (1973) и «Крылатая Серафима» (1981) В. Личутина; бабушки Секлетиньи из романа «Прокляты и убиты» (1990–1994) В. Астафьева, Пашуты из рассказа «В ту же землю...» (1995), Агафьи из рассказа «Изба» (1999), Тамары Ивановна из итоговой повести «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003) В. Распутина. В ситуации, когда женщина берет на себя мужские функции воительницы, эротические влечения уравниваются с отступлением от миссии, героини представлены либо в ореоле *ангельской чистоты и святости*: юридицы Ф. Абрамова и В. Личутина, ангельские образы в произведениях В. Распутина [Ковтун, 2020]; либо *служения-материнства*: бабы-воительницы, «мудрые старухи».

В прозе XXI столетия образ *воительниц* в известной степени разрабатывает М. Тарковский. В его программном геополитическом романе «Тойота-Креста» (2018) появляется *женщина-амазонка* – перегон, неуловимая, свободная, история которой вынесена за границы обыденного, окружена тайной. Фигура героини мистифицируется и мифологизируется, ее практически никто не видел, что только подогревает мужской интерес, становится почвой для фантастических историй. Это единственная женщина в романе, которая признается равной мужчинам, а порой и превосходит их в независимости позиции. На фоне загадочной красавицы меркнут образы хранительницы веры, «проповедницы» Насти и бизнес-леди Марии –

профессиональной манекенщицы. В рассказах писателя сохраняется интерес и к образу «мудрой старухи», однако ее опыт новому поколению не интересен.

Образ *бабушки* как хранительницы родовых ценностей, исторической преемственности появляется в знаковом романе А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени...» (2000). В текстах XXI в. этот образ уже лишен прежней гармонии, мудрости, «символического капитала», который столь важен для поколения внуков: рассказы Р. Солнцева «Бабушка с разноцветными глазами» (2006), А. Снегирева «Бабушка» (2006), Д. Новикова «Запах оружия» (2007), Ж. Снежиной «Бабушки» (2007), М. Вишневецкой «Бабкин оклад» (2011). Исследователи считают, что противоречивость, надломленность героинь – «знак трансформаций культурной парадигмы, попытка вырваться из уютной и обжитой тюрьмы утопий и стереотипов, вернуть бестелесной жертве идеализации плоть и голос, не бояться увидеть на месте предполагаемой гармонии – хаос» [Савкина, 2011, с. 135]. В высшей степени противоречив образ старухи в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» (2015), окруженный тайной, маркированный inferнальными чертами, однако страшный опыт именно этой представительницы древнего рода помогает героине спасти от смерти единственного сына, напоив его собственной кровью.

В произведениях художников «перевернутого поколения» (И. Клех), «поколения отставших» высказываются альтернативные мифемам традиционалистов идеи преодоления трагизма настоящего через освоение мировой культуры, общечеловеческих ценностей, здесь выражен экзистенциальный протест против раздробления, исчезновения реальности: «Андеграун, или Герой нашего времени» (1998) В. Маканина, «Оглашенные» (1969–1995) А. Битова, «Светопреставление» (2003) И. Клеха, тексты Ю. Буйды. В знаковом романе В. Маканина «Андеграунд...», подводящем итог XX в., женские персонажи принципиально важны, оттеняют образ главного героя – Петровича, за которым маячат фигуры «голового человека», «маленького человека», «лишнего человека» и подпольного сидельца, на которых и держится свод русской классики.

Результаты исследования

Создавая собственную типологию женского, В. Маканин опирается на мифы Античности, поэтику Н. Гоголя, Ф. Достоевского. Амплитуда женской парадигмы: от образа сияющей Красоты, Вечной Женственности – Софии до фигуры Сонечки Мармеладовой и ночных бабочек на грязных улицах Москвы. В этом столкновении идеи Красоты и предельного духовного уродства В. Маканин следует за Гоголем. Последний, по наблюдениям В. Розанова, создает проблемную пару: роскошную Аннунциату и Акакия Акакиевича как два полюса, предела бытия [Розанов, 1996, с. 148]. Главный герой романа объясняет эту же закономерность притчей: «Вошел однажды в эти коридоры старший брат, поспешил там за женщиной, потом за другой, за пятой и в конце концов пропал. То ли упал, то ли с самого верхнего этажа его выбросили из окна местные ревнивые мужики. (Высоко зашел.) Погиб – когда младший, мужая, только-только вошел на первый этаж» [Маканин, 1998, с. 91]¹.

Движение Красавицы у Гоголя разворачивается по нисходящей: из небесной выси на мостовую Невского проспекта, превращающуюся в притон. Улицы столицы, заполненные спешащими людьми, маленькими чиновниками, – мужское царство, платоновский сюжет которого – *погоня за женщиной* как воплощенной Красотой – небесной Афродитой, она манит, ускользает, меняет очертанья: «Увы, нам нужна перспектива; приманка, награда, цель, свет в конце туннеля, и по возможности поскорей. В этом, и не в чем ином, наша жизнь. В этом наша невесточная суть: нам подавай будущее!...», – сокрушается герой В. Маканина (с. 69). По сути поиск Женщины становится единственной целью в «динамике городской вечерне-ночной жизни» уже в лирике символистов, А. Блока, хотя эстетически расходятся [Минц,

¹ В дальнейшем ссылки на этот роман приводятся в тексте. В скобках указывается страница.

1972, с. 145]. Петрович, напротив, вплоть до финала романа отказывается от «вечной идеи» шинели, остается с Афродитой площади, жалеет слабых, одиноких, униженных женщин, оказавшихся на панели, в грязи. Отсюда его особый интерес к полотну К. Малевича как символу XX в.: «*Черный квадрат* Малевича – гениален; это стоп, это как раз для нас и наших торопливых душ; это удар и грандиозное торможение» (с. 69). В близком контексте трактует полотно еще один трикстер современной литературы – Бенедикт из романа Т. Толстой «Кысь», картина внушает ему мистический ужас, напоминает бездну, улово [Ковтун, 2009].

Идее Петровича близок художник Василек Пятов: «В выборе девиц Василек пародийным образом похож на меня: подыскивает обиженных или просто бедных женщин, выхватывая их из толпы наметанным глазом рисовальщика. Василек их рисует. Они жалки, убоги, тощи» (с. 174). Натурщицы со спитыми лицами, бледны, в дреме, как мертвые. Мертвая красота в плену у страшного мира одновременно и орудие мира, и его испытание, что отразилось в канонических текстах русской классики: панночка Гоголя, inferнальницы Достоевского, красавицы Чехова, Незнакомка Блока [Бочаров, 2007, с. 163].

Не случайно имя художника – Василек – отсылает к образу Василида – одного из учителей гностицизма, повлиявшего на идеологию масонства, эстетику модернизма [Слободнюк, 1998], которая обыгрывается в романе. Искусство Василька не возвышает падших, но отражает «силу колеи», тупик: «Лица с полотен источали суровость, их безглазье отдавало страшным нераспаханным черноземом. Беды. Бездорожье. Безденежье. Вурдалаки с кротким и чистым взглядом. В таких портретах я не любил свою давнюю провинциальную укорененность, вой души, который так и не спрятался в истончившуюся боль» (с. 178). Под сомнение ставится классический императив для художника – постижение замысла Божия о Красоте, чье присутствие среди людей трагично.

Одна из бывших подруг Петровича обнаруживает в шкафу «серенькое пугало» – его старый пиджак / шинель, в кармане которого томик «Бесов», последнюю страницу заполняют номера телефонов. Выпорхнувшие на звонки «адские духи», ведьмы, «черное воронье» едва не доводят героя до смерти. Спасает случайная встреча с друзьями, воплощенная через гоголевский *мотив полета* как свободы: «Оба гогочут – а я, висящий на их руках, слабый, раскрыв рот, продолжаю ощущать полет. Ощущать, что счастлив» (с. 404). Женщины, окружающие Петровича, уравниваются в своем статусе *жертв*. Красавица Вера Курнеева, уходящая по коридорам общежития от преследований мужа, – ироническая отсылка к образу Эвридики, плутающей во владениях Аида, к которой взывает современный Орфей, и одновременно к героине троянского мифа – «убежавшая от мужа Елена». Образ последней значителен в гностической мифологии как одно из воплощений Софии Премудрости. В пределах русского литературного канона история Веры пародийно соотнесена с любовной линией Печорина и княгини Веры, адюльтером Анны Карениной. В молодости героиня В. Маканина пережила бурный роман с военным, даже согласилась на побег с ним, в итоге всё закончилось конфузом, потерей сына.

Отношения Петровича с падшей юной Вероничкой, поэтессой андеграунда, алкоголичкой, изначально гротескны. История сексуальных походов, перевоплощений девушки подсвечена сюжетами «Золотого осла» Апулея: «*Сколько же тебе лет, Апулей, ау, Вероника, сколько же прошел твой осел!*» (с. 134), и повести «Яма» А. Куприна: «Для Веронички дно, сколь не выкручивайся в поэтическом слове, было теперь ямой – яма, а вовсе не ее прежний экзистенциальный образ дна и сна». Во времена новых демократических идеалов девушка почти случайно делает успешную политическую карьеру, но попытки отстоять в среде истеблишмента мир «униженных и оскорбленных» заканчиваются крахом. Порыв героини найти для бездомного Петровича квартиру, одарить «шинелью» оборачивается серией конфузов, в итоге герой так и остается «голым человеком».

Если образ Веронички, поднявшейся со дна жизни, – иронический символ *демократической России*, то фигура могучей, хваткой, хлебосольной Зинаиды Агаповны, всегда открытой

новым отношениям, – воплощение *социума общежития* – «бабушка в окошке». Символичны ее профессия – «работала в швейной мастерской», любовь к пафосным речам. Классическая парадигма женских образов – *тургеневская девушка*, «*девушка за пяльцами*», «*девушка с веслом*» – травестируется за счет появления знаковой фигуры «*бабы с подушкой*». «Ах, эта женщина. Ах, Зинаида. (Величия или покорности, чего тут больше?) Ладно, говорю, отставить!.. Стоит, прижала подушку к груди. Старая, принарядившаяся баба. Застыла в глуповатом остолбенении. Статуя в парке, не женщина с веслом, а баба с подушкой. На века» (с. 125). Изображение могучих юных красавиц, напоминающих античных богинь, украшали советские парки культуры и отдыха, символизируя эмансипацию, равноправие женщин и мужчин в СССР [Золотонос, 1999]. Героиня В. Маканина, напротив, сосредоточена на поисках своего мужчины: «...бабистая, жить было кисло», – признается Петрович.

В череде женских персонажей особенно колоритна фигура Леси Дмитриевны Воиновой – образковой *представительницы номенклатуры*. Во времена империи она «сидела за судным столом» и выносила приговоры. В перестройку героиня лишается былых привилегий, оказывается на дне жизни. Ее истории посвящены две главы «Я встретил Вас» и «Гриптих: расставание». Фигура «постаревшей гордячки», бывлой красавицы выписана подчеркнута натуралистично. Поле значений образа включает мифологию *матери-земли* («Леся лежала (вот ведь образ) протянувшимся горным хребтом»), *девы-воительницы* (говорящая фамилия – Воинова), воплощение *романтической женственности* (название главы отсылает к знаменитым строчкам Ф. Тютчева), советскую символику («Напоминала мне саму империю»), в том числе образ «*Девушки с веслом*»: «Я ловил себя на том, что хочется обойти ее кругом (музейный синдром, совершенно неуместный; как статую)» (с. 368).

Описание отношений героев – ироническая реплика в сторону Н. Гоголя и Ф. Достоевского. В момент близости Петрович чувствует на себе пристальный взгляд партийца – умершего мужа Леси, портреты которого заполняют квартиру: «Глаза доставали где угодно» (с. 213). Автор подчеркивает ассоциативную связь с «Портретом» Гоголя, где дьявольский взгляд ростовщика «из самого портрета» разрушает окрестную гармонию, наблюдает за героями, будто продолжая следить и за читателем. По сути, речь идет о модели анти-иконы, ибо портрет выступает каналом связи с нечистой силой. Образ Леси Дмитриевны коррелирует и с судьбой несчастного Башмачкина. На одном из уличных перекрестков женщину едва не лишают шубы / шинели: «Подошли к ней после в метро и спросили, не продаст ли она им шубу, которая на ней. Она испугалась, а они всё шли и шли за ней до самого дома» (с. 217). Пережив инсульт, героиня, однако, быстро восстанавливается, сюжет напоминает восстание панночки из гроба. Подчеркнутая бледность, статуарность образа («Мрамор в постели») усиливает мотив мертвой Красоты.

Леся Дмитриевна, переживая свое отлучение от власти, предается самобичеванию: «Громкая кающаяся женщина». «Я догадался, что женщине хотелось вроде как вывалиться в землю и в дерьме: облеститься грязью, как покаянием. (Чувство, почти не поддающееся на просвет. Из потаенных)», – отмечает Петрович (с. 215). Мотив сознательного самоунижения характерен для женских персонажей Ф. Достоевского в целом, становится аналогом бунта против людского лицемерия, жестокости, фальши. У героини В. Маканина, напротив, жест лишен трагизма, есть фарсовая попытка наладить отношения с провидением: «Был у нее, помимо покаяния, также и крохотный, еле ощутимый расчетец. Она покается, она унижится – и тогда, ей в ответ, кто-то или что-то (высшее в нашей жизни, Судьба, Бог) поймет ее и простит» (с. 215). Одним из вариантов самоунижения и становится для Леси Дмитриевны связь с Петровичем – «опустившимся сторожем из андеграунда». Она сравнивает избранника с «пьющим грязным старикашкой» (проекция Федора Павловича Карамазова), испытывающим слабость к уборщицам, когда они, «расставив ноги и согнувшись, начинали надраивать поздним вечером в коридорах НИИ натоптанные полы» (с. 221).

Идея сладострастного старика, дряхлого сатира получает продолжение в романе «Испуг» (2006), герой которого – *Петр Петрович* (!) Алабин – в стремлении уйти от старости разво-

рачивает охоту за юными красавицами – «нимфами» [Амусин, 2010] и выигрывает схватку с Роком. В «Андеграунде...», напротив, акцентируется интерес героя к падшим; как только избранницы поднимаются со дна жизни, он теряет к ним всякий интерес: «Здесь сказывается литературная природа образа Петровича – “утешителя” из галереи известных персонажей Достоевского», – считает критика [Хачатурян, 2003, с. 9]. Женские судьбы в романе рифмуются друг с другом по принципу зеркального отражения. После перестройки Вероничка занимает место Леси Дмитриевны за тем самым «Столom, покрытым сукном и с графином посередине». С Зинаидой Агаповной последнюю роднит общая идея «бабы с подушкой». История увлечений Петровича, изобилуя низкими деталями, подсвечена и символикой эллинических легенд. Сами мифы, насыщенные бытовыми подробностями, психологическими нюансами, отчасти профанируются. Эротический дискурс разворачивается на границе между грубой плотской чувственностью, состраданием и высоким ритуалом.

В финале романа герой возвращается в общежитие, из которого был изгнан, оказывается в квартире Курнеевых, описание которой и знаменует начало романа. Теперь же Курнеевы выдают дочь замуж. Сюжет свадьбы, связанный с семантикой обновления, инициации, закольцовывает историю Петровича. За время скитаний героя Курнеевы расширили жилплощадь, присоединив и соседнюю комнату. Огромный *лом*, которым разрушена стена общежития / пещеры, – *стило*, на что указывает и возвращенный герою дар Слова: «Я вдруг услышал Слово, и это Слово было *я сам*. Мне лишь показалось, почудилось. После десятилетнего молчания (мне показалось) я услышал знакомый гул» (с. 439). Выход из коридора к Свету – это и преодоление соблазна «жить по писанному», завоеванное право на самоопределение, «*другое*» Слово. В поэтике Гоголя Женщина как ориентир, ударная сила равняется Слову [Бочаров, 2007, с. 390] .

Петрович, как и его литературный прототип – Акакий Акакиевич, находится не столько в темном коридоре, на ночной улице, сколько *посредине строки*, но уже строки самого В. Маканина. «Андеграунд...», как заметил А. Немзер, роман об «одолении немоты», хотя бы самым фактом этого романа, который всё же был написан [Немзер, 2000, с. 219]. В позднем тексте автора «Испуг» за персонажем – «живучем стариканом» – проступает фигура сатира, «лунного Пьеро» и античного героя, бросающего вызов собственной смерти. Текст завершает пляска «*голового человека*» – старика Алабина – на крыше Белого дома в сполохах прожекторов, символизирующая победу Эроса над Танатасом, торжество иронико-мифологической позиции любвеобильного трикстера над холодом, жестокостью реальной истории.

Интерес к Женщине-Воительнице демонстрирует не только «новый реализм» (М. Тарковский), но отчасти и «новая лагерная проза». В романе «Зулейха открывает глаза» образ героини дан в парадигме от задавленной бытом «женщины с подушкой» до *воительницы*, буквально «женщины с ружьем». Очень любопытны образы современных интеллектуалок, творческих натур, которые создали Л. Улицкая («странная Таня» в повести «Сонечка», Ирина Пирсон в повести «Веселые похороны», отчасти Медея из романа «Медея и ее дети»), М. Степнова («Женщины Лазаря»). Стоит упомянуть и «*текст Лилит*», развернуто воплощенный с оглядкой на поэтику В. Набокова, в ранней прозе Л. Улицкой.

Даже беглый анализ женских образов в текстах современных авторов позволяет наметить условную типологию:

Образ *женщины-воительницы* – стержневой в позднем творчестве традиционалистов, во многом антиномичен по отношению к героиням ритуального сознания и бизнес-леди. Воительницы выполняют мужские функции по охране жизни, исполнению завета, утверждению закона, наделены соответствующими чертами: силой воли, мужеством одиночества, духовным самостоянием, способностью раздвигать пределы реальности в неназываемое, вживаться в инобытие.

Образ *патриархальной женщины*, в котором функции жены и матери – определяющие. Этот тип далеко не однороден, здесь можно выделить *образ старухи* с присущими ему чер-

тами жертвенности, чадолюбия, активного милосердия, смирения, следования обряду (сохраняющему глубинные смыслы), интуитивного знания о связи человеческого бытия с метафизическим. Особым образом стоит отметить фигуру *бабушки* в текстах авторов XXI в., уже лишенную внутренней гармонии, цельности натуры, сокровенного знания о прошлом, тайны, – того «символического капитала», который так важен для поколения внуков.

Образ «*Бабы с подушкой*», выведенный в знаменитом романе В. Маканина «Андеграунд...», суть остранение, ироническая трансформация классического типа «девушки за пальцами», «хранительницы очага», к которому апеллирует русская классика.

Образ интеллектуалки, *бизнес-леди*, пренебрегающей бытийными законами, памятью, стремящейся к максимально комфортной, облегченной жизни, в сценарий которой не вписываются милосердие, жертвенность, смерть.

Образ «*Афродиты площади*», чье подпольное бытие самодостаточно и самоценно. Описание ночных бабочек дано по контрасту с *ангельскими фигурами*, особенно значимыми в текстах позднего В. Распутина. В образах ангелов на первый план выдвигается надмирное начало, функции милосердия, жертвенности и свидетельства. С ними связаны образы *юродиц*, которые, однако, утрачивают былую силу, но свидетельствуют наличие метафизической тайны в здесь-бытии.

Итак, современная русская литература сохраняет интерес к женским образам, но классические типажи получают здесь ироническое, остраненное прочтение. Страстный поиск своего героя, который мог бы ответить на вызовы времени, заставляет обращаться то к *новым амазонкам*, то к *ангельским созданиям*, по которым тоскуют в городских сумерках. Пороговая ситуация рубежа веков оказывается, однако, наиболее приемлемой для тех, кто вне традиции и ритуала, вне обязательств и общины, кто не боится рисковать, потерять всё, остаться «голым», раздвинуть настоящее в инобытие. Отсюда интерес к игрокам, трикстерам, чей успех, однако, ситуативен, зависит от культурного героя, которому трикстер и прокладывает путь...

Список литературы

- Амусин М. Панацея от испуга // Вопросы литературы. 2010. № 1. С. 104–124.
- Богин И. Вечная женственность. М.: Алетейя, 2002. 488 с.
- Бочаров С. Филологические сюжеты. М.: Языки русской культуры, 2007. 656 с.
- Бычков В. В. Идеал любви христианско-византийского мира // Философия любви: В 2 ч. М.: Мысль, 1990. Ч. 1. С. 68–109.
- Золотоносов М. Глуттократос. Исследование немого дискурса. Аннотированный каталог садово-паркового искусства сталинского времени. СПб., 1999. С. 20–29.
- Зусева-Озкан В. Дева-воительница в литературе русского модернизма: образ, мотивы, сюжеты. М.: Индрик, 2021. 711 с.
- Ковтун Н. Русь «постквадратной» эпохи (К вопросу о поэтике романа «Кысь» Т. Толстой) // Respectus Philologicus, 2009. № 15 (20). Р. 85–98.
- Ковтун Н. Старуха, ангел, богатырка: генекратический миф современной традиционной прозы // Литературная учеба. 2010. № 4. С. 80–93.
- Ковтун Н. «Ангельские создания» в прозе В. Распутина: специфика репрезентации, функционал // Филологический класс. 2020. № 2 (25). С. 19–32.
- Колесов В. Экономика нравственности и нравственность экономики // Домострой. М.: Худож. лит., 1991. С. 6–22.
- Маканин В. С. Андеграунд, или Герой нашего времени. М.: Вагриус, 1998. 493 с.
- Масон Ш. Секретные записки о России, и в частности о конце царствования Екатерины II и правлении Павла. М.: НЛЮ, 1996. 245 с.
- Миц З. Блок и Гоголь // Блоковский сборник. II: Тр. Второй науч. конф., посвящ. изучению жизни и творчества А. А. Блока / Отв. ред. З. Г. Миц. Тарту, 1972. С. 122–205.

- Немзер А.** Замечательное десятилетие. О русской прозе 90-х годов // *Новый мир*. 2000. № 1. С. 199–219.
- Розанов В.** Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях // Розанов В. Собр. соч. / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1996. 701 с.
- Рыбаков Б. А.** Язычество древних славян. М.: Наука, 1994. 638 с.
- Савкина И.** «У нас уже никогда не будет этих бабушек?» // *Вопросы литературы*. 2011. № 2. С. 109–135.
- Слободнюк С. Л.** «Дьяволы» серебряного века (Древний гностицизм и русская литература 1890–1930 гг.). СПб.: Алетейя, 1998. 425 с.
- Федотов Г.** Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М.: Гнозис, 1991. 192 с.
- Хачатурян Л.** Гендер в романе В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» // *Toronto Slavic Quarterly: Uni. of Toronto. Academic Electronic Journal in Slavic Studies*. 2003. Vol. 14. P. 2–10.

References

- Amusin M.** Panacea ot ispuga [The panacea for fright]. *Voprosy literatury*, 2010, no. 1, pp. 104–124. (in Russ.)
- Bocharov S.** Filologicheskie syuzhety [Philological subjects]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2007, 656 p. (in Russ.)
- Bogin I.** Vechnaya zhenstvennost' [Eternal Femininity]. Moscow, Aleteyja Publ., 2002, 488 p. (in Russ.)
- Bychkov V. V.** Ideal lyubvi khristiansko-vizantijskogo mira [The Christian-Byzantine ideal of love]. In: *Filosofiya lyubvi*. In 2 vols. Moscow, Mysl' Publ., 1990, vol. 1, pp. 68–109. (in Russ.)
- Fedotov G.** Stikhi dukhovnye. Russkaya narodnaya vera po dukhovnym stikham [Spiritual Poems. Russian Folk Faith by Spiritual Poems]. Moscow, Gnozis Publ., 1991, 192 p. (in Russ.)
- Hachaturyan L.** Gender v romane V. Makanina “Andegraund, ili Geroj nashego vremeni” [Gender in V. Makanin's novel “Underground, or a Hero of our time”]. *Toronto Slavic Quarterly: Uni. of Toronto. Academic Electronic Journal in Slavic Studies*, 2003, vol. 14, pp. 2–10. (in Russ.)
- Kolesov V.** Ekonomika npravstvennosti i npravstvennost' ekonomiki [Moral Economy and Morality of Economics]. In: *Domostroj*. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1991, pp. 6–22. (in Russ.)
- Kovtun N.** “Angel'skie sozdaniya” v proze V. Rasputina: specifika reprezentatsii, funktsional [“Angelic creatures” in V. Rasputin's prose: specificity of representation, functional]. *Filologicheskij klass*, 2020, no. 2 (25), pp. 19–32. (in Russ.)
- Kovtun N.** Rus' “postkvadratnoj” epokhi (K voprosu o poetike romana “Kys” T. Tolstoj) [Rus' “postkvadratnogo” epoch (To a question on poetics of the novel “Kys” by T. Tolstaya)]. *Respectus Philologicus*, 2009, no. 15 (20), pp. 85–98. (in Russ.)
- Kovtun N.** Starukha, angel, bogatyрка: genekraticeskij mif sovremennoj traditsionnoj prozy [The Old Woman, the Angel, the Hero: the genecratic myth of modern traditional prose]. *Literaturnaya ucheba*, 2010, no. 4, pp. 80–93. (in Russ.)
- Makanin V.** Andegraund, ili Geroj nashego vremeni [The Underground, or a Hero of Our Time]. Moscow, Vagrius Publ., 1998, 493 p. (in Russ.)
- Mason Sh.** Sekretnye zapiski o Rossii, i v chastnosti o kontse tsarstvovaniya Ekateriny II i pravlenii Pavla [Secret Notes on Russia and, in particular, on the end of the reign of Catherine II and the reign of Paul]. Moscow, NLO Publ., 1996, 245 p. (in Russ.)
- Mints Z.** Blok i Gogol' [Blok and Gogol]. In: *Mints Z. G. (ed.). Blokovskij sbornik. II: Trudy Vtoroj nauch. konf., posvyashch. izucheniyu zhizni i tvorchestva A. A. Bloka*. Tartu, 1972, pp. 122–205. (in Russ.)

- Nemzer A.** Zamechatel'noe desyatiletie. O russkoj proze 90-kh godov [Remarkable decade. About Russian prose of 90s]. *Novyj mir*, 2000, no. 1, pp. 199–219. (in Russ.)
- Rozaov V.** Legenda o Velikom inkvizitore F. M. Dostoevskogo. Literaturnye ocherki. O pisatel'stve i pisatelyakh [The Legend of the Grand Inquisitor by F. M. Dostoyevsky. Literary essays. About writing and writers]. In: Rozaov V. *Sobr. soch.* Ed. by A. N. Nikoljukin. Moscow, Respublika Publ., 1996, 701 p. (in Russ.)
- Rybakov B. A.** Yazychestvo drevnikh slavyan [Paganism of the ancient Slavs]. Moscow, Nauka, 1994, 638 p. (in Russ.)
- Savkina I.** “U nas uzhe nikogda ne budet etikh babushek?” [“We'll never have these grandmothers?”]. *Voprosy literatury*, 2011, no. 2, pp. 109–135. (in Russ.)
- Slobodnyuk S. L.** “D'yavoly” serebryanogo veka (Drevnij gnostitsizm i russkaya literatura 1890–1930 gg.) [“Devils” of the Silver Age (Ancient Gnosticism and Russian Literature in 1890–1930)]. St. Petersburg, Aletejya Publ., 1998, 425 p. (in Russ.)
- Zolotonosov M.** Γλυπτοκρατος. Issledovanie nemogo diskursa [Γλυπτοκρατος. A study of silent discourse]. Annotated catalog of garden and park art of Stalin's time. St. Petersburg, 1999, pp. 20–29. (in Russ.)
- Zuseva-Ozkan V.** Deva-voitel'nitsa v literature russkogo modernizma: obraz, motivy, syuzhety [The Warrior-Maiden in the Literature of Russian Modernism: Images, Motives, Plots]. Moscow, Indrik Publ., 2021, 711 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Наталья Вадимовна Ковтун, доктор филологических наук, профессор

Information about the Author

Natalia V. Kovtun, Doctor of Sciences (Philology), Professor

*Статья поступила в редакцию 18.11.2021;
одобрена после рецензирования 20.11.2021; принята к публикации 22.11.2021
The article was submitted 18.11.2021;
approved after reviewing 20.11.2021; accepted for publication 22.11.2021*

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-118-128

Интерпретация христианской категории терпения в романе М. Елизарова «Библиотекарь»

Оксана Анатольевна Колмакова

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Улан-Удэ, Россия

univer@bsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4873-181X>

Аннотация

Исследуется интерпретация христианской категории терпения в романе М. Елизарова «Библиотекарь». Обосновывается целесообразность включения текста в парадигму современного литературного мифотворчества, предполагающего культивирование авторского мифа во внетекстовой реальности. В качестве основной интенции елизаровского мифа в «Библиотекаре» рассматривается ревизия христианства посредством синтеза с коммунистической идеологией. Анализируются авторские стратегии обращения к христианскому вероучению – его ключевым категориям («терпение», «подвиг»), образам («Богородица», «Христос»), формам поведения («схима»). Выявляется, что в «Библиотекаре» христианский дискурс обнаруживает как каноническое понимание, совпадающее с трактовками святоотеческой традиции, так и индивидуально-авторское, определяемое художественными задачами писателя. Творя новую «христианско-советскую» легенду о библиотекаре Алексее Вязинцеве, М. Елизаров ведет активный диалог с массовым сознанием как потребителем современного мифа.

Ключевые слова

М. Елизаров, «Библиотекарь», христианство, терпение, миф, массовое сознание

Для цитирования

Колмакова О. А. Интерпретация христианской категории терпения в романе М. Елизарова «Библиотекарь» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 2: Филология. С. 118–128. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-118-128

Interpreting the Christian Category of Patience in M. Elizarov's Novel "The Librarian"

Oksana A. Kolmakova

Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation

univer@bsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4873-181X>

Abstract

Purpose. The aim of the article is to investigate the author's interpretation of "patience" concept, other key categories and images of Christianity in M. Elizarov's novel "The Librarian".

Results. The plot of "The Librarian" is based on the myth "USSR, the golden age" and on the complex of Christian ideas. It is most productive to consider "The Librarian" within the framework of the myth-making tendency, when the author continues to cultivate a myth created in a fictional work in his interviews and journalism. The leading artistic task of the author is an attempt to update the Christian doctrine through a synthesis with communist ideology. In the

© Колмакова О. А., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 2: Филология. С. 118–128

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 2: Philology, pp. 118–128

novel, the patience category is endowed with both Christian meanings (“the consolation of the suffering”) and Soviet militaristic sense. M. Elizarov enters into a dialogue with the mass consciousness since it becomes the main consumer of any myth, including the myth created by the author of “The Librarian”. In the novel, the contexts of archaic myth, folklore and criminal subculture, the interest in which is typical for modern mass society, arise in the patience motive’s implementation. The author’s understanding of patience, that is close to the Christian canon, is found in Alexei Vyazintsev’s interpretation of the soteriological mission. The motive of the alone hero’s reading of “The Incessant Psalter” in an underground bunker appeals to schema practice. However, in reality, Elizarov creates an unconscious schema practice parody.

Conclusion. In M. Elizarov’s novel “The Librarian”, the ideas about the Christian feat of patience are passed through the prism of mass consciousness, that leads to literalization, simplification and emasculation of highly spiritual Christian meanings.

Keywords

Mikhail Elizarov, “The Librarian”, Christianity, patience, myth, mass consciousness

For citation

Kolmakova O. A. Interpreting the Christian Category of Patience in M. Elizarov’s Novel “The Librarian”. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 2: Philology, pp. 118–128. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-118-128

Введение

Изучение христианского дискурса в художественном тексте является актуальной проблемой современного литературоведения (см., например: [Дунаев, 1996–2000; Есаулов, 2004; Кошемчук, 2009; Кантор, 2014]). Христианство традиционно осмысливается русскими писателями как метафора духовности, а Библия остается одним из важнейших «прецедентных текстов» русской культуры¹.

В современном культурном пространстве христианское вероучение существует как в своем каноническом понимании, так и в искаженном – как элемент современной мифологии, носителем которой выступает массовое сознание. Обращаясь к христианской образности, современные писатели, как правило, либо профанируют искаженное восприятие христианства, присущее массовому сознанию², либо возвращают христианским понятиям их подлинные смыслы³. Принципиально иные «взаимоотношения» автора с христианским вероучением обнаруживаются в романе М. Елизарова «Библиотекарь» (2007).

О роли христианской образности как элемента русской национальной культуры в «Библиотекаре» писал Б. А. Ханов [2015]. В данной статье роман М. Елизарова рассматривается как попытка обновления христианской доктрины. Предметом настоящего исследования является анализ художественных стратегий, посредством которых писатель осуществляет ревизию христианского вероучения в рамках творимого им авторского мифа.

Цель статьи состоит в изучении интерпретации понятия «терпение» и других ключевых категорий и образов христианства в романе М. Елизарова «Библиотекарь». Методология исследования базируется на принципах структурной семиотики, а также на теории мифа,

¹ Библия, безусловно, обладает такими дефинициями понятия «прецедентный текст», как «значимость текста в познавательном и эмоциональном отношении», его «сверхличностный характер» и «возобновляемость обращения» к нему [Караулов, 1987, с. 216].

² Например, герой рассказа Л. С. Петрушевской «Чудо» (1995) дядя Корнил – профанный Христос. Когда дядя Корнил «умершего одного еврея воскресил, Лазаря Моисеевича», дети «воскресшего» «претензию предъявили» – наследство они, оказывается, уже поделили. Увидев муки слепца, который «побирался с палочкой на вокзале», Корнил сказал: «Открой глаза и иди», но прозревший «начал ругаться, что теперь ему никто не подаст» [Петрушевская, 1996, с. 134].

³ Так, актуальная для массового сознания мифологема «Светопреставление», связанная с обывательским пониманием Апокалипсиса как всемирной катастрофы, подвергается демифологизации в одноименной повести И. Ю. Клеха, написанной в 2003 г. В финале произведения герой размышляет о грядущей встрече с уже ушедшими родными и близкими на семейной трапезе: «Вот не знаю только, что там мама приготовила нам всем на ужин» [Клех, 2003, с. 98]. Возникший идиллический хронотоп соответствует духу христианского канона, рассматривающего Второе пришествие как событие радостное, желанное (сам Иоанн Богослов призывает Господа прийти скорее: «Ей, гряди, Господи Иисусе!») [Библия, 1995, с. 1346].

мифологического сознания и мифопоэтики, изложенной в работах Е. М. Мелетинского, А. Ф. Лосева, В. Я. Проппа.

Результаты исследования

Сюжет романа М. Елизарова строится вокруг судьбы заглавного героя, «библиотекаря» Алексея Вязинцева, чья рутинная жизнь меняется после встречи с тайными почитателями творчества забытого советского беллетриста Дмитрия Громова. Выясняется, что книги этого писателя обладали силой мистического преображения. Неофиту Вязинцеву открывают подлинные названия книг: повесть «Нарва» в действительности является «Книгой Радости», «Тихие травы» – «Книгой Памяти», «Дорогами труда» – «Книгой Ярости» и т. д. Чтение книг вызывает у героев состояние эйфории, что приводит к восприятию и переживанию советского прошлого как идеального.

«Громовцы» создали сообщества – «библиотеки» и «читальни», ведущие друг с другом кровопролитные битвы за обладание книгами. Особенно выделяются два клана – «мужской», организованный интеллигентами и заключенными (клан Лагудова-Шульги), и «женский», основной костяк которого составили обитатели и персонал дома престарелых – клан Моховой.

После прочтения «Книги смысла» Вязинцев постигает сакральное назначение всего громовского наследия – быть охранительным «Покровом советской Богородицы» над страной.

Краткий пересказ романа позволяет увидеть в основе его сюжета миф об эпохе СССР как о «золотом веке», подкрепленный комплексом христианских представлений. Создавая роман о маргиналах постсоветского общества, привычных «выносить», «переносить», «нуждаться», «страдать», «ожидать», «смиряться», т. е. «терпеть» (см.: [Даль, 2004, с. 638]), М. Елизаров особое внимание уделяет одному из центральных в христианском вероучении понятий – терпению. «Добродетель терпения органически, неразрывно связана со всеми другими христианскими добродетелями и всем строем духовной жизни христианина», – отмечает известный богослов XX столетия Гермоген Шиманский [2015, с. 6]. Рассмотрим подробнее функционирование категории терпения в художественном целом романа «Библиотекарь».

Для адекватной интерпретации романа принципиально важно определить, является ли миф одним из средств реализации авторского замысла или целью писателя становится создание собственного мифа. В первом случае можно говорить о методе «магического историзма», который, как отмечает А. Эткинд, «представляет прошлое не просто как “другую страну”, но как страну экзотическую и неразведанную, так и оставшуюся беременной нерожденными альтернативами и неперменными чудесами» [Липовецкий, Эткинд, 2008, с. 175]. Таким «чудом» в романе Елизарова определенно является «громовское семикнижие».

Если рассматривать текст «Библиотекаря» в рамках «магического историзма», то за мифологическими конструкциями в романе должны стоять авторские метафоры, формирующие интеллектуальный слой смыслов произведения. Однако, разрабатывая сквозной для мировой культуры сюжет власти книги, М. Елизаров, на наш взгляд, не поднимается до уровня метафорических обобщений на тему «взаимоотношений» текста и читателя, текста и культуры. Писатель акцентирует внимание лишь на двух моментах, сопровождающих в романе процесс чтения: на мистике и на физиологии. Чтение обретает в романе статус мистического события посредством двух мотивов из реестра выделенных В. Я. Проппом «функций сюжета» волшебной сказки – «запрета» (чтобы книга «подействовала», нельзя нарушать «Условия Непрерывности и Тщания») и «трансфигурации» (читатель преображается).

Особенно физиологично описано преображение старух. Вязинцев с омерзением наблюдает «обратную трансфигурацию» Полины Горн. Когда кончилось действие «Книги Силы», Горн из грозной воительницы превращается в «ветхое существо»: «вылезли наружу крючковатый шелушащийся нос, непропорционально большие дряблые уши. На усохшем лобике

и щеках налились гречневым пигментом родимые пятна и многочисленные старческие бородки» [Елизаров, 2019, с. 395–396] ⁴.

Не столь гротескно, но не менее физиологично описывается воздействие книг на других героев. Например: «Лагудова захлестнула такая сокрушающая нежность к той приснившейся жизни, что он <...> оцепенел от всепоглощающего чувства светлого и чистого умиления» (с. 14). Шульга пережил «душевную трансформацию»: «его ум вдруг наполнился пульсирующим ощущением собственной значимости» (с. 27). Лицо Тимофея Степановича осветила «странная эмоция <...> В этом мимическом сиянии была смесь неброского, светлого восторга и гордой надежды» (с. 200–201).

С одной стороны, физиологичность описанных переживаний маркирует восприятие советского текста как мифа, который для героев, носителей мифологического сознания, становится «максимально интенсивной и в величайшей мере напряженной реальностью» [Лосев, 2014, с. 37]. С другой стороны, физиологическая яркость переживаний персонажа апеллирует к личному опыту реального читателя – вызывает у него состояние ностальгии по «советскому». Очевидной авторской интенцией в романе становится эмоциональная включенность читателя в текст, тогда как восприятие текста «магического историзма» требует от читателя интеллектуальной работы, связанной с расшифровкой «неочевидных смыслов».

На наш взгляд, рассмотрение «Библиотекаря» в рамках альтернативной «магическому историзму» мифотворческой тенденции является более продуктивным. Художественные тексты современной мифотворческой парадигмы О. Лебедушкина определяет как «мифы, создаваемые и пересоздаваемые абсолютно всерьез со всеми старомодными теургическими замашками» [Лебедушкина, 2006, с. 195] ⁵.

В «Библиотекаре» обращает на себя внимание отсутствие авторской иронии, игровой пародийности ⁶. Приведем одну цитату: «Последний раз Громова напечатали в семьдесят седьмом году, а потом в редакциях сменились люди <...> Громов отовсюду получал вежливые отказы. Государство, празднуя грядущее самоубийство, высиживало бесноватую литературу разрушителей» (с. 11). Оппозиция «бесноватая литература – Громов» создает ореол «божественного» вокруг личности и творчества Громова, что важно для развития сюжета. И вместе с тем в приведенной цитате отчетливо слышится голос самого Михаила Елизарова, сожалеющего об утрате современной литературой созидательного начала.

В «Библиотекаре» нет «двойного агента» (О. Лебедушкина), возникающего, когда автор дистанцирован от своего героя. У Елизарова дистанция между автором и героем минимальна: Алексея Вязинцева можно считать авторским Alter Ego ⁷. Елизаров делегирует герою «священное» для любого писателя право письма – в финале выясняется, что роман представляет собой рукопись Вязинцева в шести общих тетрадах. Желая дистанцироваться от своего героя, писатель вряд ли стал бы наделять его такими явными автобиографическими чертами, как специфическая национальность («русский украинец») и возраст (на момент разворачивающихся событий 2000-го года Вязинцеву 27 лет – столько же, сколько было в это время автору).

⁴ Далее текст романа цитируется по данному изданию с указанием номера страницы в круглых скобках.

⁵ К данной парадигме могут быть отнесены романы Ю. Мамлеева «Блуждающее время» (2001), В. Сорокина «Путь Бро» (2004), Л. Петрушевской «Номер Один, или В садах других возможностей» (2004), П. Крусанова «Американская дырка» (2005) и др.

⁶ Следует сказать, что авторская ирония в романе присутствует, но реализуется она не на уровне идейного содержания текста, а лишь в пределах отдельной фразы (к примеру: «зрачки Горн вспыхнули оранжевым мартеновским пламенем», «дачный участок с поросычьим домиком а-ля Ниф-Ниф», «бабки из пригорода везли на продажу огородные излишки», «на перекладинах, похожие на исхудавших висельников, болтались сотни костюмов» и др.).

⁷ Примечательно, что в романе «Pasternak» (2003), также весьма своеобразно реализующем авторское понимание христианства, М. Елизаров, не скрывая своих симпатий по отношению к паре Льнов – Цыбашев, создает более ощутимую, чем в «Библиотекаре», дистанцию между автором и героями – за счет обращения к интертекстуально-игровой поэтике.

Наконец, «пафосный и духоподъемный финал романа» [Кутейникова, Оробий, 2016, с. 154] вполне соответствует риторической приподнятости публицистических выступлений Елизарова на тему советского прошлого. Приведем финальные строки «Библиотекаря»: «В непроглядной бездне потолка вдруг зажегся вселенский планетарий, звездный покров космической вечности <...> Если свободна Родина, неприкосновенны ее рубежи, значит, библиотекарь Алексей Вязинцев стойко несет свою вахту в подземном бункере, неустанно прядет нить защитного Покрова, простертого над страной» (с. 472–473). А вот реплика писателя Михаила Елизарова, опубликованная в газете «Завтра»: «...то, что пришло после Советского Союза оказалось настолько омерзительным, что тусклая в детстве дата <7 ноября> превратилась в фантастически яркую, ностальгическую звезду. И улетев с планеты СССР, максимально приближаясь к новой планете, нынешней РФ, я мог обращаться к Советскому Союзу именно из этой точки. 7 ноября стало днём покаяния»⁸. Корреляция очевидна.

Как видим, созданный в «Библиотекаре» сотериологический миф об СССР М. Елизаров выводит за пределы текста романа. Критики и литературоведы не раз приводили примеры публицистических высказываний Елизарова, в которых он выступает с апологией советского. При этом незамеченным остается другое высказывание писателя, которое можно считать квинтэссенцией авторского замысла «Библиотекаря»: «Я бы хотел, чтобы православная церковь стала, если угодно, коммунистической»⁹. По нашему мнению, одной из ведущих художественных задач, поставленных автором «Библиотекаря», является попытка обновления христианского вероучения за счет его синтеза с коммунистической идеологией, в связи с чем М. Елизаров весьма своеобразно интерпретирует христианский текст и одно из его центральных понятий – терпение.

У М. Елизарова «Книга Терпения» «Серебряный плес» занимает среди творений Громова значимое место: «Эта Книга дарила любому страждущему ощущение великого утешения и примирения с жизнью» (с. 18). Герои неоднократно подчеркивают особую ценность «Книги Терпения». Например: «Лагудову повезло – кроме имеющихся уже Книг Памяти и Радости, нашлась довольно редкая и ценная Книга Терпения “Серебряный плес”. Действуя как морфий, Книга намертво удерживала в библиотеке всех страждущих» (с. 21); «– Ну, и слава Богу, – перекрестился Марат Андреевич, – уже легче. – Он ободряюще подмигнул: – Книга Терпения. Живем, Алексей» (с. 176); «Павлики снова сделали полноценной библиотекой с общим числом до восьмидесяти читателей. И кроме прочего, у них были Книга Ярости и Книга Терпения – незаменимые бойцовские Книги» (с. 225).

Приведенные фрагменты показывают, что в романе христианские смыслы терпения как «утешения страждущих» соседствуют с элементами советской милитаристской пропаганды – «бойцовская книга»¹⁰. Отметим, что милитаристская проблематика является одной из ведущих в романе. Критики даже упрекали Елизарова за излишне детализированное описание сцен кровавых сражений между «громовцами»¹¹. Однако милитаристскую символику Елизаров извлекает и из самого христианского текста, помещая в центр авторской мифологии «Библиотекаря» богородичный сюжет, в интерпретации которого писатель следует апокрифу о Пресвятой Деве, укрывшей христиан своим мафорием¹². Воспроизводимое Вязинцевым

⁸ Елизаров М. Аврора. Годовщина Октябрьской революции // Завтра. 2014. 7 нояб. URL: https://zavtra.ru/word_of_day/oktyabr-2 (дата обращения 13.04.2021).

⁹ Там же.

¹⁰ Основа советской идеологии как идеологии любого тоталитарного государства – милитаристский дискурс, который не только закрепился на уровне сценариев поведения советских граждан («Готов к Трудю и Обороне», «пионерская дружина», «смотр октябрятских войск» и т. д.), но и прочно проник в русский язык («техника вышла из строя», «фронтальный опрос учащихся», «битва за урожай», «дела на личном фронте» и др.).

¹¹ «Автор, кажется, получает удовольствие, описывая, как лопаты рассекают лица, лезвия погружаются в живот, кистень дробит голову, топор сокращает челюсть, – чего нельзя сказать о нормальном читателе» [Латынина, 2009, с. 169].

¹² См.: Житие и деяния святого отца нашего Андрея, Юродивого Христа ради. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Zhitija_svjatjkykh/zhitie-andreja-yurodivogo/ (дата обращения 15.04.2021).

«громовское семикнижие» должно стать новым «защитным мафорием» России «от врагов видимых и невидимых».

На наш взгляд, выбор богородичного сюжета у Елизарова не случаен. В провозвестнике соцреализма – романе «Мать» А. М. Горького – именно образ Богородицы освятил дело русской революции и заложил идею о христианстве как о надежном «субстрате» для новой советской идеологии. Горький прямо соотносит главного героя романа, социалиста Павла Власова, с образом Христа¹³, и читателю не составляет труда установить корреляцию между образом матери Павла, Пелагеи Ниловны, и Богородицы¹⁴.

Совмещая «советский» и «христианский» коды, М. Елизаров опирается на заданную М. Горьким парадигму родства советской идеологии по отношению к христианскому вероучению. Соотносимость ведущих советских мифологем и христианских концептов очевидна: «Отец народа» / «Бог-отец», «Ленин» / «Святой» (чьи «мощи» нетленны), «Светлое будущее» / «Царство Небесное» и т. п. В данный ряд Елизаров вносит собственные тождества: «советская массовая песня – псалмы», «палехская роспись – иконопись», «начитанные книги – намоленные иконы», стремясь придать создаваемому им мифу высокодуховную символику христианских смыслов.

Однако в интерпретации богородичного сюжета Елизаров, напротив, уходит от его символического содержания о духовном покровительстве Богоматери всему христианскому миру и актуализирует буквальный смысл, связанный с мотивом защиты от конкретного врага. В легенде о Покрове врагом являются османские турки, угрожавшие в IX–X вв. византийским христианам. У Елизарова этот враг – «янки с надменными брезгливыми лицами» (с. 318), чьи милитаристские намерения относительно России подробно описываются на двух страницах романа. И если в эпоху СССР врагом государственности выступал весь капиталистический мир, то в постсоветской России массовое сознание персонифицировало абстрактного врага в конкретном образе – США.

М. Елизаров вступает в диалог с массовым сознанием, поскольку именно оно становится основным потребителем любого мифа, в том числе и того, который творится автором «Библиотекаря». Укорененность мифологической ментальности в массовом сознании отмечал еще Е. М. Мелетинский: «... мифологический способ концепирования связан с определенным типом мышления, которое специфично для первобытного мышления в целом и для некоторых уровней сознания, в особенности массового, во все времена» [2000, с. 5–6]. Стержневые христианские смыслы терпения искажаются под влиянием представлений о терпении, присущих таким элементам массового сознания, как архаических миф и фольклор, а также криминальной субкультуре, интерес к которой характерен для современного массового общества.

Авторское понимание терпения, близкое к христианскому канону, обнаруживается в трактовке сотериологической миссии Алексея Вязинцева. Христианин, принявший на себя обет терпения, «подлинно умер миру и греху» [Шиманский, 2015, с. 11]. То же «отпадение от мира» происходит и с Вязинцевым: «Я старался поменьше вспоминать о родных» (с. 471). Терпящий лишения христианин должен изгнать из своего сердца обиду и смущение. И у Вязинцева сердце наполняется благодатью «Союза Небесного». Искренние пронзительные слова песни «Этот большой мир» на стихи Р. Рождественского трогают героя. Осознав необходимость своего «служения», Вязинцев впервые обнаруживает в себе душу и, растроганный песней, прощается со своей прежней жизнью: «Что-то родное <...> повернулось юным лицом

¹³ Приведем наиболее показательные цитаты: «– Надо, Павел, веру новую придумать... надо сотворить бога – друга людям!»; «– Не поверят люди голому слову, – страдать надо, в крови омыть слово»; «– Вам бы вступиться за Павла-то! – воскликнула мать, вставая. – Ведь он ради всех пошел», «...он понял божью правду и открыто сеял ее» [Горький, 1979, с. 51, 60, 62, 246].

¹⁴ Примечательно, что у Горького также присутствует мотив радостного тайного чтения, но в отличие от героев Елизарова горьковские персонажи испытывают радость от смысла почитанного: «... когда они читали в газетах о рабочем народе за границей <...> глаза у всех блестели радостью, все становились странно, как-то по-детски счастливы» [Горький, 1979, с. 32].

и взмахнуло на прощание рукой. В глазах остывали счастливые теплые слезы» (с. 473). Работа терпения есть работа души. Иисус Христос говорил ученикам: «...терпением вашим спасайте души ваши» [Библия, 1995, с. 1119]. Приступая к своему поприщу, Вязинцев демонстрирует зачатки покаяния. В нем пробуждается голос совести: «Мне вдруг стали сниться убитые мной люди» (с. 471). Святые отцы утверждают, что терпение «является краеугольным камнем <...> покаяния» [Шиманский, 2015, с. 108].

Раскрывая читателям своих тетрадей сущность «сокровенного семикнижия», Вязинцев обращается к образной речи: «Страна надежно укрыта незримым куполом <...> возводят его незыблемые опоры – добрая Память, гордое Терпение, сердечная Радость, могучая Сила, священная Власть, благородная Ярость и великий Замысел» (с. 319). В этом ряду особенно примечательны два тропа: «благородная Ярость» и «гордое Терпение». Остановимся на них подробнее.

Подлинно христианское терпение состоит «в безропотном, охотном и великодушном перенесении жизненных трудностей» [Шиманский, 2015, с. 9]. Вязинцева же принуждают к служению: автор сталкивает героя с «системой» в образе клана Моховой. В сюжете противостояния личности и тоталитарной структуры концепт «духовная борьба» обретает у Елизарова милитаристскую трактовку – отсюда и «ярость благородная», что противоречит христианскому пониманию борьбы. Богословы разъясняют: «в нашей христианской духовной брани <...> тот побеждает, когда гонимый терпит, обидимый не мстит, злословимый благословляет» [Там же, с. 55].

В словосочетании «гордое терпение» эпитет «гордое» искажает определяемое христианское понятие, синонимами которого являются «кротость», «смирение»: «...и смирение, и кротость, и воздержание, и всякая другая добродетель – всё, по выражению Тертуллиана, “образуется в школе терпения”» [Там же, с. 15]. Гордость же в христианском вероучении выступает как антоним терпения: «...духом смирения, кротости и терпения побеждается дух гордости» [Там же, с. 54–55]. Понятия «ярость благородная» и «гордое терпение» насыщены советской риторикой, которая разрушает христианские смыслы. Подлинного смирения Вязинцев не испытывает, тогда как настоящий христианин стремится умалиться, дабы потом, в жизни вечной, возвыситься: «последние <...> будут первыми» [Библия, 1995, с. 1107].

Для русского человека советской эпохи поговорки о терпении не потеряли своей актуальности: «Стерпится – слюбится», «Терпение и труд всё перетрут», «Господь терпел и нам велел», «Терпи, казак, – атаманом будешь». Последний афоризм, придуманный Н. В. Гоголем в повести «Тарас Бульба» и ставший достоянием русского фольклора, напрямую обыгрывается в романе Елизарова в обряде «инициации» Моховой: «...ритуал удочерения <...> был не особенно приятен и гигиеничен, с точки зрения Моховой, но Горн уговорила её потерпеть. Каждая старуха мазнула Мохову по лицу своими влагилищными выделениями, как бы символизируя этим, что Мохова появилась на свет через её утробу» (с. 44)¹⁵.

Пройдя инициацию, Мохова получает статус «дочи», а старухи – ее «мамок». Использование криминально-блатного жаргона маркирует дом престарелых как пространство тюрьмы, что коррелирует с мотивом насильственного удержания Вязинцева в подземном бункере. Контекст криминальной субкультуры возникает в романе в истории клана Шульги, состоявшего из обитателей «социального дна». В иерархии «громовцев» образовалось свое «социальное дно». Немаловажно, что для названия его представителей автор употребляет понятие «терпила» в адекватном тюремному жаргону и абсолютно прозрачном для современного массового сознания значении – ‘жертва, потерпевший’ [Словарь..., 1992, с. 243]. «Читателей с малыми доходами расселяли в любые библиотеки, где имелись вакансии <...> Многие отказывались от переезда и переходили в разряд очередников, “терпил”. Сломленные люди, как

¹⁵ Обряд инициации, где объект должен «перетерпеть» / «вынести» испытания, является сквозным мотивом романа. Мохова прошла инициацию как «доча», «посвящения во внуки» ожидал Вязинцев, прошел инициацию и сам Громов, «вынужденный левша», потерявший на фронте правую руку (мотив отрубания правой руки в волшебной сказке характеризуется В. Я. Проппом как «типичный элемент при посвящении» [Пропп, 1986, с. 212]).

правило, опускались и ожесточались» (с. 64). Судьба Вязинцева напоминает участь такого «терпилы».

Мотив чтения героем «Неусыпаемой Псалтири» в подземном бункере, в одиночестве, апеллирует к одной из центральных форм христианской героики – схимничеству, но в действительности оборачивается неосознанной пародией на него. Вязинцев как монах-схимник читает для всех, находящихся в миру, и чтение его помогает мирянам ничуть не меньше, чем доброе деяние. Однако добровольное принятие схимы молодым здоровым человеком для массового сознания выглядело бы абсурдным поступком, поэтому Вязинцев у Елизарова заточен в бункер силой. Вместо смиренномудрия герой испытывает «гордое терпение», потому что человеку массы трудно понять, что «без смирения все, даже величайшие, подвиги не только не полезны, но могут и вовсе погубить человека» [Никон (Воробьев), 1997, с. 262]. Стремясь в очередной раз совместить «христианское» и «советское», Елизаров называет чтение Вязинцева «трудовой вахтой», чем лишает деятельность героя статуса духовного трудничества.

«Терпением течем на предлежащий нам подвиг», – говорит апостол [Библия, 1995, с. 1322]. В образе Вязинцева, принесшего себя в жертву «народу», улавливается и архетип Христа, главного христианского подвигоположника. Однако рефлексия Вязинцева о грядущем подвиге становится саморазоблачением героя. Сначала Вязинцев сравнивает свое поприще с детской романтической мечтой о смерти во имя родины в окружении «самодовольных врагов»: «...щеки пылали жаром мученического пламени той, еще не разорвавшейся гранаты» (с. 470). Далее герой и вовсе называет свое служение «облегченным вариантом подвига» только потому, что теперь «умирать не нужно». Заметим, что страх смерти – один из самых сильных для современного массового сознания, культивирующего вечную молодость и гедонизм. Настоящий же христианин, подлинно верующий человек, не боится смерти, твердо зная, что обретет Царство Небесное¹⁶.

«Смерть не властна над ним, потому что она меньше его трудового подвига», – торжественно констатируется в легенде об Алексее Вязинцеве. Примечательно, что в одной из своих ранних новелл под названием «Район назывался Панфиловкой...» (1999) Елизаров демонстрирует прямо противоположное отношение к идеологеме «трудовой подвиг». Смысловым наполнением понятия «трудовой подвиг» становится не реальный опыт рабочего человека, а фикция: сюжеты историй «работяги» дяди Васи «во многом напоминали виденные ранее фильмы о комсомольских стройках, о дружбе и взаимовыручке» [Елизаров, 2011, с. 296]. Апогеем деструкции идеологемы «трудовой подвиг» и авторского глумления над ней становится поговорка: «Куда, куда – в ж...пу труда».

В «Библиотекаре» же нет и намек на иронию, а тем более насмешки над понятием «трудовой подвиг». Напротив, по отношению к этой идеологеме ощущаем очевидный авторский пиетет. «Этот чтец <...> несет свою вахту на просторах мироздания. Вечен его труд. Несокрушима оберегаемая страна» (с. 320).

Заключение

Алексея Вязинцева можно назвать не христианским, а «новым русским страстотерпцем». На первый взгляд, эклектика смыслового наполнения категории терпения в «Библиотекаре»

¹⁶ В данном контексте небезынтересно обратиться к одному эпизоду из фильма «Остров» (2006, реж. П. Лунгин). Отец Анатолий закрывает дверь кочегарки на замок и намеренно устраивает задымление этого небольшого помещения. Его гость отец Филарет начинает задыхаться и в панике мечется по кочегарке. Анатолий срывает замок и выпускает Филарета наружу. Придя в себя, Филарет обращается к Анатолию: «А главное – показал ты, что веры во мне мало. Я ведь по-настоящему испугался: “Ой, уморит он меня в своей кочегарке, ой, уморит!” Смерти испугался, маловерный. Не готов, значит, я к встрече с Господом нашим». «Не готов» здесь означает «не достоин».

создана общей «идеологической невнятицей» романа¹⁷. Однако подобная эклектика органически присуща массовому сознанию, к которому апеллирует и от имени которого выступает автор.

В романе М. Елизарова представления о христианском подвиге терпения пропущены сквозь призму массового сознания, что приводит к буквализации, упрощению и выхолащиванию высокодуховных христианских смыслов. Автобиографизм, форма дневникового повествования, а также личная позиция писателя, представленная им в публицистических выступлениях, позволяют считать Вязинцева авторским персонажем, а самого автора – ярким представителем духовной элиты современного массового общества, породившего очередные «модные тренды». «Один из них – левый миф об СССР, возвращение к романтике коммунизма <...> Другой – православный фундаментализм» [Латынина, 2009, с. 173].

Список литературы

- Библия: Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. М.: Библейские общества, 1995. 1376 с.
- Горький М.** Собр. соч.: В 16 т. / Сост. и общ. ред. Н. Н. Жегалова. М.: Правда, 1979. Т. 4. 400 с.
- Даль В. И.** Терпеть // Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля / Сост. Н. В. Шахматова и др. СПб.: Весь, 2004. 735 с.
- Дунаев М. М.** Православие и русская литература: В 6 ч. М.: Христианская литература, 1996–2000.
- Елизаров М.** Библиотекарь: Роман. М.: АСТ, 2019. 476 с.
- Елизаров М.** Ногти: Повести и рассказы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2011. 496 с.
- Есаулов И. А.** Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004. 560 с.
- Кантор В. К.** Русская классика, или Бытие России. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. 600 с.
- Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
- Кошемчук Т. А.** Русская литература в православном контексте. СПб.: Наука, 2009. 278 с.
- Кутейникова Н. Е., Оробий С. П.** Формирование читательской компетенции школьника. Детско-подростковая литература XXI века: Учеб. пособие для общеобразоват. организаций. М.: Просвещение, 2016. 220 с.
- Клех И.** Светопреставление: Повесть // Октябрь. 2003. № 5. С. 55–98.
- Латынина А.** Случай Елизарова // Новый мир. 2009. № 4. С. 165–173.
- Лебедушкина О.** Про людей и нелюдей // Дружба народов. 2006. № 1. С. 190–198.
- Липовецкий М., Эткинд А.** Возвращение тритона: советская катастрофа и постсоветский роман // НЛЮ. 2008. № 6. С. 174–206.
- Лосев А. Ф.** Диалектика мифа. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 320 с.
- Мелетинский Е. М.** От мифа к литературе: Курс лекций «История мифа и историческая поэтика». М.: РГГУ, 2000. 170 с.
- Никон (Воробьев), иг.** Нам оставлено покаяние: Письма. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 1997. 432 с.
- Петрушевская Л. С.** Собр. соч.: В 5 т. Харьков: Фолио; М.: ТКО АСТ, 1996. Т. 2. 367 с.
- Пропп В. Я.** Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 379 с.
- Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / Авт.-сост. Д. С. Балдаев, В. К. Белко, И. М. Исупов. М.: Края Москвы, 1992. 526 с.

¹⁷ Юзефович Г. Товарищ лауреат: Обладателем Букеровской премии стал безработный // Частный корреспондент. 2008. 4 дек. URL: <http://www.chaskor.ru/p.php?id=1580> (дата обращения: 13.04.2021).

- Ханов Б. А.** Своеобразие функционирования советского дискурса в романе М. Ю. Елизарова «Библиотекарь» // Учен. зап. Казан. ун-та. 2015. Т. 157, кн. 2. Гуманитарные науки. С. 229–238.
- Шиманский Г.** Христианская добродетель терпения. СПб.: Об-во памяти игуменьи Таисии, 2015. 112 с.

References

- Bibliya: Knigi Svyashchennogo pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta [Bible: Books of the Old and the New Covenant]. Moscow, Bibleiskie obshchestva Publ., 1995, 1376 p. (in Russ.)
- Dal V. I.** Terpet' [To endure]. In: *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka V. I. Dalya* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by Vladimir Dahl]. Comp. by N. V. Shakhmatova et al. St. Petersburg, Ves' Publ., 2004, 735 p. (in Russ.)
- Dunaev M. M.** Pravoslavie i russkaya literatura [Orthodoxy and Russian Literature]. In 6 vols. Moscow, Khristianskaya literatura Publ., 1996–2000. (in Russ.)
- Elizarov M.** Bibliotekar' [The Librarian]. Moscow, AST Publ., 2019, 476 p. (in Russ.)
- Elizarov M.** Nogti [Fingernails]. Moscow, Ad Marginem Press, 2011, 496 p. (in Russ.)
- Esaulov I. A.** Paskhal'nost' russkoi slovesnosti [Easter type in Russian literature]. Moscow, Krug Publ., 2004, 560 p. (in Russ.)
- Gorky M.** Complete Works. In 16 vols. Moscow, Pravda Publ., 1979, vol. 4, 400 p. (in Russ.)
- Kantor V. K.** Russkaya klassika, ili Bytie Rossii [Russian Classics, or Genesis of Russia]. Moscow; St. Petersburg, Center for Humanitarian Initiatives; Universitetskaya kniga Publ., 2014, 600 p. (in Russ.)
- Karaulov Yu. N.** Russkii yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and linguistic personality]. Moscow, Nauka, 1987, 261 p. (in Russ.)
- Khanov B. A.** Svoeobrazie funktsionirovaniya sovetskogo diskursa v romane M. Yu. Elizarova "Bibliotekar'" [The peculiarity of the Soviet discourse functioning in the novel by M. Yu. Elizarov "The Librarian"]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta [Scientific notes of Kazan University]*, 2015, vol. 157, iss. 2: Gumanitarnye nauki [Humanitarian sciences], pp. 229–238. (in Russ.)
- Klekh I.** Svetoprestavlenie [The Doomsday]. *Oktyabr' [October]*, 2003, no. 5, pp. 55–98. (in Russ.)
- Koshemchuk T. A.** Russkaya literatura v pravoslavnom kontekste [Russian Literature in the Orthodox Context]. St. Petersburg, Nauka, 2009, 278 p. (in Russ.)
- Kuteinikova N. E., Oroby S. P.** Formirovanie chitatel'skoi kompetentsii shkol'nika. Detsko-podrostkovaya literatura XXI veka [Formation of the student's reading competence. Children's and adolescent literature of the 21st century]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2016, 220 p. (in Russ.)
- Latynina A.** Sluchai Elizarova [The Elizarov's case]. *Novyi mir [New world]*, 2009, no. 4, pp. 165–173. (in Russ.)
- Lebedushkina O.** Pro lyudei i nelyudei [About people and non-people]. *Druzhiba narodov [Friendship of Peoples]*, 2006, no. 1, pp. 190–198. (in Russ.)
- Lipovetsky M., Etkind A.** Vozvrashchenie tritona: Sovetskaya katastrofa i postsovetskii roman [The Return of the Newt: The Soviet Catastrophe and the Post-Soviet Novel]. *Novoe literaturnoe obozrenie [New literary review]*, 2008, no. 6, pp. 174–206. (in Russ.)
- Losev A. F.** Dialektika mifa [Dialectic of myth]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2014, 320 p. (in Russ.)
- Meletinsky E. M.** Ot mifa k literature: Kurs lektsii "Istoriya mifa i istoricheskaya poetika" [From myth to literature: Course of lectures "History of myth and historical poetics"]. Moscow, RSHU Publ., 2000, 170 p. (in Russ.)
- Nikon (Vorob'ev), abbot.** Nam ostavleno pokayanie: Pis'ma [Repentance Left to Us: Letters]. Moscow, Sretensky monastyr' Publ., 1997, 432 p. (in Russ.)

- Petrushevskaya L. S.** Complete Works. In 5 vols. Kharkov, Folio Publ.; Moscow, AST Publ., 1996, vol. 2, 367 p. (in Russ.)
- Propp V. Ya.** Istoricheskie korni volshebnoi skazki [The historical roots of the fairy tale]. Leningrad, LSU Press, 1986, 379 p. (in Russ.)
- Slovar' tyuremno-lagerno-blatnogo zhargona (rechevoi i graficheskii portret sovetskoi tyur'my) [Dictionary of criminal jargon (speech and graphic portrait of a Soviet prison)]. Comp. by D. S. Baldaev, V. K. Belko, I. M. Isupov. Moscow, Kraya Moskvyy Publ., 1992, 526 p. (in Russ.)
- Shimansky G.** Khristianskaya dobrodetel' terpeniya [The Christian virtue of patience]. St. Petersburg, Obshchestvo pamyati igumen'i Taisii Publ., 2015, 112 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Оксана Анатольевна Колмакова, доктор филологических наук

Information about the Author

Oksana A. Kolmakova, Doctor of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 19.07.2021;
одобрена после рецензирования 23.11.2021; принята к публикации 30.11.2021
The article was submitted 19.07.2021;
approved after reviewing 23.11.2021; accepted for publication 30.11.2021*

Краткое сообщение

УДК 902, 903

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-129-133

VIII Международная научная конференция «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий», посвященная 300-летию открытия памятников енисейской письменности и Году хакасского эпоса в Республике Хакасия

Нурсафа Гафуровна Хайруллина¹
Ирина Николаевна Трошкина²

¹ Тюменский индустриальный университет
Тюмень, Россия

² Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
Абакан, Россия

¹ nursafa@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7290-3290>

² i.troschkina2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1650-0590>

Аннотация

В период с 23 по 25 сентября в городе Абакане (Республика Хакасия) состоялась VIII Международная научная конференция «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий», посвященная 300-летию открытия памятников енисейской письменности и году хакасского эпоса в Республике Хакасия. Значимые объекты древнетюркской письменности и фольклорного наследия данного региона вызывают особый интерес научной общественности. В этой связи важным является освещение результатов работы научного мероприятия. Главной целью мероприятия являлось взаимодействие, обмен опытом и результатами научных исследований в области гуманитарных наук, сохранения и изучения памятников письменности и фольклора. В конференции приняли участие более 130 ученых из Монголии, Японии, Узбекистана, Турции, Азербайджана, Белоруссии, Финляндии и России. Работа проходила в 5 секциях, 1 круглом столе, посвященном актуальным вопросам археологии Южной Сибири и Центральной Азии. Конференция показала большую значимость этнической культуры, занимающей одно из ведущих мест в изучении историко-культурного наследия того или иного народа, его роли в мировом сообществе.

Ключевые слова

международная конференция, научное мероприятие, памятники енисейской письменности, древнетюркская письменность, год языка, фольклорное наследие, Хакасия

Для цитирования

Хайруллина Н. Г., Трошкина И. Н. VIII Международная научная конференция «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий», посвященная 300-летию открытия памятников енисейской письменности и Году хакасского эпоса в Республике Хакасия // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 2: Филология. С. 129–133. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-129-133

The 8th International Scientific Conference “Peoples and Cultures of the Sayan-Altai and Bordering Territories”, Dedicated to the 300th Anniversary of the Discovery of Sites of the Yenisei Script and to the Year of Khakass Epic in the Republic of Khakassia

Nursafa G. Khairullina ¹, Irina N. Troshkina ²

¹ Tyumen Industrial University
Tyumen, Russian Federation

² Khakass Research Institute for Language, Literature, and History
Abakan, Russian Federation

¹ nursafa@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7290-3290>

² i.troshkina2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1650-0590>

Abstract

In the period from September 23 to 25 in Abakan (the Republic of Khakassia), the 8th International Scientific Conference “Peoples and Cultures of the Sayan-Altai and Bordering Territories”, dedicated to the 300th anniversary of the discovery of sites of the Yenisei script and to the Year of Khakass epic in the Republic of Khakassia was held. Significant objects of Old Turkic writing system and folklore heritage of this region are of particular interest to the scientific community. In this regard, it is important to highlight the results of the scientific event. The main purpose of the event was interaction, exchange of experience and results of scientific research in the field of humanities, preservation and study of monuments of writing and folklore. The conference was attended by more than 130 scientists from Mongolia, Japan, Uzbekistan, Turkey, Azerbaijan, Belarus, Finland, and Russia. The work was carried out in 5 sections, 1 round table devoted to relevant issues of archaeology of Southern Siberia and Central Asia. The conference showed the great importance of ethnic culture, which occupies one of the leading places in the study of historical and cultural heritage of a particular people, its role in the world community.

Keywords

International conference, scientific event, monuments of the Yenisei script, ancient Turkic script, year of language, folklore heritage, Khakassia

For citation

Khairullina N. G., Troshkina I. N. The 8th International Scientific Conference “Peoples and Cultures of the Sayan-Altai and Bordering Territories”, Dedicated to the 300th Anniversary of the Discovery of Sites of the Yenisei Script and to the Year of Khakass Epic in the Republic of Khakassia. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 2: Philology, pp. 129–133. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-129-133

Республика Хакасия с 23 по 25 сентября 2021 г. стала местом работы VIII Международной научной конференции «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий», проводившейся в рамках Международного симпозиума хакасского эпоса и посвященной 300-летию открытия памятников енисейской письменности и Году хакасского эпоса в Республике Хакасия.

Организатором мероприятия выступил Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ) при поддержке Министерства культуры Республики Хакасия, Министерства образования и науки Республики Хакасия, Центра культуры и народного творчества им. С. П. Кадышева. Хакасия стала местом проведения подобного мероприятия в связи с тем, что 300 лет назад, в августе 1721 г., на территории данного региона (долина р. Уйбат) Д. Г. Мессершмидтом был обнаружен памятник орхоно-енисейской (древнетюркской) письменности. Кроме того, в соответствии с распоряжением Главы Республики Хакасия от 30.12.2020 г. № 133-рп, в целях поддержки и развития нематериального культурного наследия, привлечения внимания к устному поэтическому творчеству хакасского народа (хакасскому эпосу), его популяризации, 2021 год в Республике Хакасия объявлен Годом хакасского эпоса.

В работе мероприятия приняли участие представители исполнительной и законодательной власти Республики Хакасия, общественных организаций, в том числе и Совета старейших Республики Хакасия, ученые из Монголии, Японии, Узбекистана, Турции, Азербайджана, Белоруссии, Финляндии, а также из России (Москвы, Санкт-Петербурга, Якутска, Казани, Улан-Удэ, Элисты, Тюмени, Горно-Алтайска, Кызыла, Новосибирска). Новосибирский научный центр в работе конференции представляли: старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, кандидат исторических наук П. И. Шульга; доцент кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества Сибирского института управления РАНХиГС, кандидат исторических наук Д. П. Шульга; старший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН, кандидат филологических наук Л. Н. Арбачакова; главный научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права СО РАН, профессор, доктор философских наук Ю. В. Попков; ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН, профессор кафедры философии и гуманитарных наук Новосибирского государственного университета экономики и управления, доктор философских наук Е. А. Ерохина; главный научный сотрудник Института филологии СО РАН, доцент, доктор филологических наук И. В. Шенцова.

К началу мероприятия был издан сборник материалов Международного симпозиума и Международной конференции «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий», посвященной 300-летию открытия памятников енисейской письменности и Году хакасского эпоса в Республике Хакасия, включающий более 80 научных докладов (рис. 1).

В рамках симпозиума были организованы экскурсии в Хакасский национальный краеведческий музей им. Л. Р. Кызласова (рис. 2) и Минусинский краеведческий музей им. Н. М. Мартыанова; полевой семинар с осмотром памятников археологии; мастер-классы по горловому пению, по хакасским традиционным ремеслам, творческие лаборатории по игре на хакасских музыкальных инструментах (чатхан, хомыс) (рис. 3); научно-популярные лекции о роли эпоса в хакасской культуре; выставки художников и мастеров декоративно-прикладного искусства и народных художественных ремесел «Ожившие легенды»; театрализованное представление на основе хакасского эпоса.

22 сентября на пленарном заседании с основным докладом выступил доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела средневековой археологии Института археологии РАН И. Л. Кызласов. Он рассказал о енисейском руническом письме в свете 20 последних лет его изучения. В рамках обозначенной темы прозвучал доклад заведующего кафедрой тюркской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, кандидата филологических наук, доцента Н. Н. Телицина. Докладчик акцентировал внимание на спорности вопроса о времени и источнике происхождения тюркского рунического письма, подверг сомнению традиционное мнение о существовании «единой орхон-енисейской письменности». Заседание продолжили ученые-фольклористы: заведующая кафедрой культурологии Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, доктор филологических наук, доцент Л. С. Ефимова; заведующая сектором фольклора Хакасского научно-исследовательского института язы-

Рис. 1 (фото). Сборник тезисов докладов конференции
Fig. 1 (photo). Collection of abstracts of the Conference works

ка, литературы и истории, кандидат филологических наук Н. С. Чистобаева; доцент Академии наук Кыргызской Республики, доктор филологических наук Т. А. Бакчиев. Ими рассматривались достижения и перспективы развития фольклористики тюркских народов Сибири, среди проблем фольклористики прозвучали – разработка проблем музыковедческих исследований, внедрение новых технологий, подготовка высококвалифицированных научных кадров. Значимое внимание уделено проблеме женской сказительной практики, вкладу В. Е. Майнагашевой в развитие фольклористики, а также древним героическим сюжетам.

Рис. 2 (фото). Участники мероприятия в Хакасском национальном краеведческом музее им. Л. Р. Кызласова (фото И. Н. Трошкиной)

Fig. 2 (photo). Participants of the event at L.R. Kyzlasov Khakass National Museum of Local Lore (photo by I. N. Troshkina)

Рис. 3 (фото). Участники мероприятия в творческой лаборатории по игре на хакасских музыкальных инструментах (фото И. Н. Трошкиной)

Fig. 3 (photo). Participants of the event at the Creative Laboratory for playing the Khakass musical instruments (photo by I. N. Troshkina)

23 сентября состоялась работа круглого стола «Актуальные вопросы археологии Южной Сибири и Центральной Азии», посвященного 70-летию доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника отдела средневековой археологии Института археологии РАН, Заслуженного деятеля науки Республики Хакасия И. Л. Кызласова, и пяти секций: «Актуальные проблемы изучения и сохранения эпического наследия хакасского народа и народов России»; «Художественное наследие народов России в современном культурном пространстве»; «Фундаментальные и прикладные исследования в области родных языков народов Сибири»; «Актуальные вопросы социально-экономического развития регионов»; «Вопросы изучения истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий». Приоритетным вопросом каждой платформы стало сохранение и развитие этнической культуры, занимающей одно из ведущих мест в изучении историко-культурного наследия народов.

Третий день работы форума завершился практическим полевым семинаром с посещением музея «Древние курганы Салбыкской степи». Историко-культурный объект (Большой Салбыкский курган) вызвал большой интерес у исследователей. Была отмечена грандиозность, величественность сооружения в сравнении с другими подобными памятниками на территории Сибири V–IV вв. до н. э., потребность в сохранности объекта.

Резолюция конференции включает предложения по укреплению материально-технической базы археологических исследований, подготовке специалистов в области археологии и рунологии, регулярности проведения научно-популярных мероприятий в области археологии, фольклора и традиционной культуры, включения хакасского героического эпоса в перечень объектов нематериального культурного наследия народов России.

Таким образом, конференция внесла значимый вклад в дальнейшее развитие фольклора и археологии, актуализировала значимые проблемы этнокультурной, этносоциальной, экономической направленности в Южной Сибири, иных регионах РФ.

Информация об авторах

Нурсафа Гафуровна Хайруллина, доктор социологических наук
Ирина Николаевна Трошкина, кандидат философских наук

Information about the Authors

Nursafa G. Khairullina, Doctor of Social Sciences
Irina N. Troshkina, Candidate of Sciences (Philology)

Вклад авторов

Нурсафа Гафуровна Хайруллина – научное руководство
Ирина Николаевна Трошкина – формирование текста

Contribution of the Authors

Nursafa G. Khairullina – scientific management
Irina N. Troshkina – text shaping

*Статья поступила в редакцию 11.10.2021;
одобрена после рецензирования 18.11.2021; принята к публикации 20.11.2021
The article was submitted 11.10.2021;
approved after reviewing 18.11.2021; accepted for publication 20.11.2021*

Информация для авторов

Вестник Новосибирского государственного университета Серия: История, филология Выпуск «Филология»

Редакционная политика выпуска «Филология» направлена на отбор наиболее значимых публикаций, подготовленных по актуальной научной тематике.

К печати в разделе «Языкознание» принимаются работы, в которых на репрезентативном языковом материале, собранном лично автором, решаются актуальные проблемы современной лингвистики, преимущественно русистики, отличающиеся новизной и теоретической обоснованностью.

К публикации в разделе «Литературоведение» принимаются исследования по поэтике русской литературы (сюжет, мотив, жанр, образ человека в литературе, поэтика образа, символа и пр.) с использованием современных научных методов.

Сроки выхода журнала: март (№ 2) и ноябрь (№ 9) каждого календарного года.

Общие требования к оформлению статьи

Авторы присылают в редколлегию выверенную ими рукопись статьи. Объем статьи доктора наук не должен превышать 1 а. л. = 40 тыс. знаков (с пробелами и учетом всех сносок и всех метаданных), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм составляет 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Объем статьи кандидата наук – не более 0,7 а. л., аспирантов и соискателей – не более 0,5 а. л. Объем сообщений, рецензий и других подобных материалов – до 12 тыс. знаков.

Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором выпуска.

Материалы подаются в электронном виде в формате текстового редактора Word (расширение .doc, .docx или .rtf), шрифт Times New Roman, кегль 12, интервал 1. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы (внизу справа).

Обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf).

Подробно с требованиями к оформлению текстов можно ознакомиться на официальном сайте издания: <https://nguhist.elpub.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>.

Все файлы необходимо загружать на официальный сайт журнала (<https://nguhist.elpub.ru/jour/index>), зарегистрировавшись в качестве автора, в соответствии с приведенной на сайте инструкцией. Там же можно ознакомиться с последними опубликованными номерами журнала.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Адрес редакционной коллегии
выпуска «Филология»

Новосибирский государственный университет,
ауд. 1260 нового учебного корпуса
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: philology@vestnik.nsu.ru

Журнал распространяется по подписке,
подписной индекс 11227 в каталоге «Пресса России»